

Сергей Виниченко

*Пресногорьковская
казачья линия*

(очерки истории)

Сергей Виниченко

***Пресногорьковская
казачья линия
(очерки, истории)***

с. Половинное
2011 год

Всем жителям нашего благодатного края - тем, кто родился, рос, работал в Половинском районе Курганской области, Пресногорьковском и Узункольском районах Кустанайской области, а также всем, кто любит историю Отечества, посвящается эта книга.

Книга издана на средства атамана Югорской казачьей станицы подьесаула Холодкова Владимира Петровича (Ханты-мансийский автономный округ)

Особую благодарность автор выражает подьесаулу СКВ Шилову Олегу Геннадьевичу, историку Винокурову Олегу Александровичу, краеведу Дедову Александру Ивановичу.

Лицензия «КСГ № 0216» выдана 29.04.2003г. Костанайским областным Советом по экспертизе и лицензированию. Авторское право защищено.

Об авторе

Виниченко Сергей Николаевич – родился в 1960 году в Пресногорьковке, окончил Кустанайский СХИ в 1983 году, исторический факультет Кустанайского педагогического института в 1991 году. Служил в армии на Дальнем Востоке. С 1986 года работает учителем истории в Пресногорьковской средней школе. Учитель истории высшей категории. Любимое занятие – краеведение. Автор книг «Пресногорьковские были», «Пресногорьковка. Страницы истории» и ряда публикаций («Военно-хозяйственная колонизация Северного Казахстана в XVIII веке», более 40 статей на краеведческую тему в районной, областной и республиканской прессе).

Источниковедческую основу очерков составили:

- материалы из архивов - Центральный Государственный архив Казахской ССР, Центральный Государственный архив РФ, Центральный Государственный Военно-исторический архив РФ, Государственный архив Омской области, Центральный Государственный архив древних актов РФ, ЦГАОР.
- труды дореволюционных ученых и историков Г.Н.Потанина, А.И.Левшина, И.Фалька, Ф.Н.Усова, Н.Г.Путинцева, Г.Е.Катанаева, М. Хорошхина, П.А.Словцова, И.Н.Завалишина, В.Н.Татищева, П.Семенова – Тянь-Шанского, П.Золотова, П.С. Палласа, Ш.Ш. Валиханова, А.Левшина, Н.О.Осипова.
- работы историков советского периода - Н.В.Горбань, М.М.Громыко, В.И.Петрова, В.Я. Басина.
- исследования казахстанских ученых - С.Д.Асфендиарова, Ж.К.Касымбаева, Н.Е.Бекмахановой, М.Ж.Абдирова, К.Туманшина, М.С.Муканова, М.К.Козыбаева.
- в очерках использованы ссылки на земляков-писателей Габита Махмудовича Мусрепова («Автобиографический рассказ»), Сабита Мукановича Муканова («Школа жизни»), Ивана Петровича Шухова («Горькая линия»), Сергея Угренинова, Александра Ивановича Дедова, рассказы старожилов села Пресногорьковки, Пресноредут, Макарьевки, воспоминания Лавринова Н.Г. («Жизнь»), Церахто Ф.Н., Рыбкина П.С., Ермолаева Ю.Ф., мемуарная литература – воспоминания участников белого движения Е.М.Красноусова, Г.Е.Енборисова, А.Будберга, К.В.Сахарова, А.Ф.Ефимова, П.Н.Краснова, П.П.Петрова.
- работы историков постсоветского периода В.А.Шулдякова, О.А.Винокурова, В.Б.Масляева, В.И.Усанова.

К читателю

Почему я написал книгу, которую вы открыли? С детских лет меня влекли таинственные, оставшиеся от далекого прошлого, названия окрестных лесов, озер, деревень, забытых станиц – Пищальное, Канонерское, Набоково, Хорунжинское, Татарский, Башкирское, Починное...

Тяга к древним курганам и братским захоронениям в некогда седой от ковыля, а ныне распаханной степи проявилась во время учебы на историческом факультете. Потом я окунулся в документы гражданской войны – от них веяло ледяным ужасом гибели Сибирского казачьего войска. Некоторую часть собранного за годы краеведческих поисков материала я поместил в эту книгу, избрав жанр коротких очерков.

Для того чтобы показать читателю неразрывную связь поколений, в книгу включены рассказы о подвигах внуков казаков, призванных Пресногорьковским райвоенкоматом в годы Великой Отечественной войны.

По словам Н.М.Карамзина: «история всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество». Ряд документов и фотографий как нельзя более точно подтверждают слова великого русского историка.

Их ЕДИНИЦЫ, А ДЕЛА - ДЛЯ ТЫСЯЧ

С Сергеем Николаевичем Винниченко - интереснейшим человеком, педагогом с большой буквы и просто фанатичным любителем своей малой родины, я познакомилась несколько лет назад случайно.

В те времена Половинский таможенный пост и казахстанский пост «Акбалшик» дружили по спортивной части и бывали друг у друга в гостях. Вот во время такой спартакиады, проходившей в Пресногорьковском, нас и повели в школьный музей, который таил в себе настоящие информационные и экспонатные сокровища. Представляя Сергея Николаевича, директор школы подчеркнул, что большей частью благодаря именно ему этот музей состоялся, что историю Пресногорьковского и его окрестностей знают жители не только села, района, но и области, и даже во многих точках мира, куда судьба раскидала бывших пресногорьковчан.

Таких фанатов, как Винниченко, увы, немного, но они делают дела, которые нужны тысячам. Что бы там не выносила жизнь на гребень успеха в тот или иной момент, есть вещи классические, к которым человек, пережив бурную юность и становление, возвращается, как к чему-то основательному, без чего просто нет осмысления своего бытия. Я говорю о своих корнях, о своих предках, которые помогают осмыслить себя, свой род в истории. И чем старше становишься, тем интереснее узнать и понять кто ты и что ты. Это осмысление приходит уж в зрелом возрасте и начинаешь токовать, что в свое время не расспросил бабушек и дедушек, старших родственников, которые могли бы рассказать. И для всех нас, Иванов, которые родство помнят, но иногда поздно спохватываются, такие люди, как Винниченко - находка, радость и счастье.

Благодаря Сергею Николаевичу сотни пресногорьковчан знают свои корни, знают историю своей родины, жизнь своих земляков, изложенные в документальных по-

вестях «Пресногорьковские были», «Пресногорьковка. Страницы истории». И вот новый труд, посвященный истории казачества Пресногорьковской линии. Именно труд, потому что вмещает в себе целую эпоху обустройства местных земель казаками, основателями бывшей станицы Пресногорьковская. Множество интересных и редких фактов, событий, архивных данных. Безусловно, эти очерки станут событием не только для жителей села, но и всего казачьего сословия, рассредоточенного по просторам бывшего СССР.

Хочется поклониться автору за такой титанический труд. И сказать - о нем будут знать не только в Казахстане, но и в России, ведь для жителей Половинского района России Пресногорьковское когда-то было родным - ряд наших сел входили в Пресногорьковскую линию.

Галина Абрамова,
член Союза журналистов России

Содержание

Об авторе.....	3
К читателю.....	5
Их ЕДИНИЦЫ, А ДЕЛА – ДЛЯ ТЫСЯЧ.....	6
Старожилы Сибири в Южном Зауралье.....	9
«Симова черта» от Тобола да Иртыша (Пресногорьковская линия).....	13
Военно-хозяйственная колонизация Степного края при Екатерине Великой.....	27
Эхо пугачевского бунта на Пресногорьковской линии	36
Основание Сибирского казачьего войска.....	44
Торговля между линейными жителями и Степью в XIX веке.....	58
Церковь и монастырь.....	79
Знаменитые личности на линии.....	98
Пресногорьковка в начале XX века.....	100
Гражданская война.....	107
Западно-Ишимское восстание 1921 года.....	159
Пресногорьковка после гибели Сибирского казачьего войска.....	181
История школы.....	193
Документальный материал к очеркам.....	209
Казачи на фронтах Великой Отечественной войны (поисковый материал).....	247
Солдатский подвиг.....	247
Огненные версты Николая Савельева.....	251
Разведчик.....	255
Старый дневник о любви и войне.....	259
Солдат из Книги Памяти.....	263
О дневнике Воропаева Сергея Николаевича.....	268
Выпуск 1941 года Пресногорьковской средней школы	271
Фотодокументы.....	279
Фотоматериалы.....	284

«И навеки полюбились нам с вами: и бескрайные ковыльные степи, и волнующе мягкий и нежный рисунок смутно синеющих вдали березовых колков, и обнаженные вершины придорожных курганов, и трубный клич поднявшихся на рассвете с воды лебедей, и ослепительно сияющие под полуденным солнцем, посолоневшие от жары озера».

Иван Шухов. Письма сибирским казакам

Старожилы Сибири в Южном Зауралье

В 1731 году кочевья Младшего жуза, гонимые безжалостными ойратами, вошли в состав Российской империи.

Улучшению казахско-русских отношений всеми силами пытался воспрепятствовать основной противник казахов на Востоке джунгарский правитель хунтайджи Галдан-Церен, сосредоточивший в местах соприкосновения с казахскими кочевьями и русскими крепостями свыше 20 тысяч войска, готового по одному мановению руки жестокого джунгара ринуться на мирные казахские аулы, залить кровью степи Сары – Арки.

Русское командование перевело на берега Ишима и Иртыша значительные силы – драгунские и гренадерские полки. Кавалерия и пехота была определена на постройку в зауральские крепости, слободы, станцы и форпосты старой Ишимской и Иртышской линий. Эти действия сдержали продвижение джунгар на запад летом 1744 года. Происки джунгарского хунтайджи встретили значительное противодействие со стороны многих старшин Среднего Жуза. Влиятельный султан Барак отклонил предложение Галдан – Церена совершить нападение на сибирскую линию укреплений на Иртыше.

Учитывая опасность со стороны южных границ империи, царское правительство в середине XVIII века

строило линии военных укреплений на границах со Степью. Начало их строительству положили крепости на седом Яике. Яицкая линия была соединена с Оренбургом и Орском рядом форпостов. В верховьях Яика в 1734 году была заложена крепость Верхнеяицкая (ныне г. Верхнеуральск, РФ).

В 1739 году известный русский историк В.Н.Татищев, будучи губернатором Оренбурга, послал в кабинет Министров «представления свои, из коих главнейшие - провести линию вверх по Яику до Верхнеяицкой пристани, а оттуда по реке Ую до Царева Городища. На линии сей поселить гарнизонные и ландмилицкие полки»

Согласно этому представлению Уйская линия крепостей и редутов протянулась от крепости Троицкой до урочища Звериная Голова (построена в 1743 году на левобережье реки Уй, состояла из крепостей Каракульской, Крутоярской и Усть-Уйской, а также редутов Ключевского, Луговского, Кочердыкского и Озерного). Линия поворачивала на север по реке Тобол до Царева Городища (современный Курган). Восточнее сибирские полки выстроили мощные Куртамышскую и Бакланскую крепости. Еще в начале XVIII века по южной границе со Степью империей был построен ряд форпостов и пограничные укрепления тянулись на 985 верст ломаной линией, которая протянулась «вниз по Тоболу от острога Лебяжьего, расположенного южнее Кургана, сворачивала на северо-восток через Моревский, Арлагульский и Суерский форпосты на крепость Омутную и Усть-Ламинскую, где опять поворачивала на юго-восток к Ишиму и далее, делая изгиб в северном направлении (Зудиловский острог), перекидываясь на Иртыш (Большереецкая), заканчивалась Чернолуцким острогом». Южнее острога Лебяжьего в пойме Тобола еще в 1717 – 1719 годах были построены крепость Бакланская (в 4,5 верстах от нее по реке в 1752 году заложена Звериного-

ловская), редут Прочетной (ныне пос. Редуть Звериноголовского района РФ) и крепость Куртамышская (в 20 верстах от редута, ныне с.Закоулово, Курганской области РФ). Они являли собой клин, выдвинутый далеко в степные просторы. Эта часть границы империи просуществовала вплоть до начала строительства Новошимской линии в 1752 году, когда названные крепости перестали играть роль пограничных, оказавшись севернее границы.

Эта линия слобод и форпостов тянулась от Тобола до Иртыша очень неровной полосой, отступавшей местами сильно на север, а по концам своим выдвинутой на юг. Кроме зигзагообразности и недостаточной надежности некоторых участков (укрепленные точки располагались неравномерно), эта защитная полоса обладала существенным недостатком – пашни, сенокосы, рыбные ловли населения в ряде мест ушли за ее пределы на юг, и во время полевых работ для охраны крестьян высылались воинские команды, сформированные из иррегулярных войск.

Характерными типами Ялуторовского и Ишимского дистриктов Сибирской губернии, которые охранялись Ишимской линией, были слободы и деревни. Первые возникли как укрепления: прочная деревянная ограда из столбов («город лежачий»), иногда с башней, рогатки, рвы, вокруг крепостей часто использовались надолбы – обрубки дерева в 1 - 2 – 3 ряда, вбитые крепко между рвом и тыном. В слободах строили острог, церковь, казенные амбары, дом приказчика. Так, центр Ишимской линии слобода Царев Курган (Царева слобода) имела к середине XVIII века укрепления из двух линий: старый острог – деревянный кремль с двумя башнями (XVII век) и новое кольцо укреплений с 8 бастионами и 4 - мя проезжими воротами. В слободе были казармы, пороховой погреб и военные склады, амбары для казенного хлеба.

В связи с осложнившимся в 40-х годах XVIII века положением на южных границах Сибири, вследствие постоянной агрессии джунгар на казахские земли, полковником Павлуцким в 1743 году было построено на 200 верстах 11 редутов в двадцати, тридцати и пятидесяти верстах к югу от прежних Тобольских форпостов. Эти укрепления, объективно сыгравшие заметную роль в защите казахов в период нарастания джунгарской агрессии, в последующем стали опорными пунктами правительственной колонизации обширного Степного края.

«Целью оснований новых укреплений здесь поставляются:

1. охранение границ и пересечений перелазов неприятельских.
2. частые и повседневные разъезды, коими усмотреть воровские тракты будет можно.
3. людям и лошадям будет облегчение...разъезды продолжать не так будет трудно» (из рапорта Якова Павлуцкого).

Таким образом, в 1744 году пограничные уезды на юге Западной Сибири располагали значительными военными силами (в Ишимском дистрикте 932 человека, в Утятском форпосте 131, Царевом Кургане 952 драгуна Сибирского полка, у Лебяжьего озера – 35).

Кроме команд из Сибирских полков в крепостях проживали выписные казаки из крестьян. С 1747 года они обрабатывали казенную землю на своих лошадях, собирали урожай, молотили хлеб и возили его в казенные магазины, что производилось за счет «крайнего разорения домашности, казаки обретаются на форпостах и служат с 1732 года своим коштом и со своим ружьем... и платят подушные деньги как за себя так и за умерших отцов и братьей и за взятых в рекруты и в полон». Наряду с занятием земледелием, бывшие государственные крестьяне выполняли воинские обязанности: назначались в караулы, разъезды, посылались на линии крепостей как помощь регулярному

войску. В районе будущей Новоишимской линии кочевали рода Среднего Жуза «зимую по реке Тургай, летом при верховьях реки Тобола, Ишима и Иртыша, по реке Ую до Орской крепости... Наиболее зажиточными... считаются 4 рода: найманы, аргинцы, увак – гирейцы и кипчаки».

«Симова черта» от Тобола до Иртыша (Пресногорьковская линия)

Идея строительства новой линии укреплений возникла еще в 40х годах XVIII века по мере продвижения России на юг. 17 марта 1743 года «птенец гнезда Петрова» оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев и сибирский губернатор А.И.Сухарев обсуждали в Шадринске вопрос о постройке новой линии крепостей.

И.И.Неплюев намеревался провести линию от урочища Звериная Голова, где Тобол резко поворачивал свои воды на север, на реку Ишим и далее до Омской крепости вдоль огромных пресно-горьких Камышловских озер. По его мнению «положено было вывести на нее служилых людей внутренних острогов и форпостов, расположить между Тоболом и Ишимом старый Сибирский драгунский полк. Около Звериной Головы можно построить крепость и два редута и в оные перевести гарнизон и из крепости Бакланской и Куртамышской, куда можно поселить крестьян». Об этом он доложил в Сенат 8 июля 1743 года (название Звериноголовской крепости дала находка первопоселенцами в осыпях берегов Тобола огромного черепа мамонта или тура – версия краеведа В.П. Бирюкова).

В 1743 – 1745 гг. проводился ряд осмотров и описаний местности капитаном Новоселовым, тобольским дворянином Макшеевым, инженер - полковником Кутузовым, премьер-майором Сташкеевым, поручиком геодезии Шишковым. Их донесения тщательно анализировались. Решено было строить линию по типу Оренбургской – располагая крепости на расстоянии 40 верст одна от другой и строить

меж ними редуты. «Крепости те выстроены без всякого для казны расхода, людьми, которые и гарнизоны в них содержат... Из казны отпускались иконы, книги, сосуды, колокола и жалованье священнослужителям. Да солдатам для обзаводства выдано было железо, топоры и косы, заработной платы же не было, они довольствовались остзейским жалованием» (Г.Н.Потанин). В 1744 году была учреждена особая должность начальника Сибирских пограничных линий. Первым ее занял генерал – майор Х.Х.Киндерман. 23 сентября 1744 года генерал отбыл из Санкт-Петербурга в Тобольск. Синие драгунские мундиры пяти полков – Вологодского, Олонецкого, Луцкого, Ширванского и Нотебургского вошли в Зауралье вслед за генералом, значительно усилив позиции империи в этом регионе. «Крестьян Крестьяныч» (так звали Киндермана крестьяне переименовав непонятное для них «Христиан Христианыч») внимательно изучил рапорт премьер-майора Сташкеева от 29 сентября 1745 года, в котором говорилось: «По ордеру Вашего Высочайшего превосходительства осматривал и описывал Новую линию от Тобола до Ишима, исследовал, можно ли провести ее прямее. Доношу: против назначенной Вами с поручиком Шишковым новой линии лучших мест не найдется, можно и прямее назначить линию, токмо безводныя и безлесныя места пришли, кайсаки кочевья свои имеют вблизи, и когда я следовал с командою, оные видимы были, и для разсматривания в сторону ездить было опасно... чтоб от того разсматривания оные кайсаки не пришли в конфузю какую. От Тобола до Ишима места степныя и безлесныя. По всей назначенной линии дорога весьма сухая, и лучше этих мест не найти».

Данные о пригодности намеченных для постройки укреплений местности резко расходились. В 1746 году по приказу Сената главный командир Сибирского корпуса генерал-майор Х.Х.Киндерман лично осмотрел местность, проехав с полевой командой от Оми до Тобола, вдоль линии Камышловских озер, пришел к выводу, что наиболее

удобно будет провести прямую линию укреплений от урочища Звериной Головы (ныне райцентр Звериноголовское Курганской области РФ) на Тоболе до Иртыша. Тем самым линия сокращалась почти вполовину, русские границы отодвигались к югу от старой Ишимской линии на 50 – 200 верст и сибирская линия укреплений соединялась с оренбургской. Неплюев согласился с командиром сибирского корпуса. «Сего августа 26 получил я от генерал-майора Киндермана план по его собственному осмотру новой Сибирской линии к тому со своей стороны ничего добавить не имею».

15 августа 1746 года Киндерман представил на рассмотрение Сената свой проект построения новой линии. Для проведения земляной линии по расчету Кутузова нужно было 9900 человек, а, по мнению Зорина, «к зделанию земляного вала здешняя земля весьма неспособна, да и кем оное исполнить, таковых способных, яко то крестьян, вблизиности не имеется».

Сенат утвердил проект Киндермана 26 марта 1752 года. Указ гласил (в краткой редакции):

«построить на линии от Омской крепости до урочища Звериной Головы:

1. 2 шестиугольные крепости, 9 четырехугольных, 33 редута, 42 маяка.

2. Нарядить 1290 регулярных, 2352 нерегулярных казачьих, всего 3642 человека.

3. Инструменты, заготовленные на Екатеринбургских заводах, железо отправить на новую линию заблаговременно.

4. Озаботиться о снабжении провиантом.

5. Строить оные сибирскими гарнизонными полками и служилыми казаками и татарами без платы из казны Ее Величества».

Строительство укреплений началось в июне 1752 года. Руководил строительством преемник Киндермана бригадир Ив. Крафт.

На работы были посланы батальон Вологодского драгунского и Ширванского пехотных полков, четырехсотная команда Нашебургского пехотного полка, выписные казаки Ялуторовского и Ишимского иррегулярных полков, казаки Тюменского и Краснослободского полков. Олонецкий, Луцкий полки несли охрану в степи, им помогали тарские служилые люди (выписными называли государственных крестьян Западной Сибири, которые несли службу на линиях с 1732 года. В 1750 году генерал Киндерман провел набор по 10 душ от 100 человек населения для службы на новой южной границе).

Строительство было начато одновременно в нескольких пунктах: на западе от Звериной Головы, в середине линии от реки Ишим на восток к Омской крепости. Вся Ново-ишимская линия была поделена на три дистанции: Тобольную, Ишимскую и Тарскую.

Главное наблюдение поручалась инженер-поручику Борису, которому предписывалось заложить и строить крепости, редуты и маяки «точно смотря, чтоб та линия против карты по местам была пряма», чтобы крепости и редуты были заложены «в пристойных, крепких и близ воды и на высоких местах». Большую помощь в строительстве и планировке крепостей Новой линии оказал поручик геодезии Вологодского полка Яков Акимович Укусусников, который впоследствии перестраивал Омскую крепость. Полки продвигались от Тобола к Ишиму, оставляя гарнизоны на крутых берегах огромных пресных озер.

Предписывалось строить надолбы, защиты, батареи, штаб и обер-офицерские избы, казармы, провиантские амбары и рвы, пороховые погреба, конюшни, бани, рогатки. В августе Крафт приказал командирам дистанций заложить все крепости до зимнего времени, чтобы в них могли зимовать команды, оставленные для охраны и разъездов по линии. С первых дней работы начались побег выписных казаков, оторванных от родных очагов. 25 августа подполковник Ив.Штруве из Звериноголовской крепости

рапортовал Крафту, что сбежало 63 казака Ялуторовского нерегулярного полка. С 3 по 10 сентября бежало 42 казака. Осенью на новостроящуюся линию со старой Ишимской потянулись по бездорожью обозы, везущие артиллерию: медные и чугунные пушки, ядра, картечь, фитили (несколько таких пушек находятся на хранении в Костанайском краеведческом музее). Холодный и дождливый октябрь заставил прекратить работы. Часть гарнизонов крепостей выступили на зимние квартиры, для охраны крепостей были оставлены команды из драгун и казаков, всего 1087 человек.

Крепость Пресногорьковская (в документах того времени «Пресногорковска», «Пресногорска») получила свое название от двух больших озер, между которыми была заложена 13 июля по старому стилю. Первопоселенцев привлекла возвышенность, господствовавшая над местностью, крутой, обрывистый берег над пресным озером и сосновый бор (так называемый Красный лес), полумесяцем охвативший с южной стороны Горькое озеро. Возвышенность с южной и северной сторон защищали два глубоких, наполненных водой, лога. Они являлись естественным препятствием для конницы. Чуть позже восточнее крепостных валов в сторону леса Маяк был вырыт широкий ров на самом узком месте перешейка между озерами (на месте нынешнего магазина «Меркурий»). Это сооружение защищало слободу с востока. Севернее озера Пресного березовый колок, в XIX веке получивший название Салотопник, на западной стороне почти до церковной ограды росли могучие березы Лазаретника. А дальше влево по тракту на редут Пресный (ныне Крутоярка) в урочище Татарском жили в шалашах служилые башкиры, проходящие годичную службу на линии.

К тому времени в крепости Пресногорьковской находились солдаты Олонецкого, Нашебургского, Вологодского полков, иррегулярных казачьих: капитан Олонецкого полка, два капрала, барабанщик, 25 драгун, 20 солдат Воло-

годского полка, 2 денщика из рекрут, 24 казака и «прочих» - 75 человек.

В именном списке казаков Ялуторовского казачьего полка за 1752 год значатся приписанных к крепости «деревни Черемыховой Денис Мокин, Утяцкой слободы Алексей Фролов, деревни Предеиной Семен Предеин, деревни Новой Фома Лапин».

В сентябре сюда были назначены казаки: «Курганской слободы деревни Первухиной Филипп Перфялин, Белозерской слободы деревни Куликовой Федор Корюкин, Егор Шорин, деревни Смолиной Григорий Чуляков, Григорий Казанцев, Сергей Мамонтов». Они остались зимовать в недостроенных казармах, под прикрытием мощных заплотов. Эти выписные казаки были первыми жителями Пресногорьковки.

В течение последующих двух лет выписные казаки работали на строительстве под охраной конвойных команд. В 1755 году отправка казаков прекратилась, и строительство заканчивали регулярные войска. К 1755 году строительство линии было в основном завершено. Она протянулась от крепости Звериноголовской до Омской на 540 верст. Тобольная дистанция состояла из пунктов – крепость Звериноголовская, редут Алабужский, редут Сибирский, редут Пещаный, редут Пресной, крепость Пресногорьковская, редут Березовый (Камышловский), редут Пресногорьковский (Пресноредут), редут Семиозерный крепость Кабанья, редут Пресноизбный, редут Второпресный, крепость Пресновская, редут Первопресный, редут Болотоколодезный, редут Кладбинский, крепость Пресносенжарская, редут Пресносарапульский, редут Дубровный, крепость Становая, редут Гагарий, редут Кривоозерный, крепость Святого Петра (ныне город Петропавловск).

«В 1755 году на сибирских пограничных линиях Горькой, Иртышской и Кольвано-Кузнецкой протяженностью 2991 верста находились 18 крепостей, 13 форпостов, 31 редут, 23 станции и 35 маяков. С возведением их казахские

кочевники лишились доступа к богатым земельным территориям, местам традиционного летнего кочевания в междуречье Иртыша, Есиля и Тобола... Тем самым еще более обострился земельный вопрос между казаками и сибирскими казаками» (Ф.Усов).

При охране границы драгунским командам предписывалось:

«8...разъездам съезжаться на середине, где, дав отдых лошадям в прогонах с крышами и покормив кошеною травой, отправляться назад.

9. в случае опасности дать знать и с сильнейшим неприятелем в бой не вступать.

10. в форпостах и защитах иметь часовых, конных вестовых и отъезжие караулы, которые к ночи ближе сводить.

11. на середине, между форпостами и защитами, ставить маяки в трех портаментах и чтоб оболочены были сухим хворостом, и верхний сноп был немалый и мелкого хвороста, и при маяке иметь хвороста на три перемены взапас: и ежели откроется неприятель, то маяки жечь и из пушек стрелять холостым залпом, по одиночке и без ружей людей не отпускать, и за травой ездить компанией». (инструкция)

Известный российский ученый П.П. Тянь-Шаньский так охарактеризовал цель строительства линии «Для того чтобы обеспечить сколько-нибудь правильную колонизацию на западносибирских окраинах русскому правительству уже в XVIII веке пришлось отгородиться от кочевников искусственно укрепленными линиями, одной вдоль Яика, а другой продолжением ее к востоку поперек Тобола и Ишима, так называемой Горькой линией и далее на юго-восток по правому берегу Ишима до Алтайских гор».

Другая причина заключалась в том, что «ныне южная полоса Западной Сибири... служит одной из богатейших житниц империи. Для того чтобы развить и обеспечить безопасное состояние столь производительной части государства была проведена от Уральска на Оренбург, Орск, Петропавловск, Омск, до Усть-Каменогорска длинная и

круглая оборонительная линия из казачьих станиц и фортов, которая сослужила службу».

На самых тяжелых фортификационных работах использовались ссыльные и заключенные из центральной России. На возведении земляных валов крепости Святого Петра работали 126 колодника, прибывших из Тобольска. В этой крепости квартировал обер-комендант Тобольной дистанции. Сложность для гарнизонов крепостей заключалась в том, что на всем протяжении линии не хватало пресной воды, и уже в начале работ по строительству было ясно, что проект Киндермана, утвержденный Сенатом, имеет много недостатков, из которых основным был тот, что линия проходила по местности, неудобной для поселения. Генерал проводил осмотр в очень дождливое и «смочное» лето.

При строительстве выяснилось, что там, где по описи Киндермана показаны озера, во многих местах были только болота, «а которые озера подле тех мест, хотя и есть, токмо соленые и горькие». Из-за недостатка пресной воды народ назвал новую линию Горькой и в XIX веке это название употребляется для той части линии, которая шла от Петропавловска к Омску, а крепости западнее Петропавловска до Тобола входили в состав Пресногорьковской линии. П.Золотов считал, что линию называли Горькой из-за трудности ее сооружения. В обычном употреблении наименования смешивались, и всю линию, официально именовавшуюся Новоишимской, также называли Тобольской, Горькой или Пресногорьковской.

Офицеры, служившие в крепостях, жаловались Крафту на недостаток пресной воды, что приходится зимой для поения лошадей использовать талый снег.

От плохой воды и зловонных испарений высыхающих болот и озер гибли лошади, болели люди. Там, где нет пресной воды, Крафт предписал 25 июня 1753 года выкопать колодцы и опустить в них обруббы, а если нет возможности выкопать колодцы, то изыскивать воду поблизости крепо-

стей в жилой стороне. В Пресногорьковской крепости два колодца были выкопаны в лесу у Горького озера.

Однако пресную воду не везде можно было отыскать и в 1764 году предполагалось «за ближним расстоянием и за худобою (горькостию) воды упразднить редуты: Болотный, Кривоозерный, Дубровный, Кладбинский, Первопресный, Второпресный, Семиозерный, Березовый, Пресный».

Условия жизни были тяжелыми, особенно зимой. Лютые сибирские морозы, ураганные ветры, метели, огромные сугробы, которые накрывали жилые постройки, были привычными для казаков, но не для пришедших из центральных губерний России драгун и гренадер. Сообщение с северными слободами было сложным – не было дорог, связи. Юг был беспокоен, в одиночку покидать военные поселения было запрещено, все полевые работы проводились под охраной военных команд.

Построенные на скорую руку крепости и редуты быстро приходили в ветхость: уже в 1761 году во многих крепостях обветшали жилые постройки и башни, нуждались в ремонте рогатки и надолбы. Ремонт производился ежегодно и требовал большой затраты рабочей силы: работали поставленные в крепостях команды.

«К немалому сожалению, - писал 22 февраля Ф.Соймонов, - усмотрено, что показанная работа производится по малоимению свободных в наличии людей, теми же, кои в разъездах и караулах находятся, должен, оставя свою лошадь или ружье положить, взяться за топор, кирку или мотыгу и так работать, покуда ему время в очереди наступит на часы или в разъезд вступить». В 1758 году была командирована одна тысяча из донского и яицкого казачьих войск сроком на два года, позднее присылались башкиро-мишарские команды. Часть из проходивших здесь службу селились рядом с крепостями в слободах и входили в состав крепостных казаков.

Эти подразделения располагались в укреплениях и небольшими лагерями между ними. От одного места до дру-

гого разъезжают постоянно патрули. Вдоль пути полукругом воткнуты землю прутья (т.н. симы, отсюда название «Симова черта»), по которым заметно проезжали ли границу нарушители. В таких случаях лошади вышибали прутья. «Людам, едушим по почте, дается конвой казаков. С 1771 года начали по южной стороне дороги делать ограду из столбов с двумя горизонтальными жердями, вышиною в 4 фута. Сии столбы наездники подрубают и тем не только легко открываются, но еще на обратном пути, заблудившись, легко ловятся» (И.Фальк).

Между крепостями и редутами на высоких местах устанавливались маяки, здесь же устроены были зимовки. Полинейная стража использовала для сигнализации вязанки из камыша или стожки соломы. «При появлении отрядов, если они были только довольно значительным числом, маяки эти зажигали один за другим и в несколько часов давали знать всей полинейной страже о нападении».

По свидетельству Г.Н.Потанина «драгуны и донские казаки Пресногорьковского редута 29 мая 1760 года поймали ехавших из – за границы в жилую сторону с 6 возами рыбы 6 крестьян Царево-Курганской слободы, Емельяна Калугина с товарищи, из деревни Анчуковой. Через линию проехали воровски: рыбу ловили на реке Ишим...». За это преступление Ялуторовской канцелярией было учинено «жестокое публичное наказание» - контрабандисты были наказаны кнутом и плетью.

Крепость Пресногорьковская представляла собой следующее сооружение: «четырёхугольная. Положение места под крепостью ровное, между озер Пресным и Горьким, кои в расстоянии одно от другого в 200 сажень, в Пресном озере в летнее время бывают жужжелки, и цветет: подле Горького озера выкопаны два колодца, в них вода пресная: длиною озеро Пресное 1 верста 360 сажень, шириною 1 верста 122 сажени. Глубиною 3 сажени, обросло камышом, лесу на строение соснового в 10 верстах, березового и сенных покосов поблизости довольно. Дорога от Пресного ре-

дута до крепости Пресногорьковской ровная, местами сухие кочки, по тракту по дороге в сторонах сухие и березовые колки, посреди тракта назначен маяк» (описание от 29 августа 1753 года).

К осени 1752 года на территории крепости построены 3 офицерские светлицы, 4 драгунские казармы, бани, провиантский амбар. В ведомости от 16 января 1756 года сказано: "построен провиантский магазейн, афицерские светлицы с черными избами и сеньми 3, казарм 13 с сеньми, конюшня и при ней караульная изба и для клажи овса анбар» В оной крепости достроить деревянных батарей 6, да пороховой погреб. Земляной работы внутри крепости: вокруг вал, вырыть ров. За ровом из оставшейся земли, где нет на линии гласи для не течения вверх воды». В 1765 году проектировалось построить церковь, магазин, «пирамиду», «навес обозу», 6 офицерских покоев, «канцелярку», колодезь.

В гарнизоне крепости состояли подполковник, полковник, адъютант, поп, подъячие, трубачи, литавристы, габонисты, поручики, прапорщики, рядовые конные драгуны, вахмистры, квартирмейстер, капралы, барабанщики, слесари, кузнецы, седельщики, коновалы и т.д. Численный состав гарнизона составлял 257 человек, 11 тарских казаков при одном пятидесятнике, толмач- татарин и целовальник у продажи соли.

Возле крепости расположилась слобода (форштадт), в которой жили казаки, около нее находился небольшой лагерь из 40 – 50 башкир и татар под начальством сотника. Эти люди ежегодно менялись и жили в камышовых шалашах, «которые они умеют хорошо утеплять». Рядом с Пресногорьковской крепостью, в урочище Татарском был устроен такой городок для сменных команд, в советский период в березовом колке у озера был построен пионерский лагерь «Чайка». Любопытно приведенное в одном старинном документе описание крепостей того периода «крепости и редуты окружены бревенчатыми стенами высотой в 2

сажени, видом подобны четверугольнику и имеют деревянные по углам батареи и по одной башне с воротами. Пространство сих крепостей имеют в поперечнике от 70 до 100 сажен, а иногда и более, однако редко. Крепостные стены бывают обыкновенно окружены в небольшом от них расстоянии невысокими надолбами (палисадами) в 2 ряда, некоторые же обведены сверх того рвом шириною от 3 до 5, а глубиною от 2 до 3 футов. Посреди крепости построены деревянные церкви, а около оных казармы, сараи и магазины деревянные. При всякой крепости находится открытое предместье. В Редутах напротив того, которых обширность простирается от 30 до 40 сажен в поперечнике церковей нет. Да и усадьбы при них бывают редко. В прочем походят они всем на крепости. Часть крепостей обведена земляным городом». Каждое слово в этом фрагменте – правда, изучение исторических источников по проблеме строительства такого рода сооружений позволяет с большой долей достоверности подтвердить, что практически все сооружения на Пресногорьковской линии имели вероятность попасть по такое описание.

История до наших дней донесла названия – лес Маяк, озера Татарские, Канонерские, Атаманские, Кожевное, Хорунжинское, Секретное, Майорова пашня, офицерский земельный участок, комендантский колок. С началом строительства Пресногорьковской линии более тысячи «иногородних» - тобольских и ишимских крестьян, изъявили желание переселиться за старую ишимскую. Их привлекали огромные возможности края – земля, лесные и степные угодья. Теперь, под прикрытием воинских команд, можно было жить вольно и спокойно. Колонизацию нового района тормозило то обстоятельство, что на переселение необходимо было получить разрешение, выдаваемое только с уплатой недоимок на старом месте. Имели случаи самовольной распашки земель в районах, выделенных для оседания «старинным казакам». На тот факт, что данные пастбища многие столетия используются номадами, поселенцы ста-

рались не обращать внимания, до момента столкновения интересов этнических групп по конкретным вопросам борьбы за землю. Царское правительство уделяло большое внимание хозяйственной колонизации края, которая шла шаг в шаг вслед за военными командами.

Поэтому командный состав Новой линии по распоряжению царского правительства занимался подбором удобных для деревень мест. В 1758 году капитан Шустов представил рапорт, в котором перечислялось 16 мест для населения в районе линии. Он наметил в них 320 дворов. Большинство из деревень должно были состоять из 10 дворов. В рапорте давалось описание местоположения каждого селения, включающее расстояние от крепости 70 – 90 верст. В непосредственной близости от укреплений селиться не разрешалось, так как земли по линии предназначались для поселения отставных солдат и казаков. Царская администрация нисколько не учитывала интересы казахского населения региона. Так, против линии и по восточному побережью Ишима летом кочевали 4 рода племени керей числом до 4000 семей, а зимовали против крепостей Звериноголовской и Пресногорьковской и в степи к реке Обеган.

Наступление вглубь казахских степей выросло в крупную агрессию царизма, для того чтобы превратить Казахстан в колонию империи, получить сырьевую базу для русской промышленности. Тобольский обер-комендант Павлуцкий писал в 1755 году сибирскому генерал – губернатору В.А.Мятлеву о строительстве линии: «начав от Каспийского моря по рекам Яику, Ую, Тоболу – отсюда вся крепостями, редутами застроена и оные форпосты учреждены и Звериноголовскую крепостию, первой на упомянутой тобольской линии построенною, связана и на всегдашнее время пределом учреждена».

Яков Павлуцкий оставил память о себе не только на ветхих листах старинных рапортов, но и у нынешних жителей Зауралья. В пятидесяти километрах от Пресногорьковки на

север, у шоссе Половинное-Курган между березовых дубрав, расположилась деревушка Жилино. Уроженка села В.В.Митяева пишет, что ее предки были крепостными крестьянами полковника Павлуцкого, приведенные им из северных губерний России в 1760 году. Крепостные, вдохнув вольный сибирский воздух, сбежали в лес с берегов озера Сотенного и основали в 1814 году сельцо. Фамилия внучки полковника была Жилина, так и закрепилось за селом это название.

Местные условия благоприятствовали хлебопашеству – по старой Ишимской линии урожайность зерновых при всей своей неустойчивости и зависимости от многих факторов выше, чем в центральных районах (в Сибири, на вновь распаханных землях, снимали по 100 и более пудов озимой ржи с десятины). Это подтверждает и А.Левшин – «места, удобные для хлебопашества, находятся по Тоболу, Тургаю и Ишиму».

В 1753 году на новой линии указом было введено хлебопашество для удешевления продовольствия подчиненных войск. 600 линейных казаков были снабжены из казны земледельческими орудиями, каждый был обязан засеять ежегодно по 3 десятины ржи 3 пшеницы. В Пресногорьковской хлебопашество было введено в 1756 году.

Однако т.н. «палочное хлебопашество» большой пользы не принесло. Вместо ожидаемого урожая в сам - 11 казаки получали только сам – 3. Ежегодно командиры линейных крепостей доносили начальству о том, что во многих местах был великий недород за «жарами и морозами». Таким образом, казенное хлебопашество обходилось дороже привозного. В 1770 году оно было отменено.

Военно-хозяйственная колонизация Степного края при Екатерине Великой

В 1754 году на линии находилось 1428 рядовых Вологодского и Олонецкого полков и казаков 202, всего 1630 человек, а по расписанию должно быть 3306, недоставало против расписания 1767. Из «Описи», составленной Иваном Щетневым в октябре 1767 года следует, что в Пресногорьковской «назначено быть в заселении из отставных 100 дворов, в которое число уже, и заселилось 53 к тому числу вдобавок заселить потребно 47 дворов...». В 1765 году на поселении находилось отставных из полевых гарнизонных полков и из казаков 436, у них жен 382, детей 931, всего 1749 человек.

Перед правительством елизаветинской России стояла задача – в краткие сроки заселить новую линию. Отслужившие срочную службу уходили в отставку, получали пособие на посев, на домообзаводство, «а служившие в строю их женатые и семейные товарищи претерпевали крайнюю нужду и нищету. А таких было немало – именно до двух тысяч: снедаемые бедностью они принуждены были или прокармливать своих детей мирским подаянием или раздавать их по чужим рукам во внутренние жилые места, где они бесследно терялись, подрывая приращение пограничного населения». Тяжелое положение военных поселенцев отмечал войсковой атаман Логунов в письме к И.Неплюеву: «крепостные коменданты сильно злоупотребляют своей властью в отношении. Они стали назначать казачье население, как крепостных крестьян на казенные работы, для рытья крепостных рвов, сооружения вала, на подвозку леса». Из-за тяжелых условий существования нередко были случаи побегов казаков из крепостей. В 1757 году из разных мест Ишимской линии бежало 44 казака. В августе из Лебяжьей бежало 2 человека в лес, в жилую сторону. Из Пресногорьковской станицы бежало 5 выписных. 17 сентября бежал еще один, снес шубу баранью, зипун

серого сукна, шапку белчиную. Жалование казакам было положено низкое – 3 рубля 52 копейки в год, 3 четверти ржи, да 2 четверти овса. В 1770 урядникам было добавлено 50 копеек на сено на каждую лошадь. Власти стремились накрепко связать освоенные территории с Россией. Сенат еще с начала построения крепостей считал необходимым « для лучшего удовольствия команд при оной новой линии провиантом и разным харчевым припасом поселить в больших крепостях желающих из обывателей по 50 чело- века, а в малых по 20».

Военные власти требовали от магистратов сибирских городов организовать поиск желающих охотников для посе- ления на новой линии. В 1765 году губернатор Чичерин организовал переселение разночинцев Тобольска и Тюме- ни на юг. В следующем году правительство разрешило вы- вод за старую линию «мастеровых людей». Среди пересе- ленцев, селившихся у крепостей, было немало сбежавших от крепостного гнета, помещичьих и монастырских крестьян и беглых с Уральских заводов. В 60-е годы на линии по- селяли ссыльных. Ввиду недостатка женщин посылали партии колодниц, которых выдавали замуж за отставных солдат и казаков или же отдавали в «услужение». Заселе- ние из-за недостатка пресной воды и дурного запаха гниющих болот шло медленно.

В 1765 году по распоряжению генерал-губернатора Шпрингера была отрезана 10 верстная полоса Пресногорь- ковской линии с внешней стороны в степи и отдана в поль- зование сибирским казакам. Межеванием занималась госу- дарственная комиссия. Разъезды фактически углубили вла- дения линейных жителей до 50-ти верст, где они занимались сенокосом, ставили хутора, занимая лучшие пастбищные угодья кочевавших здесь родов. С 1773 года поселенцы получили право на надел земли в 6 десятин на душу. Пограничные власти принимали меры к тому, чтобы поселенцы занимались земледелием.

Несмотря на усилия правительства, направленные на скорое заселение обширного края, население здесь росло довольно медленно. Вывезти на новую линию осевших около ста лет назад в плодородных поймах Исети и Тобола старожилов, ставших за это время зажиточными и крепкими хозяевами, отвыкшими от походной и полувоенной жизни, было не так-то просто.

В описании 1780 года говорится о занятиях поселенцев: «на северной степи нет кроме линии и лежащих при ней расстоянием в 50 и 100 верстах деревень никаких других порядочных селений: да и жители линии, коих считается около 1500 семей, строятся худо. В степи могут они пахать земли столько, сколько им надобно...

Сии пашни засевают они пшеницей и рожью, овсом, ячменем, горохом. Когда же старые пашни истощаются, то покидают их на несколько лет и роют новые. Они редко сеют больше хлеба, как, сколько для их семей надобно, да при том часто и сами им нуждаются. При каждом доме есть постоянный огород, в котором всяк для домашнего употребления садит капусту, лук, чеснок, огурцы, горох, бобы, репу, морковь, укроп, тыквы и арбузы. Некоторые сеют гречу и пшено. Земляных яблоков, хмелю и табаку совсем не разводят. Лен и садовый овощ растут там худо. Хотя тамошние поселяне держат лошадей и коров, но мало, для себя, одна лошадь и корова, 2 русские овцы, несколько свиней, коз и кур. Рыбная и прочья ловля составляют два главнейшие их промысла, звериный же промысел труда не стоит».

8 марта 1782 года отставным мирским старостой Михайлом Шешминцевым была написана «ревизская скаска» о проживающих в Пресногорьковской крепости казаках. Перепись велась по Указу Екатерины Великой для выявления лиц, уклоняющихся от подушной подати.

Население составляло 440 человек (216 мужчин и 224 женщины). Комендантом крепости был Ерофей Францевич де Гаррига, сын известного на линиях полковника де Гар-

риги. В крепостях и редутах Горькой линии проживали выходцы из различных социальных групп, населяющих Зауралье и юг Западной Сибири. П.Словцов признает, что «недостаток сил на границе Сибири привел к насильственному пополнению казаков представителями различных социальных слоев». Казаки, отправленные на постройку линии, «не возвратились уже к командам, а остались на оных линиях», они селились в слободах, стремясь найти себе занятие, обеспечивающее существование. К 1753 году на трех Сибирских линиях было размещено 2000 казаков (из них на Горькой – 316.). С 1758 по 1769 год для несения службы сроком на один год отправлялись тысячные команды с Дона и Яика, башкиры и мещеряки. Часть и из прибывших оставались после окончания срока службы, многие просто не имели средств и физических сил для возвращения на родину, кто-то обзаводился семьей и хозяйством, кто-то был ранен и не хотел быть обузой в многочисленной семье.. В рапорте генерала Бутурлина от 28.02.1759 года читаем «многие казаки платьем верхним и нижним також и обувью обносились, у многих пали лошади, многие неспособны к службе, престарелые и дряхлые». Отправка башкир и мещеряков на линию продолжалась до 1798 года. Многие, приняв христианство, вместо возвращения на родину предпочли остаться, и были зачислены в казачье сословие (фамилия Новокрещенов довольно часто встречается на линиях).

В октябре 1758 года генерал Фрауендорф приказал принявших христианство джунгар «принимать... выдавать им 3 денги в день, четверики муки в месяц, одежду». Джунгары, преследуемые цинскими войсками, в большом количестве шли в крепости под защиту драгунских полков (в Омской – 747 человек). Джунгары, более столетия проливавшие кровь в казахских аулах, не знавшие милосердия, сами оказались, в конце концов, заложниками политики своих хунтайджи, и потянулись в русские крепости, спасая детей.

Жестокий век, описанный И.Калашниковым в одноименном романе, получил продолжение в казахских степях. Работоторговля, в те времена узаконенная в южных штатах Америки, имела место быть и в русских факториях Северного Казахстана.

Так, 9 января 1757 года вышел Указ, узаконивший торговлю детьми (купец Плавильщикова купил мальчика 13 лет за 2 бычка и корову, стоимость скота – 7.50 рублей, и девочку 12 лет за мерина). Молодой здоровый калмык стоил 52 рубля. Эти дети зачислялись в казачье сословие. Отставным драгунам, селившимся на линии с 1762 года, выдавался казенный провиант и по 40 – 50 копеек в месяц.

В воинские команды крепостей по Указу от 1784 года зачислялись дети отставных солдат и государственных поселенцев. В 1797–1799 годах сословие пополнилось 2403 «салдацкими малолетками», это были дети солдат, служивших за озером Байкал, специально привезенные для увеличения численности населения. Дети раздавались по семьям поселенцам («данные на пропитание»), воспитывались в семьях до достижения совершеннолетия.

После восстания на Украине под руководством Максима Железняка в 1770 году, на линию прибыла группа ссыльных запорожских казаков, всего 138 человек. Они носили традиционную украинскую одежду, широкие шаровары, придерживались обычаев и традиций Запорожской Сечи. Своим появлением запорожцы внесли определенный колорит в рутинную жизнь поселенцев. В конце XVIII – начале XIX века определялись в казаки отбывшие сроки и выпущенные из острогов невольники, а также каторжники, исполняющие фортификационные работы (указы от 1797, 1798, 1811. 1818гг.), лица их были изуродованы клеймами, ноздри у многих были вырваны, вообще народец был еще тот. Подростки до зачисления на казенное жалование влачили жалкое существование. Из доклада Сената императору Павлу I (1797г.): «на линиях за малолетством в службе состоит неопределенных на собственном содержании их

отцов 725, у матерей и родственников на пропитании 747, сирот в призрении у посторонних людей 409, всего 1881».

Сенат ходатайствовал о зачислении их в казачьи школы и на казачье содержание.

В 1795–96 годах среди казачьих семей начался голод, казаки могли содержать только себя «и по малополучаемому денежному жалованию и неимению никаких других выгод». В конце 1797 года император повелел верстать казачьих детей в службу с окладом, с этого момента сибирское казачество превращается в замкнутое сословие – вступить в него мог любой, но никто не имел права выхода (как говорится в постановлении от 1808 года» поступивший в казачье сословие остается в нем навечно с потомством своим» - такова была цена казачьей свободы начала 19 века).

В ревизских скасках казачьи дети брались на учет с двухлетнего возраста и именовались кантонистами (в 1804 году их был 4147).

Женитьба людей из иного сословия на казачьих вдовах влекло зачисление мужа в казаки.

В «Штате» Сибирского казачьего войска от 19 августа 1808 года говорится: «касательно приумножения сего войска, то войсковой канцелярии прилагать возможные способы склонить иноверцев через границу к переселению и обращению в нашу веру».

13 декабря 1808 года командир 24 дивизии генерал Глазенап приказал атаману Телятникову принять меры к привлечению приграничных казахов на внутреннюю сторону с целью образования оседлых поселений. Казахам разрешалось селиться в форштадтах, постепенно обяывая их выполнять повинности наряду с казаками. В указе императора Александра 1 от 23 мая 1808 года требовалось «покупать или выменивать на линии казахских детей с тем, чтобы по достижении ими 25 летнего возраста все должны быть свободны и записаны либо в податное сословие, либо в линейное казачье войско. Владелец детей получал из министер-

ства финансов 150 рублей премии за отпущенного по достижении указанного срока. Большое влияние на физический тип сибирского казака, его язык, традиции и быт оказали тесные контакты с коренным населением. Г.Н.Потанин пишет об этом в своих статьях, посвященных жизни на Ишиме и Иртыше.

После окончания Отечественной войны 1812 года на линию пригнали пленных поляков, союзников Наполеона. В октябре 1813 года их прибыло 416 человек. Они были расселены атаманом Ф.К.Набоковым по 1-2 человека в крепость, а командирам предписывалось «всеми мерами склонять в вечное подданство и, если кто пожелает, немедленно приводить на верность присяге, без чего никак не позволять вступать в обязанности супругов». Правда, французы были мало приспособлены для жизни в условиях резко континентального климата Западной Сибири, статистика умалчивает, какое количество несчастных пленных пережило суровую зиму, но факт их пребывания в Пресногорьковской неоспорим. С 9 января по апрель 1814 года 412 поляков присягнули на верность царю, дали клятвенное обещание, написанное на русском языке. В 1831 году на линию прибыли еще 373 поляка, сосланных за участие в польском восстании (о пребывании поляков в крепостях подробнее в книге Б.Залесского «Жизнь в казахских степях», именно в одном из таких этапов прибыл в Северный Казахстан и мой предок Михаил Сурай – примечание автора). Численность ссылаемых на линию сектантов – раскольников и скопцов достигла к 1871 году 326 человек. Среди пресногорьковчан были раскольники, они молились в часовне, построенной неподалеку от станицы (лес Крестовый неслучайно носит такое название).

Численность войска при императоре Николае Первом увеличилась.

Несколько населенных пунктов, основанных в конце XVIII- начале XIX вв., не стали казачьими станицами. Крестьянскими старожильческими поселениями на границе с

Российской Федерацией стали селения Воскресенское (1797 год), Башкирское, Романово (первоначальное название Орлово), Пищальное (1830 год), Привольное, Филиппово. По данным краеведа А.И.Дедова последнее основано в 1794 году, большая часть поселенцев - Климовы, Дедовы, Бухтояровы, Щербатовы, Москвины прибыли из Земаенского уезда Воронежской области в 1826 году.

Интересна история основания нынешнего райцентра Половинного. На карте 1818 года озеро, на котором стоит нынешнее Половинное, разделено между Нижнеалабугской и Курейнской волостями пополам, само село не обозначено. Видимо, эта граница и послужила поводом для названия озера и села. Вряд ли возможно возникновение Половинного ранее основания Пресногорьковской линии, так как в середине восемнадцатого века даже крупные слободы значительно севернее границы лесостепи и в пойме Тобола подвергались нападениям с юга и только крепости линии надежно защитили поселенцев. Это предположение подтверждает карта Сибирской губернии 1753 года, на ней нанесены деревня Меншикова, слобода Утяцкая, слобода Царев Курган, село Бараба. Все населенные пункты по тракту Курган – Пресногорьковская, по крайней мере, по южной грани (Воскресенское, Батырево, Байдары, Марай, Жилино, Филиппово, Набоково, Романово, Пищальное, Башкирское, Хлупово, Привольное, Сумки) были основаны после 1752 года, хотя не исключены попытки старожильского населения закрепиться ранее на удобных для поселения местах. Казаки использовали в качестве форпостов Башкирское, Воскресенское, Набоково.

Женское население станиц пополнялось в основном за счет девушек коренной национальности. К середине XVIII века царизм нашел источник, из которого рекрутировались женщины. В 1751 году издан указ о «не отправлении в Рогервик жен, осужденных к смертной казни, а об отсылке их в Сибирь». После наказания кнутом их отправляли, не вырывая ноздрей и не ставя клеймо на лице. В 1759 году вое-

воды Тобольска встречали две партии колодниц и должны были лично «учинить осмотр и кто из тех женок явитца ниже 40 лет и явитца к тому способными отправить в Омскую крепость для распределения по выборным крепостям». Каким именно критериям должны были отвечать претендентки, документ умалчивает. Видимо, лишь воеводы могли устанавливать их по своему вкусу. Сибирская губернская канцелярия, направляя 43 колодницы, предписывала бригадиру Фрауендорфу определить на поселение и «ежели тех девок и женок кто-то пожелает взять в замужество, то дозволять только оседлым крестьянам и разночинцам, а не военнотружущим, дабы они не могли из тех мест выбывать с мужьями».

77 молодых женщин были признаны к супружеской жизни и высланы в крепости. Среди них были детоубийцы, мужеубийцы и «зажигатели помещичьих имений».

В 1754 году на Горькой линии проживало 692 дочери крестьян, драгун и солдат. В 1793 году за казаками замужем 1820 жен, из которых 841 дочери казаков.

Исходя из имеющихся фактов можно сделать вывод, что основными источниками формирования населения Горькой линии в XVIII – XIX веках был разный люд (ссылные, вольные, ярыжки, беглые, колодники, представители различных национальностей - поляки, французы, казахи, башкиры, мещеряки, калмыки, русские, украинцы, государственные крестьяне, выходцы с Дона и Яика).

По мнению советского историка В.П.Петрова, тщательно исследовавшего этот вопрос, «ни о каком сравнении Сибирского казачества, созданного насильственным путем, с казачеством Дона, Запорожья, Яика, образовавшихся в результате объединения беглой вольницы, не может быть и речи».

Эхо пугачевского бунта на Пресногорьковской линии

Политическая обстановка на линии была неспокойна. К 1755 году Джунгария как централизованное государство прекратила свое существование, но появились новые противники – маньчжуры. В 1758 году они захватили территорию Синьцзяня и вторглись в Казахстан. Казахи, ойроты, алтайцы стали сосредоточиваться у Сибирской линии. Еще 19 ноября 1756 года вышел указ о предоставлении убежища беженцам в крепостях линии и за нею. К осени 1765 года около Сибирских линий значилось «того войска (цинского) шесть санов» т.е. около 60 тысяч человек.

Перед российским правительством в это сложное время стояла задача охраны южных границ Сибири. Власти понимали, что строительство крепостей обеспокоило коренное население – казахов, поэтому драгунам и казакам строжайше запрещалось бывать в степи и причинять им обиды. Предписывалось подъезжающим к крепостям казахам, если они будут спрашивать о строительстве, «пристойно ответствовать, что оное учреждение для лучших торгов от Иртыша до Оренбургской линии чинитца, дабы купечеству способнее и ближе проезд был». Между тем линия и земли за ней были территорией, на которой обычно летом кочевали казахи. Проведение пограничной черты стесняло их в кочевках. Весной 1753 года Крафт предписывал пограничным командирам не пропускать за линию казахов, пересылать их в степную сторону, ловить и задерживать тех, кто будет переезжать границу, и отсылать их к главным командирам, «не озлобляя их ничем». При попытках перехода внутрь происходили столкновения. 29 октября 1752 года крупное вооруженное столкновение произошло у редута на озере Пресном. 200 казахов отбили 72 выючных верблюда с товарами и 20 выючных лошадей с грузами. Бухарцы бросились в надолбы к редутной стене, а

нападающие стали стрелять по редуту из луков и ружей, но были отбиты, 3 и 4 ноября подошло более 400 казахов. Они подъезжали к надолбам, требовали, чтобы им выдали бухарцев с товарами, иначе, по приказу их владельца Абылая, они разбросают редут. На помощь прибыли команды. Бухарцы были отправлены внутрь линии под охраной «не вблизи новостроящихся крепостей и редутов, дабы они видеть их не могли». Султан Среднего Жуза (с 1771 года – хан) Абылай, был по характеристике уфимского и сибирского наместника И.Якоби «горд, упрям и непостоянен». Лавируя между Россией и Китаем, он, таким образом, пытался сохранить независимость молодого казахского государства. На крепости совершались набеги. Об этом свидетельствует рапорт Шпрингера императрице Екатерине о том, что Абылай - хан намерен совершить набег на Горькую линию. В указе императрицы от 8 сентября говорится по этому поводу «как сии народы против регулярных войск, которых вы теперя к защищению и закрытию границ весьма довольно имеете, не только отнюдь не страшны, но Военная Коллегия надеется, что вы, генерал-поручик, по начатии наималейшего неприятельского действия, тотчас же командируете некоторое число регулярного войска с пушками, и велеть такое их сборище тотчас же разогнать и разбить...Башкирскую в 120 человек новую команду до времени оставить в Пресногорьковской крепости. Когда же сия опасность минует, то имеющиеся команды, оставят пришедших им на смену, отпустить в их жилища» (Ш.Ш.Валиханов).

Известный путешественник П.Паллас во время своей поездки по Сибири в 1770 году не решился проехать по линии, избрал из Звериноголовской крепости более безопасную дорогу через Царев Курган на Омскую крепость (из его книги «Путешествие по разным местам Российского государства» - «24 числа поутру получив вновь опасныя известия о линии...переменил я свое намерение ехать из Каминской слободы вверх по Алабуге, а потом накомь че-

рез необитаемую степь, до Пресногорьковской крепости, лежащей на Ишимской линии, которая обыкновенная дорога заключает в себе 70 верст, и на ней находится несколько зимовьев, в коих живут только зимою, для удобства проезжих (Примечание С.В. – видимо, редуты, которые должны были быть упразднены из-за нехватки пресной воды еще при Крафте использовались в зимнее время, так как талой водой можно было поить лошадей)... От речки Алабуги начинается учрежденная новая Тобольско-Ишимская линия, проходящая через полосу бесчисленных пресных, соленых и горьких озер, а оттуда до Иртыша подобною соленою, озерами усеянную равниною, и наконец по истекающему из оной ручью Камышловки прямо на восток, следственно поперек Ишимской степи и имеет попеременно крепости и редуты... Главное сея линии начальство находится в лежащей над Ишимом Петропавловской крепости, протчее от Тобола по ряду суть Пресногорьковская, Кабанья, Пресновская, Сенжарская, Становая... между коими в надлежащем расстоянии построено по два и больше редутов. Вся оная линия ради невероятного множества озер, которыя лежащая на подобие растянутой цепи, большею частию горьки, а частью весьма соленые, чрезмерно примечания достойны... Линия великой имеет недостаток в пресной воде, и не будучи никакой рекой прикрыта... сего лета начали застлавливать всю линию, простирающуюся на 500 верст, рогатками»). Однако, несмотря на факты отдельных набегов на линию, проходили многие месяцы без единого случая нападения. Состояние мирных, спокойных взаимоотношений на границе становилось обычным, происходило усиление экономических отношений со Степью.

Описание крепости того периода есть у А.С.Пушкина, который побывал в Казахстане в 1833 году (поэт собирал материал для «Капитанской дочки»), «крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько ста-

рых солдат или тамошних казаков были в ней безопасны от стрел и копий...» («История Пугачевского бунта»).

Согласно описанию Пресногорьковской крепости в марте 1773 года в ней имелось:

«Дом комендантский в трех покоях, с сенями с черною избой, кладовая, баня. Два офицерских дома с комнатами... Казарм солдатских в т.ч. комендантская канцелярия три. Вне крепости был штаб – офицерский дом в четырех покоях, при нем черных изб две...двор обнесен заплотом».

Деловой лес для строительства домов доставлялся сюда из Звериноголовской гужевым транспортом по линии с останковками в редутах Сибирском, Пешаном, Пресном. Позднее на месте Сибирского редута было сооружено земляное укрепление четырехугольной формы, которое в единственном месте на Тобольной дистанции сохранилось до наших дней в первоизданном виде (Примечание С.В. – в настоящее время представляет собой четырехугольную довольно высокую земляную насыпь с глубокими, заросшими крапивой и чертополохом, рвами. Ворота с восточной стороны крепости. Расстояние от ворот до противоположного вала около 50 – 60 м. Озеро Моховое севернее редута, довольно далеко, около 100м. Возможно, в 18 веке оно было значительно больше, чем в наше время. Мы копали небольшие шурфы в центре редута, обнаружена кирпичная кладка фундамента. Какой-то «любитель старины» заехал на тракторе в центр редута и вырыл огромную яму. Обследовали культурный слой ее, нашли кованые гвозди). Редут Пешаный находился «...в хорошем порядке и обыкновенно состоял из четырехугольной крепосцы, обнесенной рогатками с двумя раскатами, каждый об одной пушке: выстроена казарма для жильцов довольно выгодна...».

Сохранился план Пресногорьковской крепости после фортификационных работ 1774 г. реданы, на которых находились батареи с пушками, образуют углы правильного восьмиугольника. Глубина рва от поверхности земли составила 5 футов (1м 60см), высота вала от 6 до 8 футов (1.91

– 2.53), ширина рва 30.5 фута (9.6 м). Расстояние от угла до противоположного угла 200 сажений (468 м). Крепость имела двое проезжих ворот, (данные Омского архива). В наши дни валы крепости, построенной по системе Вобана, практически стерты временем с лица земли. Лишь по неровностям местности можно угадать, где проходили защитные сооружения. В первоизданном виде неплохо сохранилась земляная насыпь редута Сибирского у озера Мохового в 4 километрах от Песчанки (см. выше). В основном на линии строились 4х и шестиугольные крепости. Форпосты и пикеты между ними представляли собой небольшие постройки со смотровой вышкой (высота до 4 сажений), маяки – стога сена, служившие средством сигнализации либо зажигательные шесты до 8 метров высотой, обвязанные соломой.

Укрепляя линии в целях упрочения южных границ, правительство продолжало курс на упрочение своих позиций в степи, всячески стараясь оттеснить казахские кочевья от линии.

С 1764 года казахам разрешено кочевать не ближе 30 верст от крепостей и форпостов, хотя с 1771 года был разрешен пропуск коренного населения на внутреннюю сторону линии.

Проводился т.н. «жесткий курс», по сообщению Н.Г.Апполовой, еще в 20 – 30 годы российское правительство положило начало того «наступления вглубь казахских степей, которое в дальнейшем выросло в колонию Российской империи, получило сырьевую базу для русской промышленности, связало транзитными путями русские рынки с восточными».

Вопрос о земле стоял очень остро. Рядовые казахи не могли использовать пастбища севернее Горькой линии, поскольку находились в сложных взаимоотношениях с сибирским казачеством. 10 верстная полоса отрезала путь на север коренному населению. На этой почве происходили частые столкновения между поселенцами и казаками. Эта

причина была основной, обусловившей участие казахов в крестьянской войне 1773-1775 годов под предводительством Е.Пугачева.

В Среднем Жуже восстание поддержали казахи, имеющие кочевья в районе Тобола, Ишима, Иртыша. Район их действий на севере ограничивался Горькой и Уйской линиями с крепостями Троицкой, Усть-Уйской, Звериноголовской, Пресногорьковской, Кабаньей, Пресновской и др. Для гарнизонов крепостей наступили тревожные времена. По решению правительства в крепостях, предупреждая нападения казахов, круглосуточно дежурили часовые. А в степи пикеты. Казакам для хозяйственных работ и переездов разрешалось покидать крепость только с конвоем, скот находился в степи под прикрытием больших отрядов. По предложению князя Потемкина на линии были созданы полевые команды численностью по 500 человек из всех родов войск. Было сформировано 7 легких команд и 9 гарнизонных батальона. Переводчик М.Арапов доносил «кайсаки весьма беспокоятся, немалые во всей своей орде сборища имеют, производят пакости при сибирских линиях и впредь продолжать намерены. Они, как и сам Абылай – солтан весьма в худых мыслях находятся» (Н.Е.Бекмаханова). Весной 1773 года начался самовольный перегон скота у Пресновской крепости, в этот же период совершены нападения на редуты Пещаный, форпост Семиарский, Алабужский. Допросные листы называют зачинщиками волнений Балбука Онева и старшину Увакской волости Саркабая. Восстание Пугачева поддержали казахи из родов найман, кыпшак, аргын, увак – гирей, карауыл, кенжегалы, кочевавшие по рекам Уй, Обаган. Тобол, Алабуга во главе казахских отрядов стояли представители родовой знати и простые кочевники: в столкновении у Кабаньей «был первый возмутитель» Наурусов Темирбай, Читан Чибаяев и Кучетыр Япаев были повешены по приказу де Колонга. Кутай Кубаев и Алик Санбаков возглавили нападение на Пресногорьковскую (Н.Е.Бекмаханова). Казахи опасались

карательных акций «все кочующие около линии киргисцы имеют большую опасность, и думая то, чтоб в их стороне не причинили нападения и разорения». Несмотря на это, под воздействием манифестов крестьянского царя, выступления ширились. В конце 1773 года казахские отряды готовили нападение на крепости Звериноголовскую и Пресногорьковскую, в январе 1774 года вели активные наступательные действия у Кабаньей, Крутоярской, Пресногорьковской крепостей. У редута Пресноизбного отряд нападающих отступил под воздействием артиллерии. Лидеры движения понимали, то крупным форпостам «ничего сделать невозможно», зато обещали, что «маленькие редуты выжгут, заготовленные сена и обывательские хлебы выжгут» и это вызовет голод зимой.

Е.И.Пугачев вел переговоры с ханом Абылаем о совместных действиях против царских войск. По договоренности хан должен был с большим отрядом выступить к Горькой линии. Абылай – хан выполнил это условие, ряд крепостей было разорено (редут Алабужский, Пещаный, Крутоярский – в 12 верстах от Пресногорьковской), это явствует из письма хана Пугачеву, в котором он сообщает, что берет в собственность захваченных на линии пленных (по материалам Н.Е.Бекмахановой). Пугачев просил казахов, чтобы они разоряли линейные крепости, «собирались и ехали, простирая путь от сибирской линии до Омской крепости по своей Бухарской стороне» (условное название казахских степей к югу от линии – С.В.). Он же, следуя по внутренней стороне, встретится с казахскими отрядами. В октябре 1773 года трехтысячный отряд Таир – султана блокировал Пресногорьковскую крепость. В январе следующего года от Кабаньей, Звериноголовской, Пресногорьковской был отогнан в степь скот и разбит редут Алабужский. В феврале отряды напали на Усть-Уйскую, Кабанью, Крутоярскую.

Кроме этого, крестьянский царь обратился с просьбой к казахским старшинам собрать несколько тысяч человек и напасть на Звериноголовскую крепость. Весной 1774 года

Абылай – хан выступил на Горькую линию, сообщил Пугачеву, что «он с сорокью тысячами человеками к Зверино-головской и Пресногорьковской крепостям подошел и тут стап ево расположил с таким намерением, чтоб на них напасть и три крепости уже выжег и людей в полон набрал». Туда вождь восстания должен был выехать сам («по свидании с сыном Павлом Петровичем под Уфою через 20 дней», но, потерпев сокрушительное поражение под Троицкой, изменил свои планы. Среди казахских отрядов, блокировавших крепости до середины июня, распространился слух о том, что он скрывается где-то поблизости. Беглый Азовского драгунского полка Мезенцев уверял следствие, что Пугачев «ускользнув из Башкирии от всех войск и перебежав линию, находится в киргиской степи против Зверино-головской крепости в 50 верстах вверх по реке Алабуге». Слухи были столь упорны, что сибирский губернатор Чичерин приказал усилить гарнизоны сибирской линии от Зверино-головской до Пресногорьковской крепостей. Последняя в июле 1774 года была обнесена валом в виде восьмиугольника (остатки сооружения сохранились по сей день, остатки валов фрагментарно прослеживаются по южной стороне бывшей крепости – С.В.), а еще ранее в рапорте капитана Лебедкина генерал-майору А.Д.Скалону от 3 марта 1774 года говорится о доставке в Пресногорьковскую «пороху мушкетнаго пять пуд, в редут Пещаный 4 пуда 24 фунта». Несмотря на уход основных сил Пугачева на Урал, летом 1774 года на линии было отмечено 240 нападений на крепости, «в здешних крепостях каждодневно происходили неприятельские приступы с здешними драки, захват людей и отгон большого количества скота» (по материалам Н.Е.Бекмахановой).

Осенью 1774 года подверглись нападениям редуты Болотоколодезный, Пещаный, Крутоярский, Камышловский. Готовясь к штурму, казахи пытались разузнать «русские люди имеют ли при себе ружья и, обувши ли спят».

Нападения имели место и в 1775 году. Генерал Скалон просил губернатора Оренбурга Рейнсдорпа послать войска. О невозможности справиться с отрядами местными силами докладывал в октябре 1774 года генерал Деколонг графу Панину «все линейные коменданты требуют чтобы в крепости и редуты для продолжения предосторожности и отращения злодейства.. были конные войска».. С середины 1775 года в районе Горькой и Иртышской линии находилось 3443 человека: 5 легких полевых команд, численностью в 2775 человек, 244 человека из состава пограничных батальонов. Арткоманда из 108 человек, гарнизонная команда из 36 человек. 249 сибирских линейных казаков. Вновь призваны служить 626 отставных казаков.

К 1776 году нападения казахов на крепости прекратились, но волнения продолжались.

Основание Сибирского казачьего войска

Специальная инструкция, подписанная генералом Шпрингером 31 декабря 1765 года, требовала от комендантов крепостей не пропускать казахов в 10 верстную полосу вдоль всей сибирской линии от Усть-Каменогорской крепости до Звериноголовской, «тем самым была отрезана территория общей площадью 13500 квадратных верст хороших пастбищ. С внутренней стороны военной линии устанавливалась такая же 40 верстная полоса, запретная для русских крестьян» (М.Абдиров). Таким образом, правительством екатерининской России был создан огромный земельный фонд для будущего сибирского казачьего войска.

В 1782 году было проведено более четкое разграничение губерний. Крепость Звериноголовская и редут Алабужский были отнесены к Сибирскому наместничеству, крепости и форпосты Горькой линии отошли к Тобольской (Сибирской) губернии. «Межа шла от крепости Звериноголовской до редута Алабужского на речке Алабуга, а от него к Крас-

ному столбу и редуту Сибирскому» (редут Алабужский расположен на огромном обрыве у реки, даже сегодня автомашины с трудом взбираются на кручу). Позже, в 1796 году, эти пункты отошли к Оренбургской губернии. Посетивший Зауралье академик И.Фальк писал «...стоит Звериноголовская крепость на правом берегу Тобола и на западной стороне Ишимской линии. В 1771 году в ней было 115 домов и кроме того регулярной милиции 586 душ обоего пола крестьян, которые занимались сельским хозяйством и промыслами». В 1787 году население сибирских линий (Горькой, Иртышской, Кольванской) было разделено на 24 сотни: атаман. 20 сотников. 35 пятидесятников. 2 прапорных, 24 знаменосца. 58 капралов, 1883 казака, командовал войском поручик Бардин.

В 1788 году императрица Екатерина II удовлетворила ходатайство начальника линий генерала Огарева о разрешении «некоторым из преданных России казахов перейти для кочевок за линию крепостей на территорию Тобольской губернии». В период командования Г.Э.Штрэндмана (1789 – 1798гг.) крепости были усилены командированием в них Ширванского и Мушкетерского полков и драгунских эскадронов.

В 1799 году во главе войска был назначен войсковой есаул Телятников.

С целью дальнейшей колонизации края правительство Александра I приняло решение казаков, проживающих на Новошимской (Горькой), Иртышской, Кольвано-Кузнецкой линии объединить в Сибирское казачье войско. Решение было принято в 1808 году.

Известный казачий писатель Ф.Усов так характеризовал созданное войско:

«оно не было подобно Донскому и Яицкому самобытным продуктом земской колонизации окраин, но во всеоружии вышло из рук администрации и своим существованием совершенно обязано правительству. Эта черта запечатлелась

на всей его последующей истории: во все время его существования правительство без посредства самого народа производило в нем реформы, увеличивало его состав посредством принудительной колонизации...сплотило из разных элементов...выдвинуло путем служебной выслуги привилегированный класс личных дворян и офицеров».

Войско имело свой «Штат», включавший 10 конных полков пятисотенного состава, 4 резервных эскадрона, 2 конно-артиллерийские роты по 12 орудий. Всего на службе состояло 5950 строевых казаков. «Полки располагались: 1 полк – в крепости Пресногорьковской, 2-ой - в Пресновской, 3-ий – в Петропавловской, 4-ый – в Николаевской, 5-ый – в Омской и т.д. Штаб войска находился в Омске».

Во главе войска стоял наказной атаман, а при нем войсковой штаб («из туземцев были два войсковых атамана – Телятников и Набоков. После отставки последнего местное начальство назначило атаманом гвардейского капитана Броневского»).

Броневский С.Б (1785 – 1858 гг.) пишет в своих Записках «по списку в 812 году в Сибирском казачьем войске состояло служилых казаков до 5700 человек. Будучи растянуто своими поселениями, на самой черте границы, по крепостям, форштадтам и редутам, отправляло кордонную службу. Престарелый старшина Телятников заведовал войском не нося никакого звания, то есть ни атамана, ни командира, ни командующего, не было разделения на бригады, сотни, полки. Просто называлось войско. Хотя несло службу не так как другие казачьи войска, по очереди, но все годные записывались в службу, непременно как солдаты, с тою только разницею, что срока службы им не полагалось и они в ней оставались доколе в силах. Большое влияние на казаков имели коменданты. Ни войсковой канцелярии и никаких заведений общественных не было. Сорт людей в войске и в физическом и в нравственном отношении – превосходный, честность, доброта, верность своему

долгу, подмешанные казачьей удалью и расторопностью, сохранились неприкосновенно от первобытных времен».

(От автора – Телятников, поручик. Из казаков, войсковой атаман с 1799. Умер в 1812 г. Набоков Федор Карпович. В должности войскового атамана с 1812 года. Назначен с должности атамана 1 полка. В службе с 1784 года, уволен в отставку в чине подполковника в 1822 году. Умер 17 июля 1831 года. Похоронен в Пресногорьковской крепости в ограде церкви).

Станичные и хуторские атаманы выбирались на сходе (круге). Население станицы составляло станичное общество. Круг избирал станичное правление, распределял земли и повинности, заведовал хлебными общественными магазинами и школами. Суд рассматривал мелкие уголовные и гражданские дела (тяжбы до 100 рублей). Войско называлось иррегулярным и отличалось от регулярных частей.

Так казаки должны были многие годы находиться на военной службе и являться для ее прохождения в своей форменной одежде, со своим конем и своим оружием. С семнадцати – двадцати лет они числились «малолетками» (допризывниками). С двадцати до пятидесяти «служилыми», то есть годными для военной службы. В это время их могли призвать на действительную службу, войну, учебные сборы и т.д. С пятидесяти пяти до шестидесяти лет служилые считались «домоседами», то есть запасными, и только после шестидесяти лет переходили в разряд отставных.

Каждое войско имело свой присвоенный ему цвет лампасов, погон и кантов (так называемый «прибор», приклад). Приборное (прикладное) сукно было: у донцов - алое, у уральцев - малиновое, оренбуржцев - голубое, у забайкальцев, уссурийцев, амурцев - желтое, у сибирцев - красное. Сапоги носили без шпор.

Вооружение - пики с граненым острием. Древко пика сделано было из железной трубы, окрашенной в темно -

зеленый цвет. Пика имела две кожаные петли – одну внизу, другую по середине. В нижнюю петлю всадник вставлял ногу, сидя верхом, а верхнюю надевал на правую руку. Шашки отличались от кавалерийских тем, что эфес их был без гарды (металлической петли вокруг рукоятки). Такие шашки были взяты позже на вооружение Красной армией. Вооружение дополняла укороченная (драгунская) винтовка или карабин, которую носили за спиной. Патронташ представлял собой длинную кожаную или брезентовую сумку, носимую на груди через левое плечо. Револьверы в войсках имел только унтер – офицерский состав. Экипировку дополняла нагайка – камчуг (ее другое название - камча) с одного удара, разрезал пальто, перебивал толстую доску.

Седловка отличалась от общекавалерийской. Уздечки были без мундштуков, имели только один трензель. Седло имело высокие луки, накладную мягкую кожаную подушку, пристегнутую к основанию седла кожаным ремнем – катауром. Кожа седла была черная или темно-коричневая. Стремена висели ниже, чем на кавалерийском седле, так как всадники ездили почти стоя на стременах. Основание стремени было овальным. К седлу пристегивалась шлея, охватывающая шею лошади, проходившая между передними ногами и закрепленная к подушке. От задней луки седла шел по хребту лошади продольный ремень, оканчивающийся петлей, пропускаемой под репицу лошади. Цвет ремней шлеи был черный или темно-коричневый. Уздечка и шлея часто были украшены набором из серебра или белого металла. Седловку дополняли переметные сумы – два кожаных мешка, укрепленных сзади седла по бокам лошади.

Лошадь была предметом особой заботы, тем более что она была собственностью владельца, а не казенная. Это нашло отражение в ряде пословиц: «казаку конь дороже», «казак сам голодает, а лошадь сыта», «казак без коня, что солдат без ружья».

На своих конях верховые показывали чудеса джигитовки: например, ездили стоя на седле, держа в руках кипящий самовар; подлезали на всем скаку под брюхо лошади и, зацепив одной ногой за стремя, свешивались с седла вниз головой и т.д. Многие номера вошли в репертуар цирковых джигитов. Во время атаки кони принимали участие в битве – били передними ногами и грызли неприятельских коней и всадников. Лошади были приучены прибегать на свист своего хозяина, ложиться на бок, превращаясь в живой бруствер, чтобы спешившийся мог, схоронившись за ним, вести огонь. Станичники атаковали своим особым строем в одну шеренгу, именуемым лавой. Лава имела дугообразную вогнутую форму с выдвинутыми вперед флангами. Фланги смыкались, охватывая противника в клещи. Казачьи войска применялись главным образом для разведки боем (как тогда называлось – рекогносцировки) и для преследования отступающих неприятельских частей.

Славились войска своей мобильностью. Известны случаи, когда эскадрон за сутки проходил в конном строю до ста верст и сразу вступал в бой.

Прохождение полка в строю тоже отличалось своеобразием. Впереди вприсядку плясали плясуны, аккомпанируя себе на бубнах, балалайках и ложках. В полковом оркестре помимо обычных духовых и ударных инструментов были включены гармонисты, рожечники. Впереди оркестра вели бунчук – высокое древко с медной тарелкой наверху, украшенное двумя конскими хвостами и обвешенное колокольчиками. Бунчук в Турции был знаком власти военачальников – пашей. Были однобунчужные, двух - трехбунчужные паши. От турок этот символ перешел к украинским гетманам, а через запорожцев – к казакам, потеряв со временем значение символа власти и превратившись, благодаря колокольчикам, в музыкальный инструмент.

Командный состав носил особые звания. Унтер-офицеры именовались урядниками, фельдфебели (вахмистры) назывались старшинами. Офицерскими званиями

были: хорунжий (подпоручик, в кавалерии – корнет), сотник (поручик), подъесаул (штабс-ротмистр), есаул (капитан, в кавалерии – ротмистр), войсковой старшина (полковник).

Офицеры помимо специфической формы могли носить и общеофицерскую – фуражки, китель, сюртуки, гимнастерки, шинели, сохраняя от формы только синие шаровары или бриджи с лампасами (брюки навывпуск офицеры не носили) и пашку, а офицеры гвардейских полков – саблю в никелированных ножнах с рукоятью из слоновой кости, носимую, как палаш, на поясной португее.

В мирное время жители станиц носили форму или ее элементы – чаще всего фуражки и шаровары. Люди, жившие в станицах и не принадлежащие к казакам, назывались «иногородними». Головным убором казака летом была бескозырка (до 1907 года), после – фуражка с широкой тульей, синего или сине-лилового цвета, с цветным околышем, а после 1914 года – защитного цвета. Зимой и при парадной форме казак надевал черную папаху с цветным донцем. Каждодневная форма – гимнастерка (белая до 1907 года), затем защитная, синие шаровары с лампасами, узкий затяжной ремень с пряжкой на один шпенек. В гвардейских полках пояс и португея были из белой кожи.

Мундир называли чекмень; был он без пуговиц, застегивался по центру на крючки. По его вороту и обшлагам (треугольной формы) имелся кант; на вороте – по одной тесемочной петлице с каждой стороны. На обшлагах было по одному столбику. У лейб-гвардии казачьего полка чекмень был красный, у атаманского – голубой, у остальных полков – темно-синего и сине-лилового цвета.

Шинели были общеармейскими, кавалерийского образца, у гвардейцев – пехотного образца, но с разрезом до хлястика. Сапоги высокие, с прямым обрезом голенища, но выше пехотных. Гвардейцы носили шпоры, армейцы не носили. Костюм дополнял башлык из верблюжьей шерсти, обшитый белой тесьмой. В военное время зимой надевали

нагольные полушубки с боковой застежкой на крючках, просветы (полоски), подбой на эполетах и погонах офицеров (по Я. Ривошу).

Любопытное описание местности того периода истории дает известный путешественник Г.Н.Потанин: «Северо-западная часть, заключающая станицы от Звериноголовской крепости до Омска, находится в стране, которая иногда усваивает название «Ишимской степи», В здешнем пейзаже господствуют березовые дубровы, которые дополняются полями, покрытыми густой травой. Бесчисленными озерами, и дорогой, на которой обнаруживается черноземный грунт. По качеству земли это одна из лучших частей Западной Сибири, но по безводию линия получила название Горькой т.к. станицы стоят при озерах с горько-соленой водой, Жители берут воду из колодцев, летом. Во время жаров, высохшие озера начинают гнить и отделять вонючие испарения, которые распространяются после полудня...».

Все войско было поделено на военные округа. Бывшая крепость Пресногорьковская стала станицей Третьего полкового округа. Всего округов было 10. Казаки содержали кордон в 2400 верст, составляли стражу сибирского таможенного корпуса, конвоировали арестантов, сопровождали купеческие караваны. К 1812 году отношения со степью стали более спокойными. Генерал Г.И.Глазенап писал: «сибирская линия сделалась покойна. Караваны наши с товарами за границую ходят безо всякого прикрытия свободно... миновались опасности и беспокойства, чувствованные на линии». Это обстоятельство дало возможность правительству снять полевые войска с линии и использовать их в Отечественной войне 1812 года (командир Сибирского корпуса генерал Лавров во время Бородинской битвы занимал должность начальника штаба 1-ой армии). А.С.Пушкин писал об этом периоде истории «Линейные казаки получали жалование, податей государству не плати-

ли т.к. несли службу и обязаны были в любое время по первому требованию выставить определенное число одетых и вооруженных воинов. При первом повелении правительства о наряде одного или нескольких полков делается раскладка: на сколько человек, считающихся в службе, приходится поставить одного вооруженного и потом каждый таковой участок общими силами нанимает одного казака, с тем, чтобы он сам себя обмундировал и вооружил. Тот, кто сам за себя не может заплатить, сам нанимается в поход.

Плата тем, кои нанимаются в линейную стражу, самая малая, потому что сии, имея в форпостах и крепостях свои собственные дома, жену, скотоводство и все имущество, невольно идут оберегать границу... Обыкновение служить по найму несправедливо, потому что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее, с другой стороны полезно: ибо теперь всякий казак, выступая в поход, имеет возможность хорошо одеться и вооружиться: оставляя семейство свое, может уделить довольно денег на содержание во время своей отлучки. Отставные казаки уже ни в каких службах не участвуют» (История Пугачевского бунта).

В 1809 году были разработаны и проводились в жизнь правила, по которым проводился отвод земли казакам Горькой линии. Было указано отводить 6 десятин на душу, 500 десятин на эскадрон для общевойсковой пашни, кроме того отводились в распоряжение казаков озера и леса. Жизнь в станицах и казачьих поселках была тяжелой. Историк Бухарин рассказывает: «Драма разыгрывается на линии, становясь все ужаснее. Начальство вследствие приказания свыше, поступало с казаками не только по службе. Но и в их домашнем быту как с ссыльнокаторжными. Разделив их на десятки. Приставляли пришлого солдата – капрала смотреть за каждыми 6 – 7 домами. Ни квашни замесить, ни арбуза снять, самовольно не смей. Бабы были в полном подчинении у капралов. Я комендант и Бог, хочу

казню, хочу милую. И милость коменданта покупалась гусями, утками. Отсюда частые побегии нижних чинов и суд над ними». Так, один из солдат Звериноголовского батальона с 1817 по 1825 год совершил 6 побегов, за последний был наказан кнутом перед строем полка и сослан на каторгу. Другой, Иван Шелковников, был повешен за 8 побегов.

«В казаке того времени соединялись колонист и солдат: но тогда смотрели на него более, как на солдата...Его частное благосостояние было пожертвовано или забывается перед нуждами службы».

Казачество относилось к вновь прибывшим поселенцам как к людям, посягнувшим на его привилегии. В рапорте войсковому старшине Телятникову от хорунжего Рытова из Пресногорьковской крепости от 24 марта 1803 года говорится, что крестьяне челябинской округи Каминской слободы «учинили само вернейшую втравку и те крестьяне вошли в земельные и сенокосные места без всякого отводу и никто им из казаков равно и отставных во владение не давали». Они распахали земли у редутов Пещаного и Крутоярского и тем самым «обрубает и подсушивают ближайши к линии леса так, что и на строение казакам отыскивать невозможно». В 1821 году была создана межевая комиссия во главе с Молчановым и Н.Потаниным (отец Г.Н.Потанина), которая провела работы в районе 1 – 5 полковых округов от Петропавловска до редута Сибирского (ныне одноименный поселок в Узункольском районе). Это несколько ослабило напряженность в отношениях между казаками и переселенцами. Кочевка казахов вблизи линии разрешалась с уплатой ясака Сибирскому войску в размере 1 голова на 100 голов скота. Под предлогом нарушения пограничной черты с казахов взыскивались непомерные штрафы, захватывался скот. По свидетельству директора Азиатского департамента МИД К.К.Родофиникина «непрочность т.н. Симовой черты, проведенной около границ Сибири, служит также поводом к частым притеснениям казахов со стороны казаков, которые малейшее найденное

ими на разъездах естественное обрушение искусственной пограничной черты (происходящее от собственного их небрежения) считают признаком прорывов на внутреннюю сторону, дабы иметь повод взыскивать за сие с казахов».

Сибирскому и оренбургскому губернаторам предписывалось «употребить все средства, которые найдутся удобными в приобретении от кочующих вблизи сибирской и оренбургской линий народов покупкою или выменом детей женского пола. Купленных девочек окрестить в православную веру, размещать по семействам, в женском поле нуждающимся с выдачей хлебного и денежного вознаграждения до 15 летнего возраста, девушкам предоставляется свобода в выборе мужа...». По данным Н.Симонова, в 1816 году командир 1-ого полка Федор Набоков со 150 казаками выступил из Пресногорьковской станицы в степь «для выбора удобных мест для новых крепостей. В течение 5 месяцев отряд исследовал горы Зеренды. Сандыктау. Жамантау. Улутау, бассейн реки Нура. Подполковник Набоков «наводил панический страх на киргис, при одном его имени детские крики стихали, и все замирало в степи. Еще и теперь суеверный киргис со страхом глядит на могилу знаменитого «Чобор – батыря..». Набоков оставил заметный след в истории линии. В 1813 году при его деятельном участии в Омске было открыто войсковое училище, позже ставшее Омским кадетским корпусом.

Казачий поход в степи представлял собой довольно оригинальное явление. Здесь стоит привести отрывок из зарисовок Г.Н.Потанина: «Вслед за отрядом тянется огромный обоз. Впереди едет толпа казаков на строевых лошадях. Все они одеты в собственное платье, в халаты, замшевые шаровары и картузы. Все казенное платье и амуниция везутся в возах. На некоторых только казаках видны ружья, по большей же части они надевают на себя только пистолеты, привешивая их на спине посредством шнура. Казенный кожаный патронташ тоже лежит в возу, а казаки имеют при себе кожаные сумочки с ограниченным количест-

вом патронов. Из толпы торчат несколько палок, но это не пики, которых казаки не любят, а укрюки, которыми ловят лошадей... Другая половина казаков сидит на возах в обозе, который бывает очень длинен, потому что на каждом двух казаков полагается по телеге. Телеги и лошади есть их собственность». В телегах лежат мешок пшеничных сухарей, «без которых ни одна казачка не отпустит своего мужа в отряд», мешок провислой говядины, овес для лошади, шуба, чайник, котелок, треножник для подвешивания котелка и чайника (т.н. мусы), седло, ящик с бельем, и «курджун», заимствованный у казахов – в нем мыло, дратва, шило, сумочка с иглами, нитками, кожаный наперсток, вар. Курджун можно перекидывать через спину лошади и обе половины при необходимости наполнять сухарями. За отрядом бежит «множество собак». На ночь телеги ставятся в «каре» (четвероугольником) и казаки готовят пищу. Она состоит из щей и чая с сухарями. В походах казак наполовину остается промышленником, заботящемся об оставшемся на линии семействе, живя в степи, на каком-нибудь пикете, он завязывает отношения с окрестными казаками, торгует с ними на разную железную мелочь, выделяет овчины, шьет конские сбруи» (1866 год).

В середине XIX столетия станицы представляли собой селения по 20 – 100 дворов. В Пресногорьковской имелось 193 двора, 1002 жителя, были станичное управление, две школы, почтовая и земская станции.

На Горькой линии станицы располагались в среднем через 9,2 версты, плотность населения составляла от 2-х до 3-х человек на квадратную версту. 35% Сибирского войска проживало на Горькой линии. На каждые 100 жителей (1849г.) за 25 лет на линию прибыло 34 человека, что свидетельствует о быстром росте населения. После образования 8 ми округов на территории Среднего Жуза (1822г.) туда командировались казаки с Горькой линии сроком на 2 года. Это подрывало хозяйство казаков и требовало оплаты, поэтому в этот период из станиц 3 и 4 полков линии, а

постоянное местожительство выезжали казаки, в качестве поощрения им выделялся участок земли размером в 15 десятин.

В период с 1837 по 1847 год в линейных крепостях было неспокойно. На территории среднего жуза началось национально-освободительное движение под предводительством Кенесары Касымулы. По словам доктора исторических наук М.Колгейдиева « ни одно политическое движение XIX века не может сравниться по мощи своего воздействия на национальное самосознание казахов так, как движение Кенесары Касымова» (Казахстанская правда, 7.09.02.). На протяжении длительного времени царское правительство старалось разными способами ликвидировать казахскую политическую и государственную независимость. «Главным препятствием в этом стала власть чингизидов в лице потомков Абылай – хана, которые в конце XVIII – начале XIX века правили огромной территорией... (« Е.Валиханов, канд. ист. наук, там же). Восставшие выступили против ликвидации ханской власти, военного проникновения императорской России в самые глубинные районы Казахстана, превращения Стелы в район империи. Летом 1836 года из станиц Горькой линии выступили три отряда по распоряжению западно-сибирского губернатора Горчакова. Один из них вышел из Петропавловска, другой был поставлен в 80 верстах к югу от Пресногорьковской станицы в Аманкарагайском приказе. Станицы были переведены на боевое положение, мужское население поставлено в «ружье». К концу 1838 года Кенесары «учредил наблюдение над всеми караванными путями, идущими от Сибирской линии...организовал нападения».

В течение лета 1839 года от Сибирской линии начались откочевки казахов в глубину степей. Со стороны линии неоднократно высылались вслед откочевавшим военные отряды, которые настигали беженцев и возвращали насильно к линии. Конец лета 1839 года прошел в борьбе Кенесары с сибирскими отрядами (Спиридонов, Генс), громивших его

аулы. В последующие годы борьба правительства с ханом Кене не приносила успеха. Он все чаще совершал нападения на станицы Горькой линии. Так, 14 августа его отряд напал на укрепление Екатерининское. В станице было 144 мужчины, 130 женщин, но в ней оказалось 28 строевых казаков и 56 обывателей. Все остальное население было в поле по случаю летних работ. Из крепости только выгнали в степь табуны казаки, назначенные на сторожевые маяки, еще не успели доехать до своего места, как были схвачены джигитами Кенесары. Атакующие ворвались в форштадт укрепления, вокруг станицы запылали стога сена. Нападающие рассыпались между горящими домами... часть их бросилась на штурм крепости. Ее Кенесары взять не смог, но сжег соседний форпост, угнал все табуны... (рукопись А.Рязанова).

Экспедиция сибирского генерал-губернаторства не только не нанесла поражения Кенесары-КасымУлы, но и не смогла оградить от его набегов прилинейных казаков и саму линию (Рязанов А.Ф. Восстание Кенесары Касымова. Рукопись).

Русские казаки, попавшие в плен, увозились в Среднюю Азию. Так, Корнила Суворов, 45 лет от роду, сибирского казачьего №3 полка (станция Пресногорьковская), « взят в 1840 году в сентябре при урочище Улу-тау...пробыл у Кенесары месяц и потом отправлен в Бухару в подарок эмиру...через семь месяцев эмир взял его в сарбазы...в сарбазах Суворов оставался до настоящего времени(1859 г.) и был попеременно рядовым, пенджа-башей и дег-башей». такой же участи подвергся и Иван Ненилин, 60 лет отроду, казак 4 полка.

Пленные использовались в качестве военных специалистов в южных ханствах.

Кроме военных действий в степи против отрядов Кенесары, казакам в 1841 году было указано подавить начавшееся движение крестьян на территории Курганского и Челябинского военных округов. Выступления были на-

правлены против реформ П.Д.Киселева, призвавшего мало-земельное население центральных губерний России к переселению в Сибирь, где интересы старожилов столкнулись с интересами переселенцев. В апреле 1843 года восстание приняло столь серьезный размах, что Тобольский губернатор Ладыженский просил генерал-губернатора князя Горчакова «выдвинуть сотню казаков линейного казачьего войска с одним орудием в село Чернавское Курганского округа». Князь Горчаков назвал Чернавское «центром волновавшихся селений» и 25 апреля прибыл в Пресногорьковскую, чтобы лично руководить подавлением восстания. С линии были направлены казачьи команды, чтобы пулей и нагайкой навести порядок. В округе было сосредоточено до 5 тысяч войска. В Кургане стояла сотня пресногорьковчанина войскового старшины Бедрина, Горчаков приказал «подавлять восстание всеми средствами, не исключая действие оружия везде, где того требуют обстоятельства». К концу лета мятеж был подавлен. В это время упорно распространялись слухи, что смерть императора Александра I покрыта тайной, а «царевич Константин лет 17 назад проехал на Иртышскую линию». Летом 1845 года в станицах Горькой линии появились люди, которые видели, как Константин являлся « в разных видах, иногда с казакком, иногда с солдатом, сказывал. Что у него расположено войско в Киргиской степи, за Усть-Уйской крепостью».

Торговля между линейными жителями и Степью в XIX веке

В декабре 1846 года был утвержден штат сибирского казачьего войска. 5380 крестьян, живших в станицах, были записаны в полки. Душевой надел казака составлял уже 30 десятин, обер-офицера – 200, штаб-офицера – 400 десятин, только степная 10 верстная полоса содержала 1,5 миллиона

десятин земли. Возникли новые станицы – Арыкбалыкская, Атбасарская, Кокчетавская, Котыркольская, Лобановская, Зерендинская (1849 – 50гг).

Сибирское казачье войско, по данным 1866 года, состояло из 12 конных полков, двух пеших полубатальонов, конноартиллерийской бригады. Станица Пресногорьковская относилась к третьему полку 1 военного отдела. Он состоял из 6 сотен, имел в составе 15 офицеров и 1418 служилых казаков. Штаб третьего полка дислоцировался в Пресновке.

В 1875 году казаки несли военную службу в течение 20 лет – 3 года в «приготовительном разряде», 12 лет в строевом (4 года на действительной службе, 8 лет на «льготе», с периодическими лагерными сборами в районе Кокчетавской станицы, 5 лет в «запасе»).

В 1876 году станичному правлению Пресногорьковки принадлежали казачьи поселки: Усердный (458 жит.), Кабаний (630 жит.) Пресноредутский (577), Камышловский (313 жит.), Починный (329), Крутоярский при озере Хохловатом (474 жит.), Богоявленский (226 жит.), Песчаный (616), Сибирский при Моховом (351 жит). Казаки занимались хлебопашеством и скотоводством. Казахское население называло станицы так: Пресногорьковка – Стап (штаб), Пресновка – Кпытан (капитан), Половинное – Асырайык (белая корова), Зверинка – Баглан, Екатериновка – Кутурлаган, Петропавловск – Кызыл - жар.

В Пресногорьковской засевалось 80 четвертей пшеницы, 19 ржи, 52 овса, имелось 725 лошадей, 863 головы КРС на 202 двора. «Главная масса сена для прокормления скота гарнизонов и местных жителей, собирается с естественных лугов и состоит наполовину из молодого камыша... гарнизоны заготавливают овощи и весьма достаточно... около укреплений добывается значительное количество рыбы на продажу». Казачьи земли состояли из «юртового надела – земель, находящихся в общинном пользовании казачьих станиц и поселков (в 1846 году земельный душевой надел

казака был определен в 30 десятин земли) и из войсковых запасных земель, предназначенный для отвода станицам дополнительных запасных наделов (с ними душевой надел равнялся более чем 52 десятины, т.е. имеет размер, равного которому нет нив одном казачьем войске, ни вообще в России) и для наделения земельными участками на правах потомственного владения казачьих офицеров и войсковых чиновников.

Земли казачьего дворянства были объявлены потомственной собственностью. С этого времени растет число необеспеченных бедняцких казачьих хозяйств, средний размер пая снижается, хотя обеспеченность казаков землей остается значительно выше, чем крестьян. На основании положения от 7 мая 1877 года офицерам и чиновникам войска было предоставлено право в течение 10 лет за отказ от пенсии, получить из войскового фонда по своему выбору в потомственное владение бесплатный участок от 600 до 3000 десятин. Вдовы и сироты могли получить половину надела, причитающегося мужу или отцу, К началу 1887 года из 612 офицеров, чиновников, вдов и сирот 493 заявили свои права на потомственные земельные участки. К 1914 году площадь офицерских участков составила 839,8 тыс. десятин, что составило 16,8% владений войска. Участки на правах частной собственности стали объектом купли-продажи, т.е. либо продавались, либо сдавались в аренду.

По своей социально-экономической сущности «казачьи земли сейчас представляют собой настоящую муниципализацию. Эта ... муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных в различных в размерах землевладения, платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу» (Ленин В.И. ПСС.т.16.с.315).

В первые месяцы строительства крепостей торговля между поселенцами и казахским населением была запрещена властями. Уже 6 октября 1752 года в крепость Святого Петра приехало 6 казахов для сатовки (менового торго), им

было сказано, что торговать нечем, и чтобы они «скот свой довольствовались в степи, а внутрь границы отнюдь бы не ездили».

Торг для военных запрещался. «Сим рекомендую, - приказывал Крафт 6 января 1753 года, - дабы впредь оно не чинено не было». Однако, после частых обращений комендантов крепостей и казахских старшин 9 октября 1754 года Крафт донес Коллегии Иностранных дел что новая линия крепостей будет закончена в 1755 году и просил разрешения учредить в крепости Святого Петра торг русских купцов с казахами, «ибо из того немалая казне прибыль, а военным людям в харчевых припасах во удовольствие может быть». В 1756 году принят таможенный устав для российских купцов. При введенной паспортной системе купцы должны были указывать состав приказчиков, с которыми они направлялись в степь.

Абылай – султан неоднократно просил в 1759 году бригадира фон Фрауендорфа учредить по новой линии сатовку. Считая, что торговля с казахами будет незначительной, что бухарцы из-за грабежей в степи с товарами приезжать не будут, Фрауендорф полагал, что следует «для приласкания и удержания на наших границах учредить только малую сатовку».

В 1759 году бригадиром фон Фрауендорфом был издан указ о сатовках в крепостях Святого Петра, Лебяжьей, Кабаньей, Пресногорьковской. Об открытии торгова на новой линии было объявлено с барабанным боем. Султану Абылаю было разрешено ехать с «товарами, со скотом, лошадыми и пленными калымчатами в Петропавловскую крепость безо всякого опасения».

Торг зимой 1759-1760 годов шел успешно. Вскоре на линию прибыли кашгарские купцы с товарами. В 1765 году на Новоишимской линии крепостей торговали тобольские и тюменские купцы, приходили караваны из Средней Азии. Из степи пригоняли «калмыков и других военнопленных инородцев: правительство разрешало эту покупку по не-

достатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных велено иметь... Эта позорная работорговля была прекращена в 1825 году». Торг в крепостях происходил на меновом дворе. Таковые были открыты в Пресногорьковской и Петропавловской крепостях в 1766 году.

«Торговая площадь находится под пушками сей (Петропавловской) крепости, обнесена рогатками и имеет несколько лавок, казахи приходят всегда на торг караванами, для того, что вместе способнее гнать им скот свой из столь далеких мест: и тогда в крепости бьют в барабан и представляют к торговой площади караул, а между тем собираются купцы и когда выложат они товары, то пропускаются казахи со своим скотом, они пригоняют больше всего лошадей, бойных быков и широкохвостых баранов, да сверх того привозят овчины, мерлушки и по несколько мехов. Все сие променивают они на железные котлы, вертела. Сукна, шелковые материи, платки, позументы, иглы, бисер, огниво... Торг сей для российского купечества весьма прибыточен потому, что лошадей перепродают в драгунские полки... приходят также бухарцы и китайцы... берут на промен тонкие сукна, красильные вещи...» (И.Фальк). Подобный торг имел место в любой части крепостной линии, он был выгоден для обеих сторон.

Жители пограничных селений Уйской и Горькой линий занимались продажей товарного зерна, производство которого непрерывно возрастало. Драгун Донов, побывавший на Староишимской линии в 1747 году писал, что казахи «не на что так не жадны как на муку: ржаную или пшеничную, заодно считают, а о сукнах только просят: каких хочешь лучших лошадей выбирать и смотреть, приводят иноходцев и парами коней же великих и хороших». По данным Н.Рычкова в станицу Звериноголовскую «казахи приходили толпами, приводя с собой табуны овец, коров, лошадей». Разрешая казахам беспощинную торговлю скотом, власти руководствовались следующими соображениями «когда кайсаки более к хлебу привыкнут, то чайть можно,

что они впредь время от времени около новостроенных крепостей кочевать привыкнут и тем их в верноподданническом послушании удобнее содержать будет, сверх того, от них на мену всегда по довольному числу лошадей, годных для драгун, без великого казенного ущерба, так же и баранов достать можно».

24 декабря 1763 года Коммерц – коллегия утвердила инструкцию, которая была разослана комендантам пограничных укреплений. Она разрешала казакам и старпинам производить обмен товарами с платежом в казну пошлин.. Для привлечения населения степи к торговле с 1760 года отпускались средства из казны: Железинской крепости – 50 руб., Усть-Каменогорской - 100, Пресногорьковской - 50, Петропавловской – 200. Деньги шли на прием и угощение влиятельных кочевников (Касымбаев Ж.К.).

В крепостях были устроены мечети и караван – сараи для приезжих, а также гостиные дворы под присмотром начальников таможен.

Купеческие караваны, проходившие через Звериноголовскую, Пресногорьковскую, Пресновскую таможенные заставы на юг подвергались тщательному досмотру. Здесь тщательно следили за тем, чтобы купцы не провезли в степь огнестрельное оружие, пороха, свинца, российские монеты и солдацкого сукна». Побывавший в крепостях Горькой линии путешественник Х.Барданес (1771 г.) отмечал, что «казахские торговцы стараются о своей продаже, меняют рогатый скот и лошадей на разные сукна, красные юфти, железные ложки...просят всегда придачи из мелочных вещей как-то игол, пуговиц, наперстков, булавок медных, перстней оловянных...».

Несколько позже было установлено торговое движение из Бухары, Ташкента и Коканда, проложившее в казахские степи несколько путей, по которым шли караваны – по течению Сары – Су через Ак-Барак к станции Пресногорьковской и дальше на Троицк, другие на Акмолинск и Петропавловск. А.Левшин приводит данные о меновой тор-

говле скотом - в 1819 году продано в Троицке 2356 голов скота, в Петропавловске – 69679, в Омске – 3238, в Пресногорьковской – 4 485 голов.

Значение меновых дворов значительно выросло после введения в 1837 году покибиточной подати. В отчете за 1844 год говорится: казахи продавали много произведений своих за деньги, которые увозили в степь для уплаты покибиточного сбора». В ведомостях за 1875 год отмечено: «... требуя и получая деньги за свой скот за деньги же покупают казахи, как хлеб, так и фабричные произведения».

К 80 – 90 годам XIX века главной формой организации торговли стали ярмарки и базары. В Пресногорьковской проводили три ярмарки, на которые привозилось товаров на сумму 200 тыс. рублей золотом (18 мая начиналась двухнедельная Еленовская ярмарка, с 1 ноября Михайловская, с 24 по 29 июня – Петровская, «красный» базар располагался у церкви, торговля скотом – за озером Пресным). Здесь «собиралось столько скота, что от одного конца площадки до другой нужно было 2 часа скакать на коне» (очевидец).

В Пресновской «бывают две большие ярмарки (главный продукт торговли – скот), одна – в декабре (до 200 тыс. руб.), другая в январе (до 130 тыс. руб.)». Местные ярмарки были связаны с Ирбитской и Нижегородской. Гурты купленного скота гнали по Казачьему тракту на Троицк и далее в Казань и Нижний Новгород. Бараны забивались в Петропавловске и станицах, где процветало мелкое товарное производство – в Пресногорьковской в 1876 году работали 3 салотопенных и кожевенных завода, построенных у леса Салотопник. Кожевенный завод в Пресногорьковке принадлежал Василию Кладенову, в год выдeldывали 1500 кож на сумму 6000 рублей, салотопенным заводом владел казак Константин Усплентев, в 1875 году было произведено 2330 пудов сала на сумму 9200 рублей, сбыт продукции в Шадринске (из ведомости за 1875 год – в кожевенном заводе казака Кладенова имеется чанов – 3, зольников – 2, печей –

1, мастер – 1, мастеровой – 1, рабочих – 2, кожи приобретаются на субботних торжках у русских и казахов. Салотопенный завод: станков 30, 2 печи, 2 наставы, 2 чана для слива сала, 2 ларя.).

Масло и сало через Сибирскую торговую компанию переправлялось в столичные города и за границу (в 1900 году через Петропавловск было вывезено в Петербург и Москву 304 тыс. пудов масла и 1044 тыс. пудов мяса. Не последнее место на рынках станиц занимали продукты рыбной ловли и охоты. В Усть-Уйской и Звериноголовской продавали рыбы на 2500 рублей в год. Пресногорьковские предприниматели торговали солью. Еще в мае 1756 года сюда был определен соляной голова к продаже казенной соли (и велено по сношению с сибирским соляным комиссариатом на новую сибирскую линию и в крепость Пресногорьковскую к продаже казенной соли ...определить соляного голову с целовальником»). Ломка соли проводилась на многочисленных горько-соленых озерах, окружавших станицу (Рас-сольное, Сливное и др.).

В середине XIX века развился извозный промысел. Немалую роль в нем играли разъездные агенты. Они выезжали из линейных станиц на юг и производили торговые сделки. Обычно это были бедняки – казахи, работающие у местных жителей. Они выезжали с товаром в степь, а возвращались со скотом. В Пресногорьковке имелся ветеринарно-охранный пункт по проверке скота на заболевания, располагалась одна из крупнейших таможен.

И.Завалишин писал в 1867 году по поводу торговли на сибирских линиях: «...контрабанда не последнее дело, и широко практикуется даже и кордонными казаками: ибо нет человеческой возможности углядеть на таком громадном пространстве. Первокласные таможи на сибирских линиях находятся в городах Петропавловске и Семипалатинске, а таможенные заставы в городах: Павлодаре, Омске и Усть-Каменогорске, да в станице Пресногорьковской.

Среднеазиатская караванная торговля состоит из хлопчатой бумаги, марены, сухих фруктов, изюму, кишмишу, цицварного семени, мягкой рухляди, халатов и пр. В Среднюю ж Азию отпускается: плис, полуситцы, нанка, миткаль, юфтю, тюменский товар кожаный, сукна, медные и железные изделия, посуда, сундуки...». Тот факт, что Пресногорьковская имела первоклассную таможенную заставу, подтверждает ведомость о пошлинах, собранных в таможенных Сибирского округа в 1848 году – Усть - Каменогорская – 2171 рубль, Пресногорьковская – 5294 рубля, Омская – 4468 рублей, Петропавловская – 80028 рублей. (По Касымбаеву Ж.К.).

Туманшин К. приводит интересные данные о скотопроектных трактах.

«Сформированные в Акмолинской области гурты продвигались:

- по казачьему тракту – из Омска вдоль Горькой линии через Пресногорьковскую на Троицк,

- по Всесвятскому тракту – из Атбасара в село Всесвятское (ныне Урицкий), отсюда тракт разветвлялся: на Кустанай, в Звериноголовскую и Пресногорьковскую,

- по Арык Балыкскому – на северо-запад в Пресногорьковскую и Новорыбинскую.

Путь прогона скота в Тобольскую и Пермскую губернии лежал из Пресногорьковской на Курган и Шадринск». Спрос на скот в центральных районах России был чрезвычайно высок – в материалах центрального госархива республики Казахстан читаем «в связи с распашкой в 1910 году задонских степей, казахский скот занял главное место на Петроградских и Московских рынках ... на него есть большой спрос в центральных частях России».

Состояние дорог поддерживалось местными жителями, каждая семья обязана была отработать на почтовом тракте несколько дней в году, делали подсыпку, ставили верстовые столбы. Насыпь сохранилась между Пресногорьковской и Камышловкой, сохранились даже фрагменты мостов,

например, при въезде в Камышловку. В 2004 году был срыт железнодорожниками переезд через ж/д между Камышловкой и Пресноредутом, старый казачий тракт был перерублен в районе бывшего хутора Культурный (1922 г). Теперь, чтобы проехать из Пресногорьковки в Пресноредут необходимо сделать петлю через станцию Зерновая.

В конце XIX - начале XX веков рядом с Пресногорьковкой появляются переселенческие поселки и хутора – Макарьевка (1896г), Федоровка, Евгеньевка, Исаевка, хутор Троебратский (1900г. Основан алабужскими крестьянами Чмутовым, Папуловым и Ермаковым), и множество мелких, в которых жили по 3 – 4 семьи. Переселенцы занимались скотоводством, маслоделием, рыбной ловлей, сеяли хлеб, промышленяли охотой (цены на шкурки: заяц – 40 коп, хорек - 75 коп., горноста́й – 2 – 5 руб., волк, лиса – 10 руб., тетерев – 20 коп.).

Воспоминания Федора Николаевича Церахто (1900 – 1991гг.)

«В 1910 году несколько семей из Приазовья решили переселиться в Северный Казахстан. Предварительно отец ездил за Урал и купил у купца Ардакова земельный участок в 200 десятин земли неподалеку от станицы Пресногорьковской. До Кургана ехали около месяца на поезде, везли багаж. От станции Лебяжье по столбовому тракту поехали на юг по территории Курганского уезда Тобольской губернии. Здесь переселенцев почти не видно. Все население коренное, так называемые старожилы-чалдоны. Чулошное было последним, самым дальним селом этого уезда. Отсюда начиналась территория Петропавловского уезда Акмолинской области. Остановились на отдых у небольшого хутора. К нам стали подходить жители. Завязался разговор. Мы узнали, что хутор населен пять лет назад выходцами из Харьковской губернии.. приятно было услышать в сибирской глуши хорошо знакомый украинский

разговор. До места нашего проживания оставалось 15 верст.

Солнце было еще довольно высоко, когда мы въехали в первую казачью станицу Пресноредут. Подъехали к дому старшего урядника Якова Поликарповича Воропаева, который стоял в центре станицы на площади. Нас обступила большая толпа казаков и казачек. Мужчины тепло поздоровались за руку со станичниками, казачки подходили к женщинам, приветствовали их и целовались как с родными. Нас, детей, интересовали мужики, которые все от мальчишек до стариков были одеты в казачью форму — брюки с красными лампасами, фуражки с кокардами. Тут же гарцевало несколько всадников. Около часа длилась наша стоянка в станице, потом поспешили в путь, чтобы быть на месте до заката солнца. Ехать нужно было пять верст. Дорога проходила по очень красивой местности. В то же время девственные леса, ковыльная степь и озера, изобилующие дичью и рыбой, ясно говорили о диком, малообжитом крае.

Солнце уже коснулось горизонта, когда перед нами открылась широкая равнина ковыльной целины в своем первобытном состоянии. Направо от нас равнина уходила за горизонт, прямо впереди упиралась далеко в виднеющийся темный лес. Влево раскинулось небольшое, заросшее камышом озеро, за которым тоже виднелся лес длиной около версты и шириной не более 200 метров.

Обоз остановился, Все вышли вперед и отец, указав рукой на озеро, лесок и прилегающую к ним степь, громко сказал «Вот это наша земля» Все сняли головные уборы. Женщины крестились, крестились и мы, дети. Всех охватила торжественная радость. Долго стояли на пригорке и рассматривали участок в 220 десятин. Осмотреть его с возвышенности не представляло большого труда. Все было как на ладони. Длина участка около двух верст, самая широкая его часть — около версты. Земельный участок был в виде ромба. Начали постройку шалашей 26 июня. Год это

выдался засушливым. Засуха охватила всю тогдашнюю огромную Акмолинскую область, поэтому шалаши строили из камыша. Чтобы печь хлеб и варить еду в первую очередь сложили под открытым небом русскую печь, для которой из Пресноредуги привезли кирпич. Мужчины привезли целую бричку муки в мешках. Дичи на месте оказалось уйма – на озере раздавались голоса уток и лебедей, в лугах паслись стаями журавли, над степью летали кроншнепы, в лесах выводками взлетали тетерева и белые куропатки. А зайцев было так много, что они то и дело выскакивали в лесу из-под ног. Хаты строили всем миром – приехали строители из Пресногорьковской, оттуда же привезли материал и строительный лес. Материал для постройки оказался на месте. Почва, никем не тронутая веками, так густо была переплетена корнями растений, что образовалась упругая толстая корка, толщиной в 10 – 15 сантиметров, так что при распахивании ее однолемешным плугом эта корка отваливалась вдоль борозды ровной и бесконечной лентой. Пласт не рассыпался и не рвался. Его разрезали на нужные куски железной лопатой. В первых числах августа мы вселились в три теплые, светлые, просторные хаты. Новоселье справляли на Покров, были гости из Казанки, Пресногорьковки, из Пресноредуги приехали братья Воропаевы с женами – станичный атаман Максим Прокофьевич и Яков Поликарпович. Детям особенно нравились серебряные погоны атамана и висевшая на боку шашка. Был поведен молебен по поводу основания хутора. Из станицы народ с иконами и хоругвями в сопровождении церковного хора пешком направился к хутору. В это время там в огромных котлах под открытым небом готовили праздничный обед. Забили немало скота. Привезли большую бочку вина, несколько четвертей водки. Отслужили молебен. Гуляли больше суток». В середине 70 годов Федор Николаевич Церахто вместе с племянником Юрием Федоровичем Ермолаевым попытались найти на месте бывшего хутора спрятанное после гражданской войны

оружие. Удалось найти только заржавевшую пашку, наган найден не был. Пашку долго чистили кирпичом и отдали в Петропавловский краеведческий музей.

Предприимчивые переселенцы и казаки, державшие большие стада скота, строили маслодельные заводики. Стандартный заводик представлял собою трехкомнатное деревянное помещение, льдохранилище и оборудование – 600 литровый сепаратор, маслобойка, маслообработка, водогрейный котел, фляги ушаты. Стоимость составляла 150 – 160 рублей.

Сибирская компания в Кургане закупала масло по цене 12 руб., за пуд. 2 – 3 раза в месяц владельцы маслозаводов везли туда масло на продажу. «По дороге непрерывным потоком шли подводы. Расстояние в 120 верст проходили за два дня. Ночевали у озер, где собирались десятки подвод. В одиночку ночевать было опасно, по дорогам шныряли грабители...» (очевидец).

С.В.Преображенский о жизни в станице Пресногорьковской (проживал с 1909 по 1926 год).

В полутора километрах от станицы находится озеро Второе Соленое. Взрослое население купалось в нем, оно считалось целебным. В летнее время сюда приезжали специально со всей округи на два – три месяца на лечение грязью и соленой водой. Жили приезжие в палатках или арендовали юрты у зажиточных казахов, покупая у них мясо и кумыс. По субботам в станице проходил базар. Он проводился на площади, где располагались лавки торговцев Дегтярева (мануфактура), Богданова, Новгородцева (кожаные товары), Усманова (железно – скобяные изделия), здесь же располагался магазин Общества потребителей. В станице были медицинский и ветеринарный пункты, две школы – начальная четырехклассная и Высшее начальное училище. Союз кооперативов объединял 28 сельских потребительских обществ. Он был связан с крупными фабриками и купцами, что позволяло значительно снизить цену на товар. В станице находилась межрайонная контора Пересе-

ленческого управления, которое давало в кредит сельхозмашины, ссуды для строительства домов, покупки скота и посевного материала. Было большое количество иностранных акционерных фирм Дерринга, Маккормика, Зингера. Последняя организовывала курсы по освоению швейных машин и обучению вышивке, вязанию и штопке чулок.

Казачьи поселки отличались чистотой и порядком. Летом устанавливалось дежурство при пожарном сарае, состоящем из двух пожарных машин и бочек с водой, с запряженными в них лошадьми и четырех человек с дежурством на каланче, сооруженной над крышей станичного правления. На Большой улице размещены огромные чаны по 500 ведер, которые периодически заполняли водой. По субботам подметали улицы, сор заметали с улицы во двор.

Достопримечательностью являлась березовая роща «Маяк», пока она полностью не была уничтожена стихией (лес в 2006 году выпилен на дрова – С.В.). Весной 1920 или 1921 года население было разбужено страшным шумом и грохотом. Накануне с вечера начался дождь, шел всю ночь и тут же замерзал.. Когда рассветало, взору представились окрестности, открытые на десятки километров.. старые деревья, не выдержав обледенения, обломались, молодые пригнулись к земле. Стальные провода телефонной линии рвались. Чтобы оттаять лошадей пришлось затопить в школе, где мы жили (мать была заведующей школой), железную печь и в тепле освобождать их ото льда. Мужчины выехали в степь для спасения овец. Каждая овца представляла собой кучу льда. На место к табуну завозилась солома, и разжигались костры для отогревания животных. Много овец погибло.

В станице время от времени устраивались скачки, на которых молодые казаки, возвратившиеся со службы, показывали свое мастерство на лошадях. Взятие барьеров, преодоление рвов, наполненных водой, рубки лоз, поднятие на полном ходу предметов, соскоки на землю и вновь посадка в седло. Отличившихся премировали ценными подарками.

Зимой, в основном в Масленицу, организовывали бега, как в упряжках, так и на верховых лошадях на приз, установленный станичным правлением, или на спор между участниками забега в пределах средней стоимости рабочей лошади. В дни Рождества, Нового года, крещения устраивались массовые катания в упряжках. Большинство казаков имели выездных лошадей с хорошим ходом, рысаков или иноходцев, упряжь и выездной экипаж.

Служащие, не имеющие лошадей, нанимали запряженные парой или тройкой лошадей экипажи у ямщиков почтовой или земской станций. На озере устраивали каток. От ветров и заносов огораживались камышом, в безлунные вечера освещали фонариками. Катухи устраивали на крутых берегах озера с расчисткой дорожки по льду озера. Катались кто на чем: на санках, фанере, невыделанных шкурах. Устраивались круглые катухи на тележном колесе. К колесу привязывалась длинная жердь, а на другом конце привязывались санки. Водилами служили две – три палки, воткнутые между спицами колес. Человек часто срывался с таких санок и улетал по льду.

В летнее время по субботам народ с пашен и покосов возвращался рано. Молодежь, проживающая в западной части станицы, празднично одетая, заранее, задолго до прихода коровьего табуна, собиралась на поляну перед Лазаретником (небольшой березовый лесок). Пели, гуляли, играли в хороводы или в мяч, танцевали и плясали под гармошку, а вечером девушки, подоив коров, кто с ведрами на коромысле, кто с флагами на тележках, доставляли молоко на молочный завод, куда собирались и парни. Гуляния продолжались до 12 часов ночи. Молодежь восточной части собиралась к табуну на опушке «Маяка». Здесь устраивались проводы молодых казаков, уходящих на военную службу. Нередки были драки между двумя краями, нередко с поножовщиной. Драки заканчивались арестом. Арестованный в сопровождении дежурного урядника приходил к атаману на беседу. Атаман назначал меру наказания и от-

правлял арестованного в каталажку. Режим каталажки таков: она была без окон, спать и сидеть надо было на нарах, передача пищи - один раз в сутки. В исключительных случаях атаман давал указание на оформление и передачу дел мировому судье.

У леса Салотопник стояла двухпоставная паровая мельница, три кожевенных завода, скотобойня с четырьмя складскими помещениями для готовой продукции. В Горьком озере обычно вымачивали кожсырье и коровью шерсть. Вода в озере розоватого цвета. В ненастную погоду или в дождь с ветром с севера поднимался резкий запах сероводорода и все белые предметы, например, оконные переплеты и ставни покрывались налетом цвета яичного желтка.

В 8-9 километрах от станицы находилось Рассольное озеро (рядом с нынешней трассой на Россию справа – прим.С.В.). Рядом с ним в ста метрах находилось озеро с прекрасной пресной водой. Во время перебоев с солью, любители наживы продавали ее по цене в десятки раз большей. На озеро приезжали люди, делали из кровельного железа противни и на огне рассол выпаривался. Получалась белая, хорошая на вкус поваренная соль. В засушливые годы, какими были 1891, 1911, 1921, соль садилась в два – три сантиметра. Сотни людей брали в станичном правлении допуски за установленную плату и гребли соль специальными граблями. Собранную соль кто на лодках, кто на плотках вывозили или выволакивали на берег. В день добывали более двухсот пудов. До одиннадцати утра собирать соль было нельзя – в ней скапливалась селитра, которая с восходом солнца испарялась, такая соль была несъедобна. К вечеру соль от поверхности уходила на дно озера в грязь. Толщина слоя грязи была до одного метра (вокруг озера сохранились многочисленные следы землянок, глубокие ямы разных размеров – прим.С.В.)

Казачья школа была по улице Большой в частном доме казака П.В.Кизина (здание не сохранилось, на его месте

стоит двухквартирный дом, построенный во время целины - прим. С.В.). От крестьянской школа отличалась дисциплиной и изучением военного дела, гимнастики и пения походных песен. Два дня в неделю учащиеся должны были приходить в школу в форме. Девочки в черных или коричневых платьях с белым фартуком. Мальчики в казачьей форме, в синих суконных шароварах с лампасами и в защитного цвета кителе (тужурочке) с блестящими пуговицами и красными погонами. Летом – в рубашках защитного или белого цвета с красными погонами и с красным матерчатый поясом вместо ремня, в сапогах. В день изучения военного дела приходили при сабле и деревянной винтовочке, выдаваемой школой. Летом проводили занятия на лошади. Обучали посадке и езде верхом, как в седле так и «жейдаком», то есть без седла, а также по уходу за конем.

Когда приезжало (или проезжало) в станицу войсковое начальство – войсковой казачий атаман, проживавший в Кокчетавской станице, это в 180 верстах, то подготовка к встрече велась по неделе и больше. Занимались и казаки и ученики. А когда прибывал губернатор, ученикам давались пряники и конфеты, а ребятам – беднякам выдавалась бесплатно форма.

Интересной личностью в станице был уполномоченный Акционерного общества «Хлебопродукт» Павличек Иосиф Карлович. Женат он был на казашке Галине Галимовне Абдрахмановой, красивой женщине из богатой семьи, имеющей высшее образование. Два их сына Анатолий и Борис хорошо владели тремя языками: немецким, казахским и русским. Отец Галины Галимовны Султан жил в Омске, имел около четырех десятков домов, которые сдавал в аренду. Человек он был образованным (был муфтием Омской и Семипалатинской областей). Преподавал в кадетском корпусе. В 100 километрах от Омска был их аул, где содержалось большое хозяйство, паслись десятки тысяч лошадей и овец. После смерти отца хозяйством управлял старший сын Ахмет, а младший брат Зигей окончил

Омский кадетский корпус и юридический институт, работал в управлении Омской железной дороги.

Галина Галимовна некоторое время проживала за границей «она показывала мне фотографию, на которой она снята в национальном костюме для показа на выставке в Швейцарии. Показывала и этот костюм, в котором снималась. Платье цветастое, из голубого толстого шелка, жакет из черного бархата. Все было украшено и отделано жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями. Шапочка также была украшена бриллиантами. Платье встало ей свыше 10 тысяч золотом.

Начальником почтово-телеграфного отделения в 1921 году был Туровский Илья Михайлович, уроженец г.Троицка.

Рассказ о княгине Кудашевой.

Как-то, играя за общественными амбарами на площадке у леса Лазаретника (современные жители называют его Пожарским) в мячик, мы увидели, что по дороге от поселка Крутоярского ехал всадник на белом коне. Конь был красив, сияющий в солнечных лучах. Всадник спросил дорогу к дому ветеринарного врача А.П.Шехтера. Два сына Александра Петровича Николай и Павел проводили его до дома (в 2008 году дом находится в неплохом состоянии – автор С.В.). По приезде всадник отрекомендовался Александрой Герасимовной Колпаковской. Мы, конечно, были удивлены, что всадник оказался женщиной. Одетая она была в широкие шаровары, в длинную черкеску, подпоясанную наборным ремнем при кинжале и пистолете, в черную папаху с черным ворсом. Пока она знакомилась с семейством, умывалась и приводила в порядок себя и своего коня, подошел довольно порядочный ее багаж, и станица уже знала и говорила о ее приезде. Особенно был встревожен и удивлен приездом «какой-то Колпаковской» проживавший по соседству с Шехтером восьмидесятичетырехлетний генерал-майор в отставке Иван Яковлевич Нарбут (бывший командир 2-ого Сибирского казачьего полка, ушел в отставку

в 1908 году – прим. С.В). Приодевшись, он пошел к Шехтеру для встречи с ней. Придя в гости, он застал всех в столовой, извинился за свой визит, здороваясь с ней и представляясь ей, заявил, что он очень хотел бы знать настоящее имя уважаемой Александры Герасимовны, ибо он, будучи женат на родной ее сестре, дочери бывшего губернатора Оренбургской губернии, хорошо знал, что Александра Герасимовна умерла, и он лично присутствовал на ее похоронах (Герасим Алексеевич Колпаковский – опытный гражданин г.Верного, старшина казахов Большой Орды, Семиреченский губернатор и атаман семиреченских казаков, член Военного Совета Российской империи, командующий войсками Омского военного округа, губернатор Степного края, наказной атаман Сибирского казачьего войска, скончался в 1896 году – прим.С.В).

Спутница, поставленная им в очень неудобное положение, встала и перед всеми извинившись, сказала, что она имела в виду и дальше следовать «инкогнито», но, оказавшись случайно разоблаченной, достала документ личности и прочла, что она действительно является Александрой Герасимовной Кудашевой, женой или дочерью, теперь не помню, князя Кудашева. Конечной целью ее поездки была эвакуация в Омск, и далее в Китай. На некоторое время она остановилась в станице Пресногорьковской и жила в нашей летней кухне. Изредка она разрешала мне делать проминку ее чистокровного арабского скакуна Лорика без седла.

Лишь однажды она разрешила проехать в седле. Оно было казачьей формы, стремяна, подпруга и шлем были украшены золотыми и серебряными орнаментами. Потники обшиты тонким персидским ковром. Седло, по ее словам, было подарено ей в империалистическую войну главнокомандующим войсками Н.Н.Романовым, дядей царя Николая II (легенда о закопанном во дворе дома «золотом» седле жила в Пресногорьковке до конца столетия – прим. С.В). Кудашева, имея звание полковника, командовала от-

дельным казачьим полком, имела высшее образование, два диплома – ветеринарный и медицинский.. Много путешествовала, долго жила в Индии, владела гипнозом. Говорила на многих языках, в том числе и по-казахски. Лечила гипнозом и лекарствами из трав, знала астрологию и хиромантию. Выступала с лекциями, проводила беседы и показательные занятия по уходу за конем, показывала правильную ковку и расчистку копыт. Изредка на вечерах, устраиваемых после спектаклей, танцевала лезгинку, Во время танца, идя по кругу, выбрасывала к потолку свой кинжал и, не задерживаясь, в танце ловила его, и так повторяла несколько раз. В то время ей было около сорока пяти лет. Столовалась она у нас. За завтраками и обедами она обычно не задерживалась. Вечерний чай проходил в беседах и спорах с отцом. К вечернему чаю почти ежедневно приходил И.Я.Нарбут. Поговорив за чаем, в основном с матерью, он обычно за столом засыпал, и, проснувшись, вставал, извинялся и тут же уходил домой. Прожила она у нас около года. Уехала в Курган на Смолинский конный завод и там по совместительству заведовала городской ветеринарной амбулаторией. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Последний раз встречался с ней в конце 1917 года.

* **Об Александре Кудашевой.** Участница русско-японской и Великой войн. Вдова войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Со 2 мая 1910 по 30 мая 1911 года совершила конный пробег Харбин-Петербург на скакуне Монголике. 26 октября прибыла в Омск и продолжила путешествие по станицам 2-го военного отдела. В северной столице империи была принята императором Николаем Вторым и представлена Семье. В память о встрече подарила скакуна Монголика наследнику престола Цесаревичу Алексею. В то время газеты восторженно писали о смелой наезднице.

* **О генерале И.Я. Нарбуте** вспоминала казачка Томская-Зенепрецова (записано автором в 1991 году): «В то время когда в станице ожидали прихода красных, моего

деда, Матвея Авксентьевича Зенепрецова вызвали в станичное правление, где ему сказали, что наш дом навестит генерал Нарбут. Вечером к дому подъехал богатый экипаж. Из него вылез старик и два денщика, которые занесли в дом какой-то кованый железом сундук. Дед долго выпивал с генералом и даже вспомнил, как много лет назад, во время службы на границе с Китаем, Нарбут заставил его бежать пять верст в полном снаряжении, а сам скакал рядом. Генерал уехал, а сундук остался. Мы, маленькие дети, когда мыли пол вокруг него, подняли крышку и увидели, что в нем много желтых вещей, наверное, золотых. Красные взяли станицу, а потом их выбили, и сундук у нас забрали. Жили мы бедно, поэтому нас красные не тронули с обыском». К сожалению, мною не найдены данные о судьбе жены Нарбута, одной из дочерей Герасима Алексеевича Колпаковского. И.Я.Нарбут принадлежал к старинному русскому православному дворянскому роду литовского происхождения из Витебской губернии. В Пресногорьковской отставной генерал проживал в доме из трех комнат, одну из которых занимал денщик. Он активно занимался столярным делом – делал ухватники, сковородники, деревянные походные кровати. На день рождения А.Х.Преображенской подарил ей три дубовые складные турецкие табуретки, с мягким сиденьем их персидской ковровой полоски. И.Я.Нарбут предположительно ушел на восток с отступающими колчаковскими войсками, след его затерялся... Его сын (внук Г.А.Колпаковского?) окончил Омский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, участник Первой мировой войны в составе Сибирской казачьей дивизии. Попал в германский плен в феврале 1915 года в районе Августова. Принял активное участие в попытке полковника Волкова свергнуть Сибирскую областную думу в сентябре 1918 года. Есть предположение, что он застрелил А.Е.Новоселова, министра внутренних дел Временного Сибирского правительства.

Церковь и монастырь

В 2005 году по инициативе акима Костанайской области **Сергея Витальевича Кулагина** началась реставрация Свято-Никольского храма в селе Пресногорьковка. За короткий срок была возведена колокольня, церковь приобрела вид, который многие годы будет радовать сельчан и гостей села.

Об истории храма

12 мая 1766 года командиру Сибирского корпуса была направлена служебная записка из Тобольской духовной консистории о закладке церквей в крепостях Святого Петра и Пресногорьковской.

Деревянная церковь была построена из сосны Красного леса, росшего на берегу Горького озера. По материалам Тобольского архива она сгорела в 1798 году. Ветшание и подверженность пожарам храмов в южном Зауралье стало поводом для принятия в 1801 году указа Священного Синода о строительстве каменных церквей. За четыре года в Пресногорьковской было возведено грандиозное для этой местности, учитывая малочисленность населения края, сооружение. Ее строили местные кадры мастеров, которые возводили храмы по Исети. Они привнесли в строительство украинские, среднерусские и северорусские мотивы, которые сложились в новый архитектурный стиль - Сибирское барокко. Обычно подрядчиков строительства находили на открытых торгах. Работа по изготовлению кирпича производилась из своего материала своими рабочими. Сами прихожане добровольно участвовали в строительстве. Для жжения извести и обжига кирпича требовалось огромное количество дров, для этого пилили окрестные леса и доставляли дрова в крепость. Бутовый камень под фундамент подвозился за сотни километров. Имена «работных людей» остались неизвестными.

Каменная церковь «имела два придела – во имя святого Николая Чудотворца и Казанской Божьей Матери, летний и зимний, обнесена деревянным забором». Здание построили на самом высоком и сухом месте крепости. Раствор использовали особый – говорят, с добавлением яичного белка и алебаstra. В большие праздники приходили на службу жители окрестных поселков. Особенно много народа собиралось на праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября. Этот день был престольным праздником сибирских казаков. Главным праздником всех полков Сибирского войска был праздник Святого Николая Угодника – 19 декабря.

У стен церкви находилось богатое кладбище и могила начальника Омского областного управления дивизионного командира Василия Ивановича де Сент-Лорана (умер скоропостижно при объезде области). В 1972 году 2 части чугунной надгробной плиты были переданы Т.Е. Чирковым в Кустанайский областной краеведческий музей. На ней текст «здесь покоится прах усопшаго генерал-лейтенанта и кавалера Василья Ивановича де Сент-Лорана, родившегося в 1772 году декабря 3 дня, вступил в службу в 1787 году июня 30 дня и умершаго на 63 году 1835 года июня 8 в 7 часов пополуночи».

О нем известно, что в 1815 – 1816 гг. он служил командиром Пензенского пехотного полка. 4 января 1827 года вступил в должность начальника огромной Омской области. При назначении, будучи старым воякой суворовской выучки, он заявил императору, что « в делах административных и гражданских не сведущ». Однако назначение все же состоялось. В Омске, тогдашней столице Сибири, генерал стремился приблизить к себе опытных чиновников, в том числе ссыльного декабриста С.М.Семенова. Де Сент-Лорану, плохо знающему степные обычаи и традиции казахского народа, приходилось часто бывать во внешних округах, устанавливать личные доверительные связи с богатыми султанами. Его стараниями 9 марта 1833 года по

решению Сибирского комитета были открыты два внешних округа: Баян-Аульский и Уч-Булакский, а 29 мая 1834 года – Аман-Карагайский. Эти действия вызвали сопротивление казахских родов - на де Сент-Лорана пришла бумага в Петербург, что престарелый генерал не справляется с делами и неплохо бы вместо него назначить председателя областного правления И.Д.Талызина. Во время «обозрения внешних округов» В.И. де Сент-Лоран простудился и умер. Семья его после кончины оказалась «в сильно стесненных обстоятельствах».

Здесь же, у стен храма, 17 июля 1831 года, похоронен командир 1-го полка, атаман Сибирского войска Федор Карпович Набоков (по его инициативе в 1813 году было открыто войсковое училище в г. Омске, ставшее впоследствии Сибирским кадетским корпусом. Училище открылось 1 мая 1813 года. В нем обучалось 25 воспитанников).

По описанию от 1900 года « престолов в церкви два - в главной Холодной, во имя Казанской Божией матери, и в Теплой – во имя Святителя и Чудотворца Николая, каменная, построена в 1805 году на средства прихожан, прочна, но требует ремонта, в летнее время, когда открывается храм холодный – поместительна, в зимнее время, когда закрывается холодный – малопоместительна. Местно-чтимая икона Святой Марии Параскевы. Крестных ходов в станице совершается два – первый в 9 пятницу после Пасхи, а второй 8 июля установлен в память прекращения заразной болезни на людей и скот. Приписные деревни на расстоянии от церкви от 12 до 25 верст. Сообщение удобное. В приходе часовен две – в поселках Камышловском и Пресногорьковском. Богослужения в них совершаются во дни Великого Поста для голодающих и во время крестных ходов по приглашению прихожан. Дом для священника церковный, по своей ветхости требует перестройки, а у псаломщика собственный дом. На притч земли положено пахотной, сенокосной. Лесной, удобной, притч пользуется землей беспрепятственно.

Жалование положено от казны: священнику 140 рублей, псаломщику 36 рублей Капитал церкви 3858 рублей, капитал притча 450 рублей. Дохода в братскую кружку бывает до 600 рублей. Притч пользуется доходом с участка вдовы войскового старшины Марии Кизиной (152 десятины). В приходе мужского пола 2560 душ, женского 1537. Раскольников в приходе нет.

По штату положено быть в приходе священнику, дьякону, псаломщику. Священник Яков Николаевич Киселев, 35 лет, студент Тобольской духовной семинарии, служит в сем приходе с 30 декабря 1890, имеет набедренник, родился в Ново - Никольском Петропавловского уезда (в метрической книге церкви запись: 5 декабря 1901 года, священник Тарского уезда Яков Николаев сын Киселев скончался в возрасте 39 лет от крупозного воспаления легких, исповедал священник Александр Соколов, освидетельствовал медфельдшер ветеринарный врач 7 участка А.П.Шехтер, похоронен в церковной ограде)». В апреле 1901 года Киселев за полезную и усердную службу награжден фиолетовой скуфией.

Для священника был построен деревянный дом. Голошубин пишет: «прихожане плохо заботятся о содержании храма и с трудом дают на его отопление, а от постройки дома для псаломщика совсем уклоняются. Зажиточные из прихожан засевают разным хлебом до 30 десятин, средние – до 10 десятин, бедные 2-3 десятины. В приходе разводят много табаку – сбывают его на местных ярмарках. Имеется два маслодельных завода. В станице имеется кожевенный завод и два кирпичных сарая. Озер много и все они богаты карасями, по цене последние нередко равняются стоимости мяса. Притча по штату положено: священник, диакон и псаломщик».

В Никольской церкви Пресногорьковской крепости Тобольской епархии Омского заказа в 1778 году служил Герасим Родионов. Родилось в этом году в его приходе, состоявшем кроме крепости из редутов Песчаного и Пресно-

горьковского, 45 человек. Бракосочеталось 16 пар, умерло 20 человек. В следующем году начал службу дьячок Иоанн Серебренников. В 1781 году службу в храме проводил Феодор Родионов.

Псаломщик Василий Иоаннов Серебренников служил в приходе псаломщиком с 1850 по 1905 год. Священниками были Василий Петрович Попов (1881 – 1891), Василий Скосырев, Яков Николаевич Киселев (1891-1901), Ариан Булгаков(1903-1904), Иоанн Александров(1905), Алексей Федорович Поникаровский(1906 – 1907), Василий Александрович Преображенский (1909 – 1921), Дмитрий Зенченко (1911), Александр Мансветов.

Симеон Игнатьевич Коледа (Коляда) родился в 1859 году. Окончил Тобольскую духовную семинарию. На службе с 4 июня 1880 года. Служил в ст. Новорыбинской в 1891 – 1899гг., ст. Конюховской в 1911 году, будучи священником на диаконовской вакансии Богородице-Казанской церкви ст. Пресногорьковской умер от рака в октябре 1914 года. Предположительно похоронен в ограде церкви.

Церковно-приходское попечительство при станице в августе 1902 года было утверждено в составе: урядники Репин, Успленьев, Полозов, казак Тимофеев, крестьяне Емельянов и Иванов. Церковными старостами были крестьянин Павел Мальцев (май 1900), казак Петр Лученинов (с февраля 1905), казак Василий Новгородцев (октябрь 1911).

В 1918 году священником в Пресногорьковке был Мапиновский. (Г.М.Мусрепов. «Автобиографический рассказ»).

К вопросу о старообрядчестве. В документе за 1900 год сказано, что раскольников в приходе нет. В 60-е годы восемнадцатого века центрами старообрядчества в южном Зауралье были слободы: Утятская, Курганская, Куртамышская, Иковская, Белозерская, Усть-Суерская, расположенные севернее горьколинейных крепостей и редутов. Позже

старообрядцы приняли активное участие в Пугачевском бунте на стороне восставших. Связи с названными слободами не могли не оказать определенного влияния на казаков, иначе тогда откуда такое большое количество нательных старообрядческих крестиков и воспоминания старожилов о лесе Крестовом, где молились раскольники. Южнее линии старообрядцев на линии было немного. Раскольники проживали в основном в станице Акан-Бурлукской и ее поселках. Они прибыли в степь в 1849 году из Харьковской, Саратовской и Оренбургской губерний.

О священнике о. Василии (Преображенском)

Василий Александрович вырос в бедной крестьянской семье, проживавшей в Вологодской губернии. В 1901 году окончил семинарию и был назначен священником при Погосте Тотемского уезда. В 1909 году он вместе с семьей был сослан в станицу Пресногорьковскую под надзор полиции за то, что в своем доме хранил рабочую типографию брата своей жены, известного революционера В.Х.Попова (партийная кличка «Василий Темный»). Жена священника, Анна Христофоровна, была заведущей казачьим училищем. В 1923 году ее арестовали по доносу – в учительской была обнаружена газета с ее пометками, в которой говорилось, что все отобранное у народа зерно не вывезено и горит в вагонах. «Мать посадили, каждое утро ее водили в контору, где она выполняла бухгалтерскую работу, а вечером возвращали в тюрьму. Хлопотал за нее и способствовал ее освобождению И.М.Туровский» - вспоминал Сергей Преображенский. Умерла она в 1947 году в Свердловске.

Дети Преображенских: Александр и Екатерина (умерли в раннем возрасте в 20-х годах, похоронены в Пресногорьковке, рядом с отцом), Людмила († в 1946 г. в Кемерово), Николай (1910 – 1943 гг.), Владимир (1917 – 1981 гг.) военврач, Сергей (1904 – 1990 гг.).

В Пресногорьковке Преображенских очень уважали – еще в конце 90-х старожилы вспоминали Анну Христофоровну как очень строгую и справедливую учительницу.

В 1921 году священник Василий Преображенский и церковный староста Петр Лутченинов были расстреляны как участники Западно-Ишимского восстания, с формулировкой «за участие в шпионаже и грабеже». Отец Василий принял мученическую смерть. Каратели привязали его цепями и дубу, росшему рядом с почтовым трактом у леса Маяк и долго пытали, после чего расстреляли.

В сентябре 1977 года автору книги пришлось копать могильную яму в юго-восточном углу кладбища, самом дальнем от входа на погост. На метровой глубине лом провалился в пустоту, из которой был извлечен большой человеческий череп. Мы продолжали копать, обнаружили рядом детские останки. Остатков гроба обнаружено не было. По словам подошедших стариков, это был прах расстрелянного весной 1921 года священника Василия Преображенского и его дочери Екатерины, умершей в возрасте восьми лет в том же году. По воспоминаниям С.В.Преображенского, она была похоронена рядом с братом-близнецом Александром вскоре после возвращения из отступления на восток с белыми в январе 1920 года. Скорее всего, батюшка после расстрела был похоронен женой рядом с умершими ранее детьми. Это значит, что мы не потревожили прах третьего. Захоронения постепенно заросли травой, холмики сравнялись с землей, и через шесть десятков лет бригада копателей выбрала уже ровное место для нового погребения. Сейчас на месте найденных останков находится захоронение Токаревой. Фотографию расстрелянного я увидел лишь спустя тридцать лет в журнале «Урал». Сергей Преображенский побывал в Пресногорьковке в 1973 году и видел человека, расстрелявшего его отца. Фамилию его Сергей Васильевич так никому и не сказал. Мне по косвенным показаниям удалось узнать имя палача, но по этическим соображениям обнародовать его

не буду. Тело убитого псаломщика Петра Васильевича Лутченинова было выкрадено у расстрельной команды женой Любовай Андреевной и тайно захоронено. О месте погребения не рассказывали даже внукам, боясь преследований. После расстрела семья была выслана в Челябинскую область, там остался сын Филипп. Любава вернулась в станицу, где умерли сын Николай и дочь Агния (от брюшного тифа). Младшая дочь, Анна Петровна, скончалась в Пресногорьковке в 1993 году. По-видимому, и захоронение о. Василия оставалось под запретом, о чем свидетельствует тот факт, что он был захоронен без гроба на небольшой глубине, даже холмика не осталось, не говоря уже о кресте.

В 1922 году имущество, ценные вещи храма были описаны комиссией во главе с Ф.Н.Церахто. В описи от 24 мая 1923 года значатся: церковь каменная с оградой, занесенной железной решеткой на каменном фундаменте, колоколов 7 (*вес: первого 125 пудов 29 фунтов, второго – 70 пудов, третьего – 25 пудов, четвертого – 20 пудов, пятого – 7 пудов, шестого – 5 пудов, седьмого – 1 пуд*). Среди утвари упоминаются почему-то не экспроприированные комсомольцами два серебряных сосуда и два креста, а также 13 больших икон и 40 маленьких «разного вида деревянных». Некогда богатейшая церковь была разграблена вчистую, отобраны даже испорченные часы. Долгое время ходили слухи, что церковные ценности были спрятаны в потайной подвальной комнате, где их до сего дня не нашли. Но их не нашли и строители, вскрывавшие пол во время реставрации в 2005 году.

В 1935 году храм был закрыт по решению схода селян и превращен в склад для хранения зерна. Им засыпали всю церковь, а весной обнаружили нехватку зерна. Был арестован сторож и посажен в КПЗ. Оказалось, что пол не выдержал веса, и часть зерна стекла в подвалы, которые существовали до войны, в них обучали военному делу (впоследствии их засыпали). Существует версия о подземном ходе, ведущем за пределы крепости, начало которому в

подвалах. Однако, ни при строительстве школы (1976 – 1982 гг.), ни при постройке водопровода никаких следов его обнаружено не было. Кладбище и церковь были обнесены забором (кирпичная невысокая кладка и по ней кованый железный забор – его остатки в конце века у домов Т.Л.Канахиной и Л.Шороховой, в 2010 году ограда установлена у дома на ул. Береговой). Еще в 90-е годы остатки чугунных могильных надгробий, расколотых надвое, валялись по селу. Сами следы кладбища стерты. В 40-е годы колокольня была разобрана для строительства МТС, она была выше оставшейся части (17 м) и имела остроконечный купол. До сих пор стоят стены МТС из старинного кирпича с непонятным клеймом, практически не осталось очевидцев строительства мастерской в середине 30-х годов.

Из воспоминаний Ю.Ф.Ермолаева (род. в 1926 году): «На центральной площади стоял Никольский храм. Прекрасное архитектурное сооружение с двумя колокольнями – Большой и Малой. Со всех четырех сторон Большой колокольни висели колокола. На северной - самый большой (он долго валялся в церковной ограде, на нем была надпись гласившая, что его отлили в 1678 году), на восточной - два поменьше, на южной - четыре еще меньшего размера и на западной - восемь самых маленьких.

Вторая колокольня была ниже первой и находилась в восточной части храма. Церковь была побелена. Кровля была покрыта жстью и блестела как новая. Все сооружение было обсажено тополями, которые к нашим дням стали могучими столетними богатырями. Внутри ограды было несколько захоронений, накрытые мраморными плитами, надписи на которых не помню. В ограду было два входа ворот с арками с запада и востока.

Весной 1935 года начали разбирать церковь. Из окон школы мы смотрели, как снимали с колоколен кресты, сбрасывали колокола. Миру было возле церкви уйма, половина Пресногорьковки сбежалось глазеть на это зрели-

ще, но милиция близко никого не подпускала, кроме рабочих, которые крушили это прекрасное строение. Ломка поддавалась с трудом, так как кладка была добротная на хорошем растворе. И кирпич и раствор ломался только со звоном, ломали долго».

Из воспоминаний И.С.Горшкова († в 1994 г. в возрасте 86 лет):

«Церковь разрушали в 1931-32 годах. Сбрасывали колокола, снимали кресты, растаскивали все, что было внутри, после был клуб с пожарной частью, к тому времени не было ни окон, ни дверей, ни полов. Вид с улицы был очень красивым, когда она работала. Двери, железная ограда, высокие тополя. У стен на кладбище было три памятника..».

«Церковь украшали все жители, дарили, кто что мог, колокол в 64 пуда подарила вдова офицера Едрилова. Дарили ковры, скатерти. В субботу и перед праздниками девушки ходили мыть пол, ребята носили воду. Украшали церковь садовыми и полевыми цветами, зимой бумажными венками и букетами. Нам, детворе, разрешали подниматься на колокольню, но колокола запрещали трогать. Их было 4 на все стороны света. Сторож жил рядом в сторожке. Иконы были переданы в Петропавловский музей» (Демченко М.Я. 85 лет).

«Специалистом по погрому церквей был некто Давыдыч, житель села Камышловки, он сбросил кресты с Камышловской церкви, колокола с Пресногорьковской и Пресновской церквей, был большой любитель выпить и избить до полусмерти человека» (Лавринов Н.Г.). Этот погромщик храмов в конце концов свалился с купола и разбился насмерть.

С южной стороны была сделана пристройка для сцены Дома культуры. На втором этаже настелили пол, открыли районную библиотеку. С 1957 по 1983 годы здание использовалось как пожарная часть. К этому времени разобрали колонны центрального входа, вырубили ворота для выезда пожарных машин, засыпали подвалы, выкопали ямы для

осмотра машин, забетонировали подвал для воды. В мощных двухстворчатых дверях, через которые прошло несколько поколений станичников, проделали дыру для трубы – качали воду в пожарные машины. В алтаре поставили электродвигатели. 16 апреля 1992 года при очистке здания храма, церковным старостой В.А.Хандюковым в холодном приделе под алтарем, под тремя рядами кирпича, было обнаружено захоронение (глубиной до 2м). В нем обнаружен скелет человека среднего роста, волос и ногтевых пластинок нет, остатков одежды нет, кроме двух костяных пуговиц, цвет костей песочный с белым налетом. Когда я спустился в могилу, то был удивлен видом удивительно жирной и черной земли.

На следующий день, после молитвы о. Глеба, прах был погребен там же. Электромоторы на бетонном фундаменте убрать не удалось, поэтому пол в этом приделе настелен почти под самые подоконники. Доски положили сверху моторов.

Версия автора: после основания крепости летом 1752 года, вплоть до закладки каменного храма в 1801 году, кладбище располагалось в пределах четырехугольных стен крепости, в западной ее части. За пределы кладбище не выносили, так как оно могло быть уничтожено при набегах. Каменный храм заложили на месте сгоревшей церкви прямо на кладбище. Ряд захоронений драгун и казаков оказались внутри церкви.

В сентябре 1990 года у северной стены церкви провалилась земля. Автор со школьниками на глубине 70 см обнаружил саркофаг из тонкого красного кирпича, под которым были остатки богатого гроба (толстое дерево с остатками материи, прибитой декоративными медными гвоздями. На остатках торцевых досок – медные ручки). Из одежды березовые (из коры) стельки сапог, из остатков волос – толстая коса.

Одно из захоронений, земля над которым провалилась, было перенесено о. Романом в 2005 году на другое место в церковной ограде.

Начало восстановлению храма положил уроженец Пресногорьковской Николай Владимирович Коляда (род. в 1957 г.), известный в России и за рубежом писатель и драматург.

6 ноября 1990 года по инициативе Н.В.Коляды и председателя сельского Совета Виниченко Н.Д. был приглашен о. Виктор (Петров), настоятель Косьмо–Демьянской церкви г.Кустаная. Церковь была освящена при большом стечении народа в сильную пургу. Люди набились внутрь здания, заняли все оконные и дверные проемы, которые не имели ни дверей, ни рам. Люди, столько лет разрушавшие здание, теперь, словно осознав свой тяжкий грех, в молчании слушали отца Виктора.

Летом 1991 года настоятелем Свято-Никольского храма был назначен о.Глеб (М.Авдеев), москвич, 28 лет, иеромонах (при нем началось восстановление церкви, память о его пребывании в Пресногорьковке хранится в наших сердцах). Восстановление началось весной 1992 года (Хандюков В.А. Коваль М.). 19 января 1992 год произведен первый после 1921 года обряд Крещения в Иордани на озере Пресном, а в мае водружены кресты на куполе. Летом 1993 года были заложены ворота для пожарных машин с южной стороны. 23.12.93 отец Глеб покинул Пресногорьковку, что стало большой потерей для сельчан. Епархия назначала для ведения службы священников – о. Викентий (1994 – 1995 гг.), о. Владимир (Волошук) (14.04.95 – август 96), о. Олег (Лебедев) (сентябрь 1996 – 1999 гг.). О.Роман (Зверев) принял активнейшее участие в реставрации церкви летом – осенью 2005 года, работал вместе с реставраторами, сам красил кресты на огромной высоте, показал себя настоящим подвижником. Им были перезахоронены останки из могильной ямы севернее храма. Летом 2005 года при активной поддержке акима Костанайской области

С.В.Кулагина храм был восстановлен. Вновь грянул над станицей колокольный звон.

Известны лишь три фотографии Храма в Пресногорьковке дореволюционного периода.

Первая сделана в конце девятнадцатого века Э.Ярженовским и помещена в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Спб.1903». Съемка сделана с пожарной каланчи станичного правления и дает общий план расположения церкви с восточной стороны.

Вторая фотография принадлежит Н.Г.Катанаеву (1909 год), снимок сделан весной в яркую, солнечную погоду с запада, со стороны нынешнего стадиона. Третья фотография сделана с северной стороны в период с 1909 по 1918 год предположительно Анной Христофоровной Преображенской, которая увлекалась фотографией (личный архив Преображенских, г. Москва, переданы в Пресногорьковку драматургом Н.В.Колядой).

Авторское отступление. Домик, в котором я появившись на свет, стоял всего в трехстах метрах от северного входа в Храм. Я не был воспитан в православии, но через всю сознательную жизнь пронес величественный образ единственного купола с торчащим вместо креста железным штырем. Мне кажется теперь, что именно притягивающий образ нашего полуразрушенного Храма помог мне преодолеть жизненные трудности и, в конечном итоге, пройти путь от воинствующего атеиста до верующего человека.

Наш старинный Храм...Место встречи человека с Богом. Через огромные двустворчатые деревянные двери за полтора столетия церковной службы прошли сотни казаков и казачек. В этих стенах крестили, венчали, отпевали целые поколения станичников и иногородних поселян. Толстенные метрические книги содержат подробную информацию об этих людях. Правильно будет сказать, что Бо-

жий Храм был духовным центром станицы, местом, где люди возносили совместную молитву ко Господу. Отсюда они отправлялись в христианскую жизнь, уходили на многочисленные войны, от каменных стен их увозили в последний путь – на погосты окрестных поселков. Даже школа была построена под сенью креста. Не потому ли из стен ее вышел целый ряд известных всей стране людей, и в этом видится мне промысел Божий. Великолепный Храм подвергли поруганию в годы оголтелого атеизма. Богатый интерьер Храма остался лишь на фотографии 1909 года, сделанной генералом Г.Е. Катанаевым. Будто из прошлого шагнул к нам с фотографического изображения псаломщик Василий Иоаннович Серебренников, служивший в Храме более шестидесяти лет. Сегодня Свято-Никольский храм вновь радует глаз. Именно он невидимыми нитями связал прошлое и настоящее, умерших и ныне живущих. Крепко свяжет он и будущее, которое неминуемо станет прошлым. И будет стоять вечно...

Храмы были построены в Звериноголовке, Кабани, Пресновке, Новорыбинке, Становой, Архангелке, Вознесенской, Песчанке. Часовни имели поселки Пресноредутский, Крутоярский, Камышловский, Екатерининский, Островной, Казанский. Они не сохранились. В 1876 году на Горькой линии число церквей составляло 15.

Воспоминания очевидца о пожаре церкви в селе Марьяевка (40 км восточнее Пресногорьковской):

«В середине 20-х годов комсомольцы собрались на заседание, где решали вопрос о церкви, хотели сделать там клуб. В самый разгар споров в комнату вбежал подросток с криком: «Пожар!». Погода стояла ясная, на небе ни облачка. Откуда ни возьмись, налетела грозовая туча, и молния ударила прямо в купол, церковь занялась как свеча. Построена она была на самом видном месте у озера Церковного, здесь же располагалось кладбище. Огромные иконы,

которые вынесли раньше, использовали в качестве крышек столов ликом святых вниз» (Виниченко А.Р. †2006г.).

В начале XX века большую роль в жизни населения Горькой линии играл Архистратиго – Михайловский женский общежительный третьеклассный монастырь. Он располагался в 30 верстах от Пресногорьковки в березовой роще. Основала его Анна Васильевна Казина, урожденная хутора Камышловского. После смерти мужа, пресногорьковского есаула Михаила Казина, она получила в наследство 1500 десятин земли и пожертвовала ее со всеми постройками духовному ведомству с условием, что на участке будет основан женский монастырь. Он был открыт в 1896 году. Сама вдова стала настоятельницей, приняв имя Евпраксия. В черте усадьбы имелось 10 домов для помещения сестер, церковь, трапезная, дома для прислуги. За рощей у озера была построена кузница, мельница и кирпичные строения. У монастыря было два подворья – в Омске и Кургане. В 1908 году в нем проживали 6 монахинь и 119 сестер – послушниц. Монастырь закончил существование в 1921 году.

О чем шумели деревья монастырского сада (статья автора в газете «Ленинский путь» 1991г.)

В тридцати километрах восточнее Пресногорьковки лежат развалины некогда мощных стен церквей и зданий. А рядом раскинулся старый монастырский сад. Многие помнят могучие деревья...

В 1857 году в станице Камышловской в семье священника отца Василия Петухова родилась дочь Аня. Окончив Пресногорьковское женское училище, она вышла замуж за Алексея Казина – старшего сына полковника Сибирского казачьего войска. Старый Казин владел в Пресногорьковке большим двухэтажным домом с лавкой постройки 1870 года..(здание сгорело летом 2001 года). Кроме этого он получил в потомственное владение бесплатный участок земли

размером в 1207 десятин. Землю полковнику намеряли в 30 верстах от Пресногорьковки.

Михаил недолго пожил в доме отца с молодой женой. По пыльному казачьему тракту увез ее в Омск. Жизнь Анны Казиной в тогдашней столице Степного края была веселой и беззаботной, вскоре получила доступ в дома местной знати. Муж, окончив Омский кадетский корпус. Служил в одной из сотен военного отдела. Однако, этот период продолжался недолго – в студеном январе 1890 года есаул Алексей Казин умер от чахотки. Анна Васильевна отправилась на родину, уговорив нескольких омских подруг поехать с нею. Здесь (в нескольких километрах от Пресноредутской) с помощью отца и младшего деверя Николая Казина были построены в 1893 году несколько землянок и деревянная церковь. По прибытии в монастырь высшего духовенства Анна исповедалась, причастилась и приняла иночество, взяв духовное имя Евпраксия. Все ее спутницы тоже постриглись в монахини. 7 ноября 1901 года Святейший Правительственный синод слушал «представление преосвященного Омского Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архистратига – Михайловскою... На участке проживают до 50 насельниц, занимающихся земледелием и ремеслами, для совершения богослужения имеется небольшой молитвенный дом и сооружается новый храм, есть школьное здание и дом для священника». Синод утвердил представление.

Монастырь рос. Через 10 лет после его основания игуменья Евпраксия обращается с письмом к императрице Александре Федоровне: «будучи пионером христианства, в таком глухом углу, монастырь дает приют уже 154 сестрам и призывает 20 девочек, круглых сирот. Содержится монастырь исключительно на средства, приобретенные трудом сестер из которых большая часть старух немощных, и в их числе 6 слепых...» Настоятельница просит царицу выделить средства на строительство «благотворного» храма и школы.

К 1915 году, благодаря помощи Синода, были построены две церкви (страховые оценки по 10000 рублей), часовня, просфорный дом, больница, хлебопекарня, дом священника, баня, трапезная, двухэтажная каменная школа. Монастырь обзавелся сельскохозяйственной экономией, расположенной у озера за версту от усадьбы, с ветряной мельницей, кузницей, большим количеством лошадей, дойных коров, быков. Была куплена паровая молотилка. Монастырь имел мельницы в Звериноголовской и Петропавловске, содержал подворье в Омске и Кургане. У самого дома игуменьи вырос большой сад. Собирали в нем крыжовник, клубнику, малину, яблоки. Вся огромная территория березового леса была окопана глубоким рвом. К центру была проведена высокая насыпь, по ней приезжали гости, шли богомольцы со всей округи. В монастырь уходили женщины из разных социальных слоев. Здесь это неравенство ощущалось остро. Монашки из богатых казачьих семей определялись в рукодельные группы, иконописную, чеботарню, просфорню. Бедные и сироты были доярками, птичницами, сеяли и убирали хлеб. В церкви они молились по воскресеньям и в праздники в порядке очереди. У богатых девушек одежда была из шелка, у бедных из дешевого черного сатина. Деятельность старых монахинь была строго регламентирована. Одна занимала должность казначея, другая несла ответственность за внутренний распорядок службы, третья руководила хором...

По воспоминаниям очевидцев, в 1917 году Евпраксия была хорошо сохранившейся женщиной. На лице ее почти не было морщин, еще видны были следы былой красоты. Полная, с гордой осанкой, она всегда во время богослужения проходила через всю церковь к своему месту, толпа молящихся с трепетом и поклонением расступалась, давая ей дорогу. С обеих сторон ее поддерживали две монашенки, третья несла позади черный шлейф. Около иконостаса она садилась в огромное обитое черным бархатом кресло.

Разговаривали с ней через специальную трубку, так как она стала плохо слышать после смерти мужа.

Игуменья с сестрами враждебно восприняли октябрьские события 1917 года. Но долгое время новая власть не находила причин для разгона монастыря. В феврале 1921 года разразился Западно-Ишимский мятеж против Советов. Руководители монастыря закупили и снабжали оружием отряд есаула Ивана Дурнева. В конце зимы монастырь был захвачен пресногорьковским отрядом ЧОН. Евпраксию и Феофанию увезли в Федоровку и расстреляли. Трупы пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро их не оказалось. Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари: прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви монастыря. Той ночью монашенки погрузили замерзшие трупы на телегу и привезли в монастырь. Показ останков населению был использован властями для антирелигиозной пропаганды. Монастырь после разгрома восстания был ликвидирован. В экономии устроили социалистическую сельхозартель «Труд» (семьи Писанко, Церахто, Ющенко, Кузнецовы, Костец, Шердиц, Шиловы). Так закончилась история монастыря и его основательницы.

В дальнейшем здесь открыли детский дом имени В.И.Ленина, в котором жили дети «врагов народа». Детдом просуществовал до 60х годов. Директором в 50е годы работал Федор Борисович Гудыма, завучем Алексей Степанович Мирошниченко.

Воспоминания очевидца о монастыре и его основателях (иная версия)

«В середине 70-х годов прошлого столетия старый казачий полковник Павел Казин, умирая, завещал своим сыновьям – старшему Михаилу и младшему Николаю, все свое имение, состоящее из огромного двухэтажного дома в центре Пресногорьковской, с большим магазином в нижнем этаже и участка земли в 1200 десятин, который нахо-

дился в 35 верстах от станицы. В это время Михаил был офицером и служил в Омске, а Николай жил дома, помогая отцу в коммерческих делах. Старик – полковник весь наличный капитал в банке разделил поровну между сыновьями. Дом и торговлю завещал Николаю, а Михаилу участок добрейшей плодородной земли со строевыми лесами. Холостой двадцатилетний Николай, оказавшись владельцем такого огромного состояния, повел жизнь роскошную, распутную, быстро проматывая доставшееся от отца добро. Михаил был женат на красивой девушке, дочери священника из станицы Камышловской, Михаил жил с женой в Омске и вел буйную жизнь в пьянстве и карточной игре. Земельный участок был сдан в аренду. Прошло много лет, деньги в банке были давно пропиты и проиграны в карты. Появились долги. Сорокалетний есаул тайно от жены заложил участок и отдал долги. Вскоре он умер (по слухам Анна отравила его), а вдова решила продать участок и была ошеломлена, узнав, что не может этого сделать. От сильного потрясения она слегла и потеряла слух. В 35 лет она осталась глухой на всю жизнь. Молодая вдова решила по совету основать на этих землях монастырь. Она собрала несколько женщин и отправилась в Пресноредуть. Здесь, в березовом колке, с помощью деверя были построены несколько землянок и церковка. Казина приняла духовное имя Евпраксия. В монастырь потекли пожертвования, строились большие деревянные дома под жилье. Монахини все время находились в странствованиях по сбору пожертвований. Принимались и постригались все новые женщины, их рассылали по деревням для сбора денег. В течение 15 лет в березовом лесу выросли большие деревянные дома по 80 комнат, двухэтажное здание с трапезной и мастерскими. Построено было огромное двухэтажное каменное здание, служившее приемной для странников, за оградой монастыря построен каменный дом для священника, дом – магазин и школа. Сооружен большой храм. У озера располагалась экономия. Дисциплина была жестокая, за малей-

шие проступки виновные нещадно наказывались вплоть до избиения и изгнания из монастыря.. не помню, чтобы хоть раз изгнали девушку из семьи богатого казака, даже если ее уличали в любовной связи. Управляли делами старые монахини – основательницы монастыря. Мать Феофания занимала должность казначея и была правой рукой игуменьи. Монахиня Нина несла ответственность за внутренний распорядок монастыря и церковной службы, Ефимия контролировала работу рукодельных групп и руководила хором, Аркадия заведовала общим питанием, Анна – экономией. Изредка в монастыре гостил спившийся шестидесятилетний Николай Казин, за ним была закреплена комната, выплачивалась пенсия. Свой дом в Пресногорьковской он сдавал в аренду Петру Ромашеву, иногда жил в подвальном помещении дома. В экономии в полуверсте от монастыря у озера были строения – двухэтажный дом (нижний этаж – кирпичный, верхний – деревянный), мельница, кузница, столярка и большой тесовый сарай, амбары, каретники, кладовые, конный двор, двор с дойными коровами, овчарня, свиарник, птичник, гумно. Все это было обнесено высоким тесовым забором на площади более двух десятин»

Знаменитые личности на линии

Фальк И.П.

Участник 2 академической экспедиции («Физическая экспедиция Академии Наук началась в 1768 г., инициатором ее был М.В.Ломоносов»). Его отряд в 1771г. прошел по линии до крепости Святого Петра. Труд «Полное собрание ученых путешествий по России. Записки академика И.Фалька» СПб. 1824.

Барданес Х. участник экспедиции И.Фалька.

В 1771 году из Омска в Степь был отправлен отряд русских войск. Свои наблюдения он изложил в работе «Киргизская или казацкая хорография». Впоследствии многие дневники были утеряны. Сын греческого купца, жившего в

Молдавии. «В юношестве послан был учиться в Киев, потом через несколько лет возвратился в Молдавию и, будучи пойман ногайцами, отвезен в Константинополь. Здесь продан он был иностранцу, с которым проехал Польшу, Германию и Италию и возвратился в Вену. Через несколько времени с другими господами и в убогом состоянии прибыл через Венецию и Польшу в Санкт-Петербург. Здесь, будучи уже 35 летним обучался хирургии и в звании врача был первым сотрудником академика И.Фалька (чучельник). В период с 20 апреля по 15 июня 1771 года проехал по линии от Омска до Челябины. В 1774 году отправлен Георги в Петербург, работал в лаборатории, служил лекарем на Балтике и Черном море.

Андреев И.Г.

Капитан. В 1785 году проехал по линии от Усть-Каменогорской до Пресногорьковской крепости. Труд «Описание Средней Орды. Домовая летопись».

Паллас П.С.

Академик. Участник экспедиции Академии Наук. На линиях изучал культуру, быт, обычаи населения. Побывал в 1769 – 1770 гг. в Оренбурге, Петропавловске, Троицке, Звериноголовской крепостях. Труд «Путешествия по разным провинциям Российской империи». СПб. 1773.

Рычков Н.П.

Капитан. Входил в состав экспедиции Палласа. Труд «Дневные записки путешествия капитана Рычкова Н. в киргиз – кайсацкой степи». СПб.1773.

Гумбольдт Александр

В августе – сентябре 1829 по Горькой линии проследовал ученый с мировым именем, исследователь Южной Америки, возвращаясь из путешествия по Восточному Казахстану.

Валиханов Ш.Ш.

Ученый и путешественник побывал в станице Пресногорьковской в 1847 году при следовании из Кушмуруна в г.Омск на учебу.

Потанин Г.Н.

Член Российского Географического общества. Жил в Пресновке. «Материалы по истории Сибири» СПб.1867.

В 1891 году через станции Горькой линии с ночлегом в Пресногорьковке проезжал наследник российского престола, наказной атаман всех казачьих войск, будущий последний император **Николай II**. В его дневнике запись «до моего ночлега в станице Пресногорьковской, куда я приехал в 9 часов вечера. По случаю последнего дня моего пребывания в Сибирском войске в этой станице было приготовлено угощение населению и вечером иллюминация. Остановился в хорошем каменном доме одного казака: у подъезда стояло два почетных караула: от полусотни льготных и георгиевских кавалеров 1 отдела». Дом, в котором ночевал наследник, принадлежал Якову Кладену. К сожалению, он сгорел в ноябре 2006 года. Остались мощные метровые стены из красного кирпича.

В Пресногорьковской школе с 1918 по 1921 год учился знаменитый казахский писатель Габит Махмудович Мусрепов (воспоминания об этих годах в «Автобиографическом рассказе»).

Во время гражданской войны в Пресногорьковском волисполкоме работал наш земляк – будущий писатель **Сабит Муканович Муканов** («Школа жизни»).

Пресногорьковка в начале XX века

Пресногорьковка в начале нынешнего столетия была приписана к 1, 4 и 7 полкам 1ого военного отдела. Срочную службу, продолжительностью в четыре года, пресногорьковцы несли на границе с Китаем, в Джаркенте, Семиречье. В 1900 году правительство провело мобилизацию полков первого отдела для войны с Китаем. Сформированной дивизии не пришлось вступить в военные действия,

при следовании через Маньчжурию поступил приказ о возвращении. В феврале 1904 года началась бесславная для Российской империи война с Японией. В Пресногорьковке были призваны все годные к строю в возрасте от 21 года до 38 лет. Мобилизация коснулась не только строевых, льготных, но и всех запасных казаков. Дома остались дети, старики, женщины и калеки. Пресногорьковцы вошли в дивизию генерал – лейтенанта Симонова и в составе маньжурской армии Куропаткина участвовали в кровопролитных сражениях при Вафангоу. Под селением Ляоян полку была поставлена задача прикрыть левый фланг армии от натиска частей генерала Куроки. Последнему не удалось осуществить замысел окружения и разгрома русской армии благодаря слаженным действиям полка. На страшный многодневный бой русская и японская армии, численностью в 1,5 миллиона человек, сошлись под Мукденом. Решающее сражение было проиграно из-за бездарных действий русского командования. 4ый полк был обескровлен в мясорубке сражений, потерял около половины личного состава убитыми и ранеными. Пленных японцы отправляли за море в страну Восходящего солнца, где помещали в лагеря. Алексей Кондратьевич Безъязыков несколько лет провел в плену, вернувшись, дожил до глубокой старости. Едва затянулись раны в людских душах от этой войны, как наступил 1914 год. Грянул в набат большой колокол на звоннице старой церкви. Очевидец Степан Федосенко так описывает проводы на I мировую войну в Пресногорьковке: «у каждого дома толпился народ. Всюду слышны были песни и плач. По улицам то и дело скакали всадники, в одиночку и группами. Из каждого дома один или двое уходили на войну. Собирались у станичного правления, строились в шеренги. Протрубили полный сбор, атаман Шешминцев и офицеры проверили снаряжение, осмотрели коней (обмундирование – седло, две шинели, пашка, две пары сапог, стоило по тем временам состояние в 200 рублей). Началось прощание с родными, Это была душераздирающая карти-

на. Площадь гудела от рыданий, женщины падали в обморок, рвали на себе волосы. Хватались за стремя. Около 30 подвод с провожающими выехали до станции Лебяжье. Долго стояли люди, махая вслед фуражками, пока всадники не скрылись за березовым лесом».

Казачи 1-ого Ермака Тимофеевича полка, несшие срочную службу, оказались на русско-турецком фронте. Главным направлением было Сарыкамышское. Турки захватили город Ардаган. Сюда была послана Сибирская казачья бригада генерала Калитина с конно-пулеметной командой и казачьей батареей. 1-ый полк под командованием полковника Э.Ф.Раддаца настиг и разбил колонну турок за Ардаганом, уничтожив на месте несколько сотен солдат Энвер — паши. В этом бою было захвачено знамя 8-ого турецкого пехотного полка. 6 января полк, изрубив около 1000 турецких солдат первым вышел к Эрзеруму. (Списки казаков, погибших на этом направлении были напечатаны в 1932 году в г.Харбине в сборнике «Сибирский казак»).

Второочередной 4-ый и 7-ой полки сражались на германском фронте.

В феврале 1915 года XX корпус 10 армии, действовавший в Восточной Пруссии в районе Пинских болот, был отрезан германской армией от основных частей. В занесенных снегами лесах, на безымянных высотах и в глухих болотах вспыхнули жестокие бои. Конница в таких условиях действовала скованно и, корпусу пришлось испытать горькую чашу поражений до дна.

Доктор исторических наук Н.Яковлев пишет об этом: «XX корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля бросились в последнюю атаку с голыми руками, на узком участке прорыва волна солдат сбила пехоту противника. Корпус нашел гибель в августовских лесах...».

В германской прессе появилось сообщение: «честь XX корпуса была спасена и цена этому 7000 убитых, которые

пали в атаке в один день битвы на пространстве в два километра».

Однако не все полегли в болотах Пруссии. Часть 4-ого полка попала в плен, иным повезло больше. В воспоминаниях атамана Анненкова читаем: «Я прибыл в 4-ый Сибирский полк, который вел тяжелые бои в районе Пинских болот... В одном из сражений полк был полностью разбит. С остатком полка мне удалось добраться до Гродно, откуда затем началось общее наступление».

Только в 1918 году стали возвращаться из германского плена пропавшие без вести пресногорьковцы. Власть в этот период, несмотря на свершившийся октябрьский переворот, принадлежала атаманской верхушке, станичной знати, торговцам, заводчикам вплоть до октября 1919 года. Шешминцевым, Малягиным, Кладеновым, Токаревым. Барсуковым, Новгородцевым, Богдановым, Вяткиным принадлежали лучшие земельные участки, двухэтажные дома по Большой улице, салотопенные и кожевенные заводы за Горьким у леса Салотопник, мельницы у Лазаретника, акционерное общество американской фирмы «Маккормик», торгующей сельхозорудиями (по словам очевидца «склад занимал арендованный у полковника Казина большой двухэтажный дом с огромным двором, сеновалами, навесами, каретниками, амбарами. Все это было занято машинами и сельхозорудиями. Сам дом занимал богатый хозяин Петр Ромашев»). Станица тогда состояла из 250 дворов. Избы, в основном бревенчатые, были у середняков. Каждый такой двор занимал территорию в 15 – 20 соток. Усадьба обводилась крепким плетнем, высотой более двух метров. Плетень обмазывали глиной с обеих сторон. Он примыкал двумя краями к избе, выходящей к улице. Со стороны улицы между избой и плетнем – калитка и ворота. Весь двор на зиму укрывался наглухо соломой или сеном, а внутри располагали сельхозинвентарь и закрома с зерном. Тут же деревянная баня и малушка для содержания при-

плода. Задняя часть двора отводилась для содержания скота, была разделена на загоны. Во дворе находился сеник, где был запас корма на случай длительного бурана. Основной корм находился в степи в скирдах, откуда ежедневно на санях доставляли сено. Дворы примыкали вплотную друг к другу, и каждый квартал казался огромным крытым двором. На усадьбах огородов не было, не было и древесных насаждений, кроме берез вдоль улиц и палисадников. Огороды распахивались вокруг озер. Дома богатых казаков крыли оцинкованным кровельным железом, украшали резьбой и наличниками. Так жили не все - основная масса населения - русская и казахская беднота, «иногородние» ютились в жалких саманных землянках на восточной окраине. Хлеб да пустые щи составляли их обед. «Жизнь была тяжелой, - вспоминает дочь казака Томская (1902 – 1993 гг.), если сыновья у хозяина, то каждому он обязан был справиться обмундирование, лошадь, упряжь. Народ был темный, невежественный. Помню такой случай. Однажды у одного казака украли штаны. Штаны с лампасами стоили очень дорого. Атаман смазал икону мастикой и положил ее в пустой комнате. Подозреваемые в краже по одному заходили туда, брали в руки икону и божились, что не они украли штаны. После этого атаман выстроил всех в ряд и проверил – вором оказался тот, у кого руки были чисты от мастики. Боялись наказания Божьего...». Немногие из зажиточных занимались благотворительностью. Помогала бедным офицерская вдова Анна Петровна Едрилова (проживающая в доме, где впоследствии располагался военкомат, она была очень полной женщиной, летом она в сопровождении прислуги спускалась в каменный погреб, где был устроен ледник и спасалась там от жары, а в 2005 году здесь почта, при ремонте веранды на верхней доске автором обнаружена надпись «дом построен в июле 1912 г.) и Анна Васильевна Казина – настоятельница женского монастыря.

Станица была защищена от голода запасами семенного и продовольственного зерна, которое хранили в огромных стометровых амбарах – хлебохранилищах.

Они стояли на столбах, поднятые на полметра от земли, чтобы не замокало зерно, и были обшиты кровельным листовым железом. Амбары ставили на окраине станиц, опасаясь страшного бедствия – пожара.

Очевидец вспоминает о пожаре в станице Кабановской в 1917 году (ныне поселок Северо-Казахстанской области).

«Мы приехали в Семиозерную на мельницу и остановились на краю села. Отсюда в 6 верстах видна была как на ладони Кабановская. День был солнечный и теплый. В направлении станицы дул сильный ветер. Вдруг раздался крик «станлица горит». Действительно, горело несколько домов с наветренной стороны, так что вся станица оказалась под угрозой огня. Мужики, кто верхом, кто на подводах, поскакали на помощь. Пока мы туда добрались, половина станицы была в огне. Тушить было бесполезно. Люди старались спасти себя и что-то из пожитков. Бушующий огонь бросал свои языки через три – четыре дома и они воспламенялись. Был слышен страшный рев горевших животных. Горели лошади, коровы, птица и даже собаки. Люди едва успевали выбежать из дома. Кругом разносился душераздирающий плач женщин и детей. Многие получили тяжелые ожоги. В течение полутора часов из 300 деревянных домов осталось 10, которые стояли в стороне, магазин на площади и церковь, остальное превратилось в пепел». Пожар в начале века уничтожил Пресновскую.

В Пресногорьковке часто натываются на обгоревшие остатки домов на глубине до метра с уничтоженной пожарами утварью. Монеты середины девятнадцатого века, найденные на пожарищах, говорят о примерном времени случившегося бедствия.

Зимы в начале века были суровыми. «Станица вся была занесена снегом. Доступ к домам был через прорытые в сугробах канавы – пещеры. В центре улицы лежали огром-

ные сугробы, люди на санях ездили по ним как по огромным волнам. Бураны не стихали по неделям. Дороги на зиму густо обставлялись вехами в виде метелок и веток. Это спасало людей, захваченных непогодой в дороге. По снегу ездили на санях. Они были разными – сани-дровни, сани-салаги, сани-кошева. Последние служили для легкой езды. Они были красиво разукрашены и обшиты коврами. На таких санях катались на масленицу. Катались в одноконной упряжке и колокольцами и бубенцами на сбруе. Улицы и переулки были запружены катающимися. Всюду с гиком скакали всадники, обгоняя друг друга. Заливались гармониками, под которые исполнялись частушки. Стремительно проносились лихие тройки с пьяными компаниями. В этом водовороте нередко были несчастные случаи, а дракам не было конца. В воскресенье жгли костры в знак прощания с мясоедом и масленицей. Наутро наступал Великий пост. Долго обыватели вспоминали события прошедшей недели. Из праздников наиболее известным был день заговенья – 14 ноября, последний день мясоеда. Люди ели скоромное – мясо, молоко, а наутро начинался 40-дневный «филипповский пост». В заговенье молодежь устраивала складчину. Девушки приносили на вечерку продукты, а хлопцы - водку. В течение поста, до рождества Христова, прекращались свадьбы, не собирались вечерки, не распевались песни, гармошки прятали в сундуки. В станицах двухрядная гармонь была большой редкостью. В 16 поселках их было всего три - в Пресногорьковке, Казанке и Евгеньевке. Гармошек было много, но это были вятские однорядки. Встречались граммофоны. Были популярны вальсы «На сопках Манчжурии», «Дунайские волны», и танцы: краковяк, подиспань, мазурка, венгерка, чардаш и марши «Тоска по родине» и «Дни нашей жизни» (очевидец). В богатых домах слушали граммофон - «Карие глазки», «Ворожить и гадать мастерица», «Полюбил я ее, полюбил горячо», «На Муромской дорожке», «Когда б имел золотые горы», «Скакал казак среди долины». Население было суеверно, верили в приме-

ты, колдунов, леших, порчу, сглаз. Для того чтобы задобрить домового, хозяин дома выставлял продукты в амбаре или погребе. Без поддержки домового скот не водился. Знахари применяли методики народной медицины, заговоры, настои трав. Пища у зажиточных казаков была разнообразной. Ели только пшеничный хлеб, употребление ржаного хлеба считалось недостойным. Щи из кислой капусты и лапша были в большом почете. Пельмени начинялись капустой, мясом, груздями. Квашеное молоко, хлеб и сало были основной пищей во время сенокоса. Посуда делалась из глины (до начала XX века) – жаровни, кувшины, кринки, горшки. Из белой глины изготавливали чашки, салатницы, тарелки, сахарницы. Из дерева делали ложки, бочки, ведра, кадки, ушаты, жбаны, маслобойки. Особой гордостью в доме являлись знаменитые тульские самовары, изделия из меди – сковородки, поварешки.

Гражданская война (1919 год)

25 октября 1917 года в Петрограде свершилось событие, потрясшее основы старого мира.

В Пресногорьковской волости об октябрьском перевороте узнали через месяц. В переселенческих селах и казахских аулах еще при Временном правительстве население выбрало совдепы и ревкомы, в станицах же власть крепко держали атаманы.

Весной 1918 года, когда сошел снег, и пригрело апрельское солнце, избранные в Советы активисты, выполняя установку «Декрета о земле», выступили на сходах в Федоровке, Евгеньевке, Макарьевке, Исаевке, Анновке с предложением конфискации земель у крупных владельцев и монастырей. На сходах велись яростные споры, гонцы из станиц стремились сорвать принятие решений об изъятии земли. При дележе в Ксеньевке местная беднота, затронувшая интересы зажиточных крестьян, была жестоко избита на меже. Со станции Петухово к месту конфликта

прибыл отряд красногвардейцев. Они, по показаниям пострадавших, прихватили с собой крестьян – кулаков и под конвоем увезли на станцию. Больше арестованных никто не видел.

В конце мая по поселкам поползли тревожные слухи. Их принесли пришедшие с развалившегося фронта солдаты первой мировой. Очевидцы утверждали, что по железной дороге от Челябинска к Петропавловску движутся друг за другом поезда с чехословацкими солдатами, вооруженными до зубов. Слухи оказались верными – командиры частей чехословацкого корпуса 20 мая в Челябинске приняли решение о неподчинении Советской власти. Совдепы на местах разгонялись, небольшие отряды красногвардейцев и активистов из гольгтыбы не могли противостоять чехам. На станции Курган находилось 2700 солдат под командованием поручика Грабчека, которые 2 июня свергли власть Советов в городе.

На всей территории Сибири и северного Казахстана пришедшее к власти Временное Сибирское правительство отменило декреты советской власти.

В начале июня из Кургана в Пресногорьковку выехала на подводах группа чехословаков. Они привезли атаману Шешминцеву приказ о создании на территории волости новой структуры управления и введении должности выборного комиссара. Шешминцев, слышавший ярым монархистом, отверг эти предложения и выставил непрошенных «гостей» (по рассказам, чехи до Кургана не доехали, были уничтожены группой казаков, посланных вслед атаманом).

Временное Войсковое правительство под председательством войскового старшины Г.И.Иванова (уроженец станции Кокчетавской) приняло решение сформировать сотни конных полков в разных местах – 1-ый Сибирский казачий полк в Кокчетаве (4 сотни) и Пресновской (2 сотни), комполка есаул А.А.Асанов, 2-ой Сибирский казачий полк в Петропавловске (4 сотни) и Омске (2 сотни), комполка войсковой старшина Н.П.Кубрин (уроженец Пресногорь-

ковской), 3-й Сибирский казачий полк в Семипалатинске (4 сотни) и в Павлодаре (2 сотни), комполка войсковой старшина П.П.Копейкин. Мобилизация проходила тяжело. Например, в Пресновской, казаки, назначенные в штаб дивизии и артдивизион отказались отправляться в Омск, разошлись самовольно по домам.

Вот как вспоминал это событие Степан Ефимович Федосенко, призванный из Пресногорьковки (записано в 70-е годы автором книги).

«Сборы были назначены в станице Пресновской, в казармах летнего лагеря, где обычно проводились месячные учебные сборы. Каждого призванного казака провожал кто-то из родных. Ехали на тарантасах, телегах, скакали на оседланных конях. Настроение у мобилизованных было не боевое. Только старики-казаки оставались непримиримыми врагами революции, и готовы были кого угодно утопить в крови, ради восстановления своего дореволюционного престижа. Лагерь располагался в версте от станицы возле леса. Когда мы подъехали к нему, нашему взору предстало зрелище, похожее на конную ярмарку. На огромной площади вокруг озера стояли тысячи подвод, среди которых расположилось множество палаток. Над лагерем стояла туча дыма от бесчисленных костров. Тысячи спутанных лошадей разбрелись по лагерю, столько же стояло у коновязей. У костров и подвод сутились женщины. Везде группами стояли, лежали, сидели казаки, шумно обсуждая положение. Мнения казаков сходились в одном – дальше Пресновки не выступать. Явились офицеры. На трибуну поднялся небольшой коренастый войсковой старшина Глебов*. Он говорил, что большевики продали Россию немцам, и надо помочь чехам в деле освобождения многострадальной земли.. Казаки его внимательно слушали. Затем выступил есаул Евсеев. Говорил о порядке формирования полков, их задачах. Полки должны были направиться в Омск. Стали выступать казаки. Собрание переросло в митинг.

Посыпались вопросы:

- Против кого нас посылают воевать?
- Нас хотят обмануть и натравить на народ!
- Нам война не нужна, мы никуда не пойдём!

Офицера, видя такой оборот, уехали в станицу. Казаки долго бушевали. Появился самогон, всю ночь пили, горла-нили песни, ругались и дрались.

На следующий день после обеда офицеры приказали сотням построиться четырехугольником. Глебов начал читать обращение правительства казакам.

Казаки загалдели. Послышались выкрики «Кто послал обращение? Где это правительство?» Собрание превратилось в толпу бесновавшихся людей. Несколько казаков, пользовавшихся авторитетом, начали успокаивать народ. Это им удалось нескоро. Выступили два казака из Камышловской - фронтовики Пономарев и Сухов. Говорили спокойно, разумно толково строили свою речь. Против их слов даже офицеры ничего не смогли возразить. Они внесли предложение – кто хочет воевать, тот отправляется в Омск, кто не хочет – по домам. Казаки бросились седлать коней, женщины забегали по лагерю, собирая вещи и укладывая их на повозки. В течение получаса вся людская масса стала растекаться в разные стороны. На огромной площади осталось лишь с полсотни казаков и офицеры.

Но недолго было молодым бунтовщикам жить спокойно. Не успели они добраться домой, как облетела станицы весть об их измене. Всполошилось старое казачество. Позор, угрозы и проклятия посыпались на головы молодежи. Старики требовали немедленно повесить зачинщиков бунта, а остальных публично наказать шомполами. Это могло привести к кровавой схватке между молодыми и старыми казаками, но благоразумные люди среди них этого не допустили, а заставили всех вернуться назад и отправиться в Омск». (*Примечание С.В. - Федор Львович Глебов (1887 – 1945), генерал – лейтенант, род. в пос. Казанском Пресновской станицы, по словам сотника Е.Красноусова «неболь-

шого роста, плотный и коренастый, генерал Глебов был истинным отцом-командиром, которого не только побаивались, но и уважали и любили. Строгий взгляд, квадратный, волевой подбородок свидетельствовали о неизмеримой силе его воли». Умер в Шанхае в должности председателя Российского эмигрантского комитета.)

В марте 1919 года начальник Сибирской дивизии Н.П.Кубрин вспоминал об этом эпизоде войны «...после июньского переворота 1918 года, когда положение было неопределенно, когда замаскировавшиеся коммунисты искали пищу среди формируемых первых казачьих частей, - формирование казачьих полков требовало большого, исключительного напряжения энергии. При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь офицерству пришли старики станичники, выставившие полки». 28 июня в Петропавловске был созван круг из делегатов станиц Пресновской, Пресногорьковской и казачьих поселков, приписанных к ним – всего 21 станица. Вынесли резолюцию – «казаков, не исполнивших боевого приказа и ушедших в станицы, вернуть на сборный пункт, составить из них отдельные команды и не вливать в сотню до тех пор, пока они своим поведением не докажут готовности выполнить свой долг перед родиной». В.А.Шулдяков пишет «в том же духе белоказаки провели разъяснительную работу на Пресновской (Пресногорьковской) линии Сибирского казачьего войска, то есть в западной части Петропавловского уезда. Ее результаты видны из приговоров станичных обществ этого района. Так, сход станицы Починовской (Починная) 50 голосами решил «...выслушав сообщение о самовольной отлучке казаков из Пресновского лагерного сбора и приняв во внимание, что призванные казаки нарядов 1916, 1917, 1918 гг. – возрастов действительной службы, поэтому никаких льгот казакам этих нарядов не должно быть, тем более что необходимо поддержать теперь же Временное (Сибирское) правительство, а потому собрание постановило теперь вернуться на сборный пункт

для службы». (Поселок Починовка ныне расположен неподалеку от таможенного поста «Акбалшык» в Узункольском районе – прим. автора)

Несколько позже была проведена мобилизация среди крестьянского населения. Молодежь 18 – 20 лет насильно конвоировали в Омск, селили в казармах и наспех готовили к боям.

В ноябре 1918 года Верховным правителем России был объявлен адмирал Колчак. По Пресногорьковской, Макарьевской, Всесвятской (ныне Сарыколь) волостям стали рыскать отряды карателей полковников В.И.Волкова и И. Красильникова. Они выявляли лиц, входивших в Советы, сочувствующих большевикам.

Председатель Макарьевского Совдепа Федосей Голоус, попав в лапы колчаковцев, застрелился. Рамазан Даушанов, председатель Анастасьевской казахской волости из аула Нурумбет, имевший за спиной опыт партизанской борьбы в отрядах Амангельды Иманова, увел в дальние аулы русских друзей и активистов – казахов. Незавидна была участь тех, кто попал в руки карателей или белоказаков. Расстрелы без суда, поголовная порка населения, казнь через повешение – все это входило в арсенал устрашения. Жестокость карателей порождала ответные действия. Зимой 1919 года в районе Анновки успешно действовал отряд Дмитрия Алексеевича Ковалева, бывшего фельдфебеля. «Внешностью и поведением напоминал Чапаева, среднего роста, энергичный, смелый» (очевидец). Еще осенью 23 летний Ковалев собрал группу молодых ребят, не пожелавших вступить в Сибирскую армию и уклонившихся от мобилизации. Раздобыв оружие и лошадей у окрестной милиции, отряд стал мобильной боевой единицей. К моменту начала Кустанайского восстания в нем насчитывалось около 140 человек. В него входили крестьяне из переселенцев, казахские джигиты, отлично знавшие местные условия, казаки из бедноты. В марте 1919 года в Кустанайском уезде началось восстание против колчаковского режима. Барон

А.Будберг, сподвижник Верховного, писал в дневнике: «В тылах тоже неблагополучно, серьезное восстание разползается в Кустанайском уезде, туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью, сегодня он уже доносит, что две главные банды им настигнуты и истреблены...».

На подавление восстания в селе Мариинском Атбасарского уезда из Курганского военного округа был направлен особый карательный отряд во главе со штабс-капитаном Ванягиным. 12 апреля каратели вошли в Пресногорьковскую. Поручик Спиридонов повел вторую роту на уничтожение ковалевцев, а первая рота Богоявленского направилась к Ксеньевке и Федоровке. Там было расстреляно 12 человек. В Анновке нещадно секли нагайками все население – не пожалели даже священника Рожкова. Во Всесвятском, окрестных аулах и хуторах ваягинцы расстреляли более 70 человек (по данным академика М.К.Козыбаева). В письменном рапорте командиру 4 ого Тюменского полка из с. Мариинское Ванягин докладывал, что он со своим отрядом расстрелял не менее 1500 человек и вместе с сотником Шайтановым потопил восстание в крови. За участие в подавлении восстания ваягинцы получили 15 крестов и 10 медалей. Ковалев достал карателей у Ишима – они были уничтожены в Белоградовке, там же нашел свой конец сам Ванягин.

Ковалев водил свой отряд по трем волостям, появляясь то у Звериноголовки, то в Новопокровке, Федоровке, Аксеновке, Крутоярке. Партизаны нападали на карателей, совершали набеги на небольшие гарнизоны. Основной задачей было не удержание освобожденного села, а уничтожение живой силы противника, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Большую помощь в этом оказали захваченные в Белоградовке тачанки с пулеметами.

Вспоминает партизан Яков Рыбкин: «В конце июля Ковалев отправил меня на реку Убаган искать месторасположение белогвардейцев. Впятером проскакали около 30

верст и внезапно обнаружили у себя в тылу отряд белых. У аула Карагай встретили бойцов отряда Алексея Мочалкина и присоединились к ним. Через несколько дней мы приняли участие во взятии села Сундуки (ныне Свердловка). Бой был кровопролитный, мы забрали много оружия и боеприпасов».

Летом 1919 года события на Восточном фронте складывались не в пользу Сибирской армии. Взяв Челябинск, дивизии 5-ой армии под командованием М.Н.Тухачевского в августе вышли на водный рубеж реки Тобол от Звериноголовской до Кургана. Колчаковское командование планировало, прикрываясь этой водной преградой, провести перегруппировку войск и перейти в контрнаступление с целью оказания помощи Деникину. На этом направлении командарм – 5 имел 35 тыс. штыков, 2,5 тыс. сабель. Этим силам противостояла 3 армия генерала Константина Сахарова и Сибирский казачий корпус, сформированный из 1, 8, 10, 11 полков Горькой линии. Сахаров писал «Только переправившись через Тобол, мы получили передышку, и вышли от вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевезти их эшелонами за 250 верст в тыл в район г.Петропавловска».

На первом этапе Петропавловской операции казачий тракт Звериноголовская – Пресногорьковская - Петропавловск прикрывал Сводный казачий отряд под командованием оренбургского казака генерала Льва Доможирова. Заслон из пяти сотен, находившийся в станице Сибирской, выполнял приказ Войскового штаба о защите территории войска и входил в состав этого Сводного отряда. Войска белых рассредоточились в районе Федоровки, Песчанки, Пресногорьковки. Сам К.В.Сахаров квартировал со штабом армии в Макарьевке. По рассказам, он лично принимал участие в расстреле 80 красноармейцев под Пресновкой. Там он написал «Ранняя осень. Золотые дни, ру-

мяные закаты, только ночи удлинились и дышат они уже холодом приближающейся зимы. Небозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай в 1919 году повсюду был на редкость обильный. Теплая мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящим временем для широких активных действий» (Белая Сибирь. Мюнхен. 1923).

Белые не пользовались поддержкой населения. Из воспоминаний офицера Егорычева: «Народ по деревням совсем задубел, смотрит зверем, от мобилизации в леса норovit: наш брат тоже не сахар, гребут у мужиков, что не попадя. На руку тяжелые сделались, иные вовсю лютовали...».

Войсковой старшина Г.Е.Енборисов побывал в станицах Пресногорьковской линии в начале августа 1919 года. Вспоминая об этом времени, он писал - «когда я ехал по станицам сибирских казаков, я везде старался выступать на сходах, уговаривая не сдаваться большевикам, ссылаясь на чинимые ими беззакония... не могу похвалиться тем, что сибиряки везде соглашались со мной, говоря «пускай, кто как хочет, а мы посмотрим сами».

20 августа 1919 года началось движение 26-ой стрелковой дивизии (начдив. С.М.Белицкий, с 21 сентября - Г.Х.Эйхе) на восток от реки Тобол по тракту Звериноголовская – Петропавловск. Тракт представлял собой насыпную почтовую дорогу с верстовыми столбами и широкую (до 100м) скотопрогонную полосу рядом. Тракт петлял между пресными и горькими озерами до уездного города Петропавловска на протяжении около 300 верст. Вдоль дороги – большое количество березовых колков на холмистой местности. На торговом тракте по пути на уездный Петропавловск особое стратегическое значение имели населенные пункты Звериноголовское, Пресногорьковка,

Пресноредут, Кабанья, Екатериновка, Пресновка, Сенжарка.

21 августа 1919 года Владимирский полк (26-сд) занял Богоявленскую, отбил атаку 2-ой оренбургской казачьей бригады и в цепях начал наступление на Крутоярскую, под огнем отбил контратаку белых и занял ст. Крутоярскую.

229 стрелковый полк (Новгородский) после взятия Крутоярки наступал по тракту на Пресногорьковскую за казаками генерала Л.Доможирова. В это время 232 сп имени Обл.иском.запа, состоявший из жителей Смоленщины, наступал через Починный на Пресногорьковскую с северо-востока и занял ее, захватив склад с сапогами. Отходящие от Крутоярской казачьи части наткнулись на этот полк, и после перестрелки ушли на юг в сторону Казанки.

229-й полк был встречен огнем бойцов 232 полка на западной окраине ст. Пресногорьковской. Красноармейцы Новгородского полка открыли ответный огонь, перешли в контрнаступление в районе кладбища, в ходе штыкового боя погибли 4 красноармейца 229 сп и 13 были убиты в 232 сп. Погибшие похоронены на Пресногорьковском кладбище в братской могиле (по данным Винокурова О.А.). Бой, по мнению автора книги, проходил западнее кладбища, в районе степенцовского колодца. Тогда тракт подходил к станице с запада от колка Татарского, пролегал по территории нынешнего заготзерно. Воспоминания о бое были живы в памяти старожилов даже в середине 80-х годов, они говорили о кровопролитном бое между двумя красными частями.

Преимущество противника в живой силе и вооружении было подавляющим и казакам пришлось отходить на восток, сдавая станицу за станицей по линии. Больших и затяжных боев в этот период не было. Важнейшую из станиц западной части Петропавловского уезда – Пресновскую, сдали без боя, белые войска и часть жителей покинули ее в ночь на 24 августа, через двое суток после падения Пресногорьковской (Пресновская расположена в

90 км к востоку). Утром красные для устрашения обстреляли станицу, выпустив до 80 снарядов. Все они упали по окраинам селения, и жертв среди жителей не оказалось. К 9 часам утра артобстрел прекратился. С запада, на Звериноголовском тракте, показались подводы с красной пехотой. За версту от станицы она рассыпалась в цепь, которая и вошла в Пресновскую. К началу сентября красные захватили уже 23 станицы и поселка Пресногорьковской линии, в том числе Пресногорьковку, Казанку, Пресноредут, хутор Троебратский. Станичная самооборона и часть мирного населения отступили вместе со Сводным казачьим отрядом. Красный историк Спирин пишет об этом периоде: « В первые дни наступление развивалось успешно, но уже в начале второй недели сопротивление противника стало возрастать. Темп продвижения Красной армии замедлился. Несмотря на это, к концу августа полки 5-ой армии местами продвинулись до 180 км от Тобола. 2-го сентября противник нанес ряд контрударов. Инициатива временно перешла к белогвардейцам». Белый генерал П.П.Петров пишет об этом так: « в белом лагере в последних числах августа лихорадочно велась подготовка к будущему наступлению, от которого ожидали многого — главное, захвата инициативы надолго. Части армии пополнялись, тренировались, приводились в порядок, вооружались, снабжались и отдыхали. Южнее 3-й армии должна была собраться Степная группа с казачьим корпусом генерала Иванова-Ринова, на казачьей массе, направленной вовремя для действий в тылу противника, строились расчеты разгрома. Одно было плохо: возглавление». Командование белых возлагало на третью армию задачу нанесения главного удара на запад, по тракту Петропавловск – Троицк. Волжская группа (В.О.Каппель) и арьергард Уфимской (генерал Войцеховский) должны были сдерживать напор красных 27-й и 26-й дивизий севернее и южнее Сибирской железнодорожной магистрали, прикрывая Петропавловск с северо-запада. Две дивизии Уральского корпуса (генерал

В.Д. Косьмин) совместно с казачьей дивизией перебрасывался скрытно вверх по Ишиму на крайний левый фланг, откуда предполагалось лесостепью вывести эти соединения в тыл красным и закончить окружение. Как показало время, сил, собранных на трех направлениях оказалось слишком мало, для решения поставленной задачи. Времени на перегруппировку войск не хватило. На центральном направлении ожесточенные схватки начались еще до 1-го сентября. Волжская группа Капеля и ижевские рабочие Молчанова оказались лицом к лицу с более чем двойными силами противника. Против них здесь действовали части 26-й дивизии под командованием Г.Эйхе. Командир 1-го Ижевского полка капитан Михайлов вспоминает о бое на рассвете 29-го августа у станицы Дубровной:

«Утром рано, под покровом густого тумана, красные близко подошли к окопам и с криком «ура» бросились в штыки. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забыли про винтовки. Катались в обнимку на земле, грызли и душили друг друга. Фельдфебель 6-ой роты чуть не был заколот штыками двух красных. Изловчившись, он поймал их винтовки и зажал под мышки. Он отличался большой физической силой и красные, как не старались вырвать свои винтовки, не могли этого сделать. Не выпуская винтовок, красные приблизились к нему вплотную и стали его грызть. Покусили щеки, одно ухо было почти отгрызено, другое сильно искусано. Фельдфебель закричал о помощи. Подоспели двое наших и красных закололи...». Красный комдив Эйхе так описывает эти бои: «Штаб 2-ой бригады располагался в казачьем поселке Богатый. Под утро 4-го сентября поселок подвергся внезапной атаке Ижевской бригады белых. Дороги, ведущие к нам в тыл, были перехвачены. Сотрудники штаба во главе с командиром бригады, уже под огнем белых, проскочили по единственной свободной дороге в сторону фронта на деревню Приютово. Весь обоз штаба бригады со средствами связи, оперативными материалами и

прочим снаряжением остался в руках белых. Разгром ими штабрига 2-й завершился тем, что полки бригады, оставшись без руководства, оказались глубоко охваченными и попали в тяжелое положение. Лишь на другой день они, сильно пострадавши, прорвались в район Степной. Это был первый крупный успех белых». Правифланговая 2-я бригада 26-ой стрелковой дивизии уже не представляла серьезной боевой силы и, под ударами обошедшего ее позиции группы Косьмина, 3 сентября пятилась на запад. Красные были отброшены от линии Матасы – станица Становая на 100 верст по тракту.

Севернее, 1 сентября Уфимская группа генерала Войцеховского встретила стойкое сопротивление 27-й дивизии. Бои продолжались несколько дней.

Рассказывая о боевых действиях отдельного морского батальона (комбат капитан 2-го ранга Тихменев П.В.) Олег Винокуров пишет: «После неудачи под Полоем, на следующий день 11 сентября, батальон выступил в 20-ти верстный поход, к селу Дубровному. По плану белого командования, 14-й Уфимский стрелковый полк, совместно с морским батальоном, должен был взять село, причем батальону опять была дана задача обходного удара, а 14-й полк должен был производить демонстрационное наступление с фронта. Удачно выполнив маневр обхода, батальон пошел в атаку. Согласно оперативным сводкам красной 27-й дивизии, в это время, на позиции северо-восточнее, восточнее и юго-восточнее села Дубровного, находились пять стрелковых рот красного 235-го Невельского полка. Еще одна рота, была выставлена в качестве заставы-охранения, на дороге, ведущей из села Дубровное, в село Лапушное. С началом наступления, белая артиллерия открыла огонь по селу Дубровному и зажгла его в трех местах. Перешедший, по этому сигналу, в атаку морской батальон, легко сбил стоявшую на Лапушинской дороге красную заставу, которая в беспорядке бежала. После этого, все находившиеся в Дубровном красные части, в том

числе штаб 1-й бригады 27-й дивизии, обозы и артиллерийская батарея, опасаясь окружения, стали спешно отходить. Взводу 4-й роты, под командой мичмана Батюшкова, было приказано перекрыть красным путь отхода. Однако отступление красноармейцев-невельцев, было столь поспешным, что взвод Батюшкина не успел перекрыть дорогу, несмотря на то, что все время бежал бегом. От полной катастрофы, красных спасло героическое поведение артиллерийской батареи, которая, оставшись без прикрытия и отъехав на три километра от села, остановилась, заняла позицию и открыла огонь картечью по преследующим белым, остановив их преследование.

Таким образом, было выиграно время, которое молодой, но очень решительный и энергичный комбриг Нейман Константин Августович, использовал в полной мере. Бегущая по дороге на село Лапушное, рота 235-го полка, была им остановлена и рассыпана в цепь. Сюда же, были переброшены и остальные роты 235-го полка. Энергичными мерами командиров и комиссаров, части были приведены в порядок и вскоре, были готовы вновь перейти в наступление. Собралась грозная сила. Только 235-й Невельский полк, насчитывал в это время 136 командиров и 872 штыка. Кроме того, на усиление ему был придан один батальон 237-го Минского полка. Моральный дух красных бойцов, несмотря на неудачный бой, был по-прежнему высок. Этому способствовали и славные боевые традиции невельцев. 235-й Невельский полк, был сформирован в 1918 году, в городе Невель Витебской губернии, из бывших солдат 17-й дивизии старой армии и добровольцев города Невеля. Впоследствии, в полк были влиты части добровольческих 2-го Оршанского партизанского отряда и 1-го Бирского партизанского полка. Командовал полком бывший офицер Ассарит Ян Янович. По донесениям политработников, несмотря на ожесточенные бои, настроение у бойцов было боевое, «...бойцы в бой идут охотно, - доносили комиссары, - бойцы говорят - дайте нам одежду и обувь, и мы будем драться

как львы». Тем временем, наступила ночь. В ночной темноте красные цепи двинулись на Дубровное. Тем временем, по воспоминаниям Мейрера, выбив красных, морской батальон и 14-й Уфимский полк, расположились на отдых в селе Дубровном. Около часа ночи, внезапно на улицах раздалась частая стрельба. Немного погодя стрельба началась и на заставах. Несмотря на усталость, стрелки батальона моментально повыскакивали из изб, но целый взвод 5-й роты оказался запертым: кто-то стрелял с крыши и из подвалов, появились раненые и убитые. В этой суматохе ночного боя, командир батальона Петр Тихменев не растерялся, а рассыпав стрелков в цепь, повел батальон в контратаку. Дважды, ворвавшись в село красные цепи, были выбиваемы в штыковом бою из Дубровного. Мейрер писал, как во время атак, в минуты затишья, была слышна команда командира батальона, произнесенная громовым голосом: «Морской батальон, за мной в штыки!». С револьвером в руке, Тихменев ходил сам в атаку и в последней, был убит ударом штыка в грудь. Позднее, за его подвиг, адмирал Колчак, наградил Тихменева посмертно, орденом Святого Георгия 4-й степени. Кроме того, морской батальон фактически оказался ведущим бой в одиночестве, так как 14-й полк, еще в начале боя, стал поспешно выходить из села. Всего батальон пять раз поднимался для атаки и ходил в штыки. По мнению Мейрера, неудаче ночного боя, способствовало враждебное отношение жителей села, которые с имеющимся оружием, приняли активное участие на стороне красных и стреляли по наступающей белой цепи с тылу, со всех сторон. Это заставило батальон медленно отходить. Ни одна из выставленных в охранении застав, не бросила своего места. Пропустив с боем, мимо себя, в совершенной темноте красных, бойцы застав, стали вредить красному тылу, обстреливать подводы подвозившие патроны к месту боя. При этом один взвод 4-й роты, выставленный в охранение, с началом боя, пробился штыками через красные цепи. Только после занятия красными села

Дубровного, на рассвете, заставы начали пробиваться, через линию фронта».

Об этих боях командарм – К.В. Сахаров писал позже в Берлине: «3 сентября красные кинулись назад, чтобы не попасть в окружение. Два дня шли тяжелые бои. Здесь были лучшие коммунистические дивизии: 26-я и 27-я, ...эти 18 русских красных полков проявили в сентябрьские дни 1919 года очень много напряжения, мужества и подвигов, которые в императорской армии награждались Георгиевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, в разные стороны, проявляя высокий дух и доблесть, и частью прорывались почти из полностью замкнутого кольца».

Южнее, у Екатериновской и Кабаньей, части Красной армии были втянуты в кровопролитные, затяжные бои со свежими силами белых. Сюда подошел с юга Сибирский казачий корпус под командованием генерала П.П.Иванова – Ринова. На него белые возлагали особые надежды. Конные дивизии корпуса должны были опрокинуть красные полки и неожиданно для противника совершить рейд, конечной целью которого было взятие Кургана.

Но и красные к этому времени сосредоточили здесь свои свежие силы. Сюда спешно перебросили 5-ю дивизию (начдив В.Ф.Карпов) со станции Варгаши, а из Троицкого и Звериноголовского районов - части 35-й дивизии, усиленной Степной бригадой. Сильно поредевшая 26-я дивизия была укреплена четырьмя полками 21-й дивизии. Формировалась 3-х полковая кавалерийская дивизия. В Челябинском районе под мобилизацию попало 24 тысячи человек. Вновь собранная группа получила приказ перейти в контрнаступление 7-го сентября. Подкрепления давали возможность красному командованию остановить белых в районе Пресновки и Екатериновки и, по выражению М.Н.Тухачевского «нанести противнику сильное поражение». К этому времени основные силы Карпова – 5-я дивизия и 2-я бригада 35-й дивизии, сосредоточились на участке Батырево – станица Екатерининская – поселок Исаев-

ский (ныне Чапаевка). 7-го и 8-го сентября наступление этих четырех красных бригад, состоящих из 12 пехотных полков, успешно развивалось и к концу дня 8-го сентября они вышли на линию Степная – станица Пресновская. «Движение их было очень быстрое, надвигалась на нас опасность не только потерять все результаты первого успеха, но снова попасть в прежнее положение обороны, прикрытия своего тыла и вечной опасности» (К.Сахаров). Командарм принял решение развернуть Уральскую группу генерала Косьмина и нанести удар с севера во фланг четырем бригадам, усилив группу Ижевской стрелковой дивизией.

Авангард 35-й красной дивизии принял бой под Пресновкой 9-го сентября. (Одна бригада этой дивизии прибыла в район боевых действий из Кустаная по железной дороге, разгрузились на станции Лебязье, другая бригада подошла в район боевых действий по тракту пешком порядком из района Звериноголовской). 1-я бригада (307, 308, 309 сп) наступала южнее тракта через Макарьевку, Исаевку, 2-я бригада (310, 311, 312 сп) двигалась по казачьим станицам на восток.

Попытаемся в общих чертах воссоздать действия Сибирского казачьего корпуса в начале сентября, предшествовавшие этому бою.

7 сентября корпус располагался южнее Петропавловска в районе ишимских станиц Боголюбовской, Новоникольской и села Явленного. На следующий день конные сотни корпуса выдвинулись к поселку Кладбинский на тракте Звериноголовская-Петропавловск. Моросил осенний дождь, дорога превратилась в болото. «Настроение хмурое, не слышно песни...Порядок движения в колонне поддерживается образцовый». Основные силы корпуса ночевали в Новорыбинской (127 верст западнее Петропавловска). Здесь в ночь на 9 сентября произошла первая стычка с красными. Г.К.Гинс пишет «Иванов-Ринов ночевал со штабом в одной деревне, как вдруг туда подошла красная часть. Обе сторо-

ны были удивлены и напуганы. Казаки отступили, красные боялись преследовать, не понимая, что происходит. Днем 9 сентября Иванов приказал атаковать». Скорее всего, один из передовых полков (310-й?) 35-й стрелковой дивизии наткнулся на авангард Сибирского казачьего корпуса между Пресновской и Новорыбинской. К.В.Сахаров писал: « 9 сентября произошли жестокие бои в районе станицы Пресновской, причем нами был произведен согласованный удар: с севера уральцами, с юга – сибирскими казаками. Большевики, не ожидавшие этого удара, побежали, бросая пушки, пулеметы и обозы...». Как говорилось ранее, в этом районе командир 5-й красной дивизии В.Ф.Карпов усилил группировку красных так, что 9 сентября у Пресновской и Островской (в 12 км) оказалась половина всей ударной группы: бригада 5-й дивизии и 2-я бригада 35-й дивизии. Иванов-Ринов бросил на Пресновскую 5-ю Сибирскую казачью дивизию, а сам с основными силами корпуса обошел станицу с юга и перерезал тракт западнее у Островной. Сюда же должна была подойти с севера Уральская группа Косьмина. Казачьи части натолкнулись на упорное сопротивление красных в Пресновской, бой продолжался весь день. Войсковой атаман имел в 3-й и 4-й дивизиях и атаманской сотне более четырех тысяч сабель и около 50 пулеметов. Под Островной первой устремилась на врага атаманская сотня подьесаула С.А.Огаркова, шедшая в голове корпуса. Противник встретил их плотным орудийным, пулеметным и ружейным огнем. Казаки начали рубить красноармейцев. Красные стреляли из четырех орудий по казакам 3-й дивизии генерала А.И.Белова до последнего снаряда и были изрублены прямо на позиции. Начальник 4-й дивизии полковник А.В.Катанаев с чинами штаба взял два пулемета, при этом погиб его ординарец прапорщик Боярский. Бой длился менее часа и закончился полным разгромом красных. Этой атакой корпус разгромил две стрелковые бригады, уничтожив около 500 человек и взяв в плен 1800 человек. Добыча была взята значительная – 6 орудий,

20 пулеметов, 2000 винтовок, обозы обеих бригад. После взятия Островного казаки окружили Пресновскую.

Вот как описывает бой историк В.А.Шулдяков, опираясь на свидетельства очевидцев.

«В Пресновской оборонялся 310 сп 35 сд Красной армии. Бой был долгим и жестоким. Весь день велась усиленная артиллерийская стрельба. По свидетельству спасшихся большевиков, они «такого боя, как под Пресновской, в ту войну еще не видели»: «Снаряды рвались везде и всюду, жужжание пуль было вроде пролетевшего роя пчел, казаки везде и всюду появлялись группами с обнаженными пашками. Роты красных воинов (...) бросались на казаков в яростные атаки и контратаки. Жертв была масса с обеих сторон...» Наконец, несмотря на огонь пушек противника в упор, «на картечь», казаки опрокинули красноармейские роты и ворвались в станицу. Стоявшая там 2-я батарея 1-о артдивизиона 35-й советской дивизии стреляла до конца. Последние ее защитники во главе с комбатом С.Я.Романом были переколоты и перерублены казаками прямо у орудий. Итог для большевиков был страшный. Один их политработников доносил: «Пресновский бой совсем опустошил ряды наших коммунаров...» Белые взяли в станице 8 пушек, зарядные ящики, передки пулеметы, винтовки, другое военное имущество, уничтожили не менее полутысячи красноармейцев. Операцию по захвату Пресновской проводил генерал П.Иванов-Ринов, наблюдали за боем из автомобиля лично адмирал А.В.Колчак, глава Британской военной миссии в Сибири адмирал А.Нокс, атаман А.И.Дутов.

Северо-западнее Сибирского казачьего корпуса действовала партизанская группа генерала Доможирова, состоявшая из 2000 оренбургских белоказачков. Оренбуржцы имели возможность добить остатки 2-й бригады 35-й советской дивизии, бежавшие на север от поселка Островного.

Окруженных красных спас командир 1 бригады 27 сд 22-летний К.А.Нейман, по оценке Тухачевского, самый храбрый и энергичный комбриг. Нейман, бывший вне кольца, собрал из обозников отряд, пробился с ним к окруженным частям бригады, сплотил их и вывел из белого окружения. 28 сентября 1919 г. он был назначен начальником 35-й дивизии советской армии.

Очевидец тех трагических событий, житель поселка Песчанки (в 2 верстах от женского Михайловского монастыря) Федор Николаевич Церахто (1900-1992 гг.) подробно описал в своих воспоминаниях боевые действия красных полков в сентябре 1919 года. Рукопись он напечатал в 1968 году.

В конце августа 19-летний Федор с товарищами захватили в районе Пресногорьковской обоз коннозаводчика Ушакова с семьей и скарбом, который уходил с отступающими белыми частями на восток. Пробольшевистски настроенная молодежь спрятала добычу в лесу, на территории нынешнего Борковского лесничества, предположительно у озера Коняево или Большого Горького и зорко охраняла семью Ушакова и табун племенных рысаков, дожидаясь подхода красных дивизий. 26-я стрелковая дивизия в начале сентября ушла по тракту на Пресновскую и завязла в боях. Церахто с друзьями решили сдать заложников в штаб 2-й бригады. Дальнейшие события описаны автором ярким, живым языком (орфография, по возможности сохранена – прим. С.В.)

«В Крутойрской находились только обозы красных. В Пресногорьковской тоже никаких штабов мы не застали и отправились в станицу Пресноредутскую. Там нашли штаб одной бригады 26-й стрелковой дивизии. С начальником штаба, комиссаром, договорились, что Ушакова со всем обозом и лошадьми мы доставим в штаб бригады, а скот надо отправить в Курган, в штаб пятой армии. Выдали нам документ и вместе с нами поехали два солдата, чтобы убедиться, правду ли мы говорим. Из станицы сначала поеха-

ли домой, в Песчанку. Встретили нас радушно, вся Песчанка сбежалась повидать нас. Хорошо пообедав дома, крепко выпив, мы устроили на рысках бега. Таких рысков и такого бега люди в деревне никогда не видели. Один из рыскаков был по кличке «Алмаз», у него было много наград за победы в бегах в Москве и Петербурге, Нижнем Новгороде и даже за границей, другой – «Рыцарь», молодой, пяти – шести лет, сын Алмаза. Погарцевав по улицам Песчанки, отправились в лагерь. Здесь я распорядился готовиться к отъезду, а задержанным солдатам и офицеру предложил отправляться, куда глаза глядят. Но они отказались уходить и стали проситься в Красную армию. Все они были местные из-под Омска. Представители бригады обещали взять их с собой. В Пресноредутской штаб не застали. Здесь было много военных обозов и отдельных групп конных и пеших красноармейцев, направляющихся на фронт.

Штаб бригады ушел вперед, не то в Кабановскую, не то в Екатерининскую станицы. Вечерело, и мы остались на ночлег в Пресноредутской. В ночной охране активное участие приняли поручик и семеро его солдат, теперь мы называли их красноармейцами и относились друг к другу как равные.

На следующий день решили отправиться на поиски штаба бригады. Женщин и детей, две кареты и домашние вещи оставили на квартире в станице, а подлежащие конфискации предметы и товары были разложены на двенадцать подвод, куда впрягли по паре лошадей. Перед обедом мы выехали из станицы с другими обозами, всего более пятидесяти подвод. Было это, насколько помню, 9 сентября. На каждой подводе сидело по два красноармейца. Тут же ехало около двадцати конных бойцов. Часа через два въехали в Семиозерную и сделали остановку. Все жители поселка были мне знакомы. Двинулись дальше по тракту на Кабановскую. Вокруг лежала чистая равнина, и станицу можно было видеть как на ладони. Только в километре от столбо-

вой дороги, по обеим ее сторонам, возвышались лесистые холмы. Проехав половину пути, десяток конных отделились от обоза и поскакали вперед. У самой станицы они попали под обстрел. Мы схватись за винтовки. Вскоре увидели наших всадников, скачущих обратно. От них мы узнали, что в станице казаки и приняли решение их выбить. Нас было около тридцати конных и около ста красноармейцев на подводах, все вооруженные винтовками. Мы заметили скачущих к лесам всадников, на ходу стреляющих в нас. Перестрелка прекратилась, когда закончился лес.

Возвратившись в Семиозерную, начали выяснять обстановку. Обозов с красноармейцами здесь прибавилось. Никто из нас не верил, что впереди регулярные белогвардейские части. Все считали, что это группа белоказачков, скрывающихся в лесах для организации паники в тылу Красной армии. Мы хорошо знали, что 26 и 27 стрелковые дивизии находятся восточнее, в 50-60 верстах от Петропавловска. Правда, в последнее время связь была нарушена, и сведения приходили с большим опозданием. Необходимо было ликвидировать банду, стали формировать опергруппу. Вскоре на дороге появились всадники с развевающимся красным знаменем. Наконец они подъехали к нам. Группа конников в 50-60 человек оказалась конной разведкой 35-й стрелковой дивизии. Вслед за ними показались тысячи подвод дивизии. К нам подъехал командир 310-го стрелкового полка. По его приказу около ста всадников поскакали на Кабанью, Ваня Блударев и я не отставали. У станицы рассыпались крылом и понеслись вперед, несмотря на стрельбу. Вскоре заметили удирающих по улицам казаков, среди них были даже в одном белье. Они скрылись в лесу, за станицей. Их было около тридцати человек, но о том кто они, ни казачки, ни старики ничего на наши расспросы не ответили. Из леса затрещали пулеметы, и преследование прекратили. Убитых не было, но три лошади были ранены.

Солнце было на закате, командование решило остаться на ночевку. Полк был приведен в порядок, кругом выста-

вили заставы. Прибыла артиллерия, и продолжали подходить другие полки: 311 и 312, а 307, 308, 309 пошли южнее, по деревням Макарьевка, Исаевка. Они на десятки верст растянулись по дорогам. По рассказам бойцов, дивизия перебрасывалась сюда из Кустаная после небольшого отдыха и пополнения. Станица была полна народа - более полутора тысяч бойцов, а сколько подводчиков к лошадям и телегам! Как только стемнело, началась перестрелка с трех сторон, ружейная и пулеметная. За ночь перестрелка возобновлялась несколько раз. На рассвете часть пока пошла в наступление на лес и выбила оттуда казаков. Их оказалось более 200 человек. Остановки больше не было до Екатериновской, но у самой станицы завязался бой, здесь казаков оказалось еще больше. Со стороны противника загремела артиллерия, видимо, одна батарея, тут подкатили наши трехдюймовые орудия и тоже открыли огонь. Полк снова перешел в наступление, и противник был разбит. Белых было более полка. Мы недоумевали, в чем дело, как могло случиться, что столько белогвардейцев осталось в тылу? Наконец подошли 311 и 312 полки, и белых погнали без остановки. Они, было, закрепились в Островской, но 310-й полк погнал их дальше. На закате солнца мы вошли в Станицу Пресновскую, что в 12 верстах от Островки и приняли решение здесь заночевать. Сюда вместе с полком прибыл только наш обоз, а остальные остались где-то позади. Штаб бригады тоже куда-то исчез. Мы не знали, что предпринять. Ночевали беспокойно, всю ночь стреляли. А едва только 11-го сентября стало светать, как разгорелся жестокий бой. Белоказаки повели в атаку на станицу отряды конницы и пехоты, состоящей из офицеров, татар, чувашей и башкир. Поначалу полк успешно отражал атаки. Наша батарея беспрерывно вела огонь, но скоро стало заметно, что казачьи полки стали обтекать полк, угрожая сомкнуть кольцо и окружить станицу. В ходе боя от захваченных пленных удалось установить, что под станицей сосредоточено более пяти тысяч штыков и сабель и такое

же количество белых ведут бой в тылу, в станице Островской с 312 стрелковым полком. Командование пока решило отойти с боем для соединения с 311 и 312 полками. Для этого всех конных бойцов собрали в одну группу в 120 человек, в их числе были и мы с Ваней, и бросили для прикрытия левого фланга отступающего полка. Пресновская расположена между трех озер площадью не более квадратного километра каждое. Два из них расположены на юго-западе. Их отделял узкий перешеек, а третье озеро расположено на восточной стороне. За озерами рассыпались березовые леса. Полк должен был, выходя из станицы, пройти по чистой равнине около трех верст. Полк поспешно начал отходить и вести уличный бой с ворвавшимися в станицу белогвардейцами. Батарея до последнего снаряда была по противнику прямой наводкой. Потом, испортив орудия, уцелевшие бойцы присоединились к нам. Командир батареи, по рассказам артиллеристов, уже окруженный, застрелился. Едва полк отбил от наседавшего врага и вышел на поляну, как с востока из леса за озером вырвалась огромная лавина казачьей конницы в несколько тысяч всадников и, рассыпавшись широким фронтом, сверкая на солнце клинками, с остервенелыми криками понеслась на полк. В это время на нашей стороне за озерами прорвалась такая же лавина – в первую очередь она угрожала нам, ведь отрезав путь отхода, она могла в один миг смять и уничтожить нас, так как превосходила нас по силе в десятки раз. Теперь нас мог спасти только быстрый бросок назад к лесу. Оторвавшись от противника, мы устремились к виднеющейся в лесу узкой просеке. В это время нам видно было, как казачьи сотни с восточной стороны ворвались в расположение рассыпавшегося по равнине полка, и разгорелась невообразимая и неравная рукопашная схватка. Сюда же бежала занявшая станицу белогвардейская пехота. По нам из станицы белые вели ружейный и пулеметный огонь, изредка на полном ходу падали наши бойцы.

С правой стороны быстро, наперехват нам неслась вторая казачья лавина. Причем она приближалась, растянувшись длинной змеей, и головная часть ее была жидковата, основная же часть осталась далеко позади. Чтобы задержать нападение этой лавины на 310-й полк, нам нужно было остановить ее. Но, этого сделать не удалось, так как у нас не было ни сабель, ни пик, а только винтовки. Пришлось скакать к лесу и оттуда открыть огонь по белым. Десятки всадников покатались кубарем вместе с лошадьми. Противник не ожидал от нас такого поступка. В головной части произошло замешательство, многие отхлынули от леса подальше. Но вскоре обнаружилось, что нас обходят, и мы бросились просекой дальше в лес. В конце ее столкнулись в казачьей сотней, численностью человек 50, они были в один миг нами смяты и рассеяны по лесу. В этот момент мы попали под оружейно-пулеметный огонь белой пехоты, которая оказалась тоже в этом лесу. Подо мною убили коня, я едва успел вынуть ногу из стремени, как он рухнул на землю. Ко мне подскакал Ваня, и я запрыгнул к нему. Лесом пробирались более трех верст, выехали на равнину. Кругом ни души. Только слышно было, как позади клекотал бой 310-го полка. Впереди грохотали орудия. Это в Островской 312 полк бился с белыми. Слышен был орудийный гром и правее от нас. Это, как потом узнали, части 5-й дивизии вели бой под станицей Лапушинской. Я был ранен в руку и залил кровью Ванину шинель. Раненых оказалось более десятка, а около тридцати товарищей погибли в этой схватке. Мы приняли решение вернуться к гуртам и вечером уже были в родной Песчанке. Здесь мы узнали, что в Макарьевке, Исаевке и Ольгинке 307,308,309 полки ведут ожесточенные бои с колчаковцами». Анализируя причину поражения, Церахто приходит к выводу, что быстрое продвижение 26-й и 27-й дивизий Красной армии привело к нарушению связи с тылом и «огромным разрывом фронта». Названные дивизии начали отход из-под Петропавловска по железной дороге на Курган, а на линию

казачьих станиц ни одна красная часть не отошла, поэтому она осталась не прикрытой и Сибирский казачий корпус беспрепятственно вышел к Пресновской. Прибывшая со станции Лебяжье 35-я дивизия в составе двух бригад, шести полков, не зная о создавшемся положении, с ходу головной своей частью попала в окружение. В первый же день жестоких боев полки понесли тяжелые потери. Особенно пострадал 310-й полк, шедший во главе дивизии и первым попавший в Пресновскую. 307-й полк отходил с боями через Песчанку и оставил ее в ночь на 11 сентября. Брат Федора Илья присоединился к небольшой конной группе, которая сдерживала натиск белых со стороны монастыря. К вечеру пришел приказ: отойти на Пресногорьковскую. Илья остался в группе прикрытия. На рассвете белые возобновили наступление. Отбив яростные атаки, бойцы прикрытия в полном порядке отошли за Пресноредутскую и стали уходить по степной равнине к Камышловке. Белоказаки надели с обоих флангов у озера Ульева. Несколько десятков конных красноармейцев решили пробиться из окружения. Наметив слабые места, бросились в рукопашную, но конница белоказаков успела прикрыть эту брешь и « в этой неравной и ожесточенной схватке почти все красные пали смертью храбрых, только трое из них прорвались и спаслись, в том числе Илья. Добежав до Камышловки, они встретили отряд конницы Соболева. Эти две сотни бойцов не замедлили поспешить оставшейся в окружении пехоте, которая мужественно отбивалась от нескольких тысяч беляков. Соболевцы пробрались лесом на близкое расстояние, разделились на две группы и внезапно ударили с двух сторон. Красные, освободив пехотинцев, отошли на Пресногорьковскую. В этом бою пали смертью храбрых 37 героев. Они похоронены на месте боя у самой столбовой дороги, где и поныне на братской могиле стоит памятник» (житель Пресноредути вспоминал в 1979 году, как он и группа подростков собирали разбросанные по всему полю трупы красноармейцев и белых, грузили их на

телеги и опускали в могилу, особенно ему запомнился убитый белый офицер, на пальце которого был надет огромный перстень).

Дальнейшие планы белого командования состояли в том, чтобы повернуть конный корпус на север и с ходу взять г. Курган. Однако погода и нехватка фуража внесла коррективы в эти намерения.

«Дальше Иванов (Ринов) уже не был виноват. Шли небывалые дожди. Дороги так развезло, что продвигаться можно было только с чрезвычайной медлительностью. Вопреки ожиданиям, овса оказалось не так много, как на это рассчитывали. Может быть, крестьяне и намеренно его припрятывали, но, во всяком случае, дальнейшее наступление приостановилось...». (Г.К.Гинс). Если в конце августа, как говорилось ранее, погода была очень хорошая, то в начале сентября она стала портиться. Заморосили осенние дожди. Е.М.Красноусов, в 1919 году хорунжий 2-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона, вспоминал, как шла его батарея с Войсковым корпусом к фронту по «грязным, скользким дорогам», порой напоминавшим собой и не дороги вовсе, а «сплошное болото».

О сентябрьских дождях и вызванной ими грязи вспоминали многие участники событий. Генерал К.В.Сахаров писал о погоде уже другое, чем неделю назад: «Серый сентябрьский день, дождик, мелкий и назойливый, сеял уже вторые сутки и развел ужасную грязь». Сотник Е.М.Красноусов: «...Проливной дождь и непролазная грязь на улицах станицы». Генерал П.П. Петров, тогда начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии: «Пошли дожди, растворили почву, и дороги стали тяжелыми для движения», «...почва распустилась, грязь была невероятная. Продвижение как-то застопорилось; даже сведения о красных были недостаточно выясненными...», «широкая дорога с сибирским черноземом была превращена

дождями в сплошную грязь, по которой можно было тащиться с большим трудом. Пешеходы еле вытаскивали ноги; двигаться ночью по лесу вне дорог было невозможно».

В.А Шулдяков пишет: «скорость передвижения военных отрядов резко упала. Передвижение по грязи быстро изматывало лошадей, для восполнения сил которых требовались обильный и хороший фураж и более длительный отдых. Да и людям приходилось под дождем не сладко. Промокшее обмундирование не способствовало поднятию духа. Можно представить, во что превращались шинели и сапоги после вытаскивания из грязи застрявших повозок или пушек.

В Гражданскую войну именно населенные пункты становились для противоборствующих отрядов центрами притяжения. И основные бои разворачивались вокруг них. Войска стремились выбить врага из села или станицы, чтобы заночевать под крышами, в тепле и сытыми, а не под открытым небом, в лесу или в поле, быть может натошак».

«После разгрома под Островным, - вспоминал сотник Е.М.Красноусов, - красные оправились довольно быстро: получили свежее подкрепления людьми и артиллерией, - и бои в районе Редут Пресногорьковский - Екатерининка приняли характер «шаг вперед – шаг назад», а иногда «два назад – ни шагу вперед», и при этом отличались большим упорством, продолжаясь целыми днями». (Брисбен. 1958)

Станица Екатерининская лежала, по тракту, всего в 18 верстах западнее поселка Островного. За нее белым пришлось вести в течение нескольких дней и с переменным успехом. Екатерининскую заняли части партизанской дивизии атамана Анненкова, переброшенные из Семипалатинской губернии на Восточный фронт и включенные в состав Степной армейской группы генерала Лебедева. (На старом кладбище Екатериновки сохранились

остатки захоронений осени 1919 года – автор книги). Красные выбили из станицы анненковцев. На другой день белые атаковали. 4-я казачья дивизия полковника Катанаева, 2-я батарея 1-го Сибирского артдивизиона сотника Красноперова и анненковцы были встречены красными на дальних подступах к станице. Красноперовцы не успели установить орудия, как были накрыты плотным артиллерийским огнем. Батарея красных, состоящая из 4-6 орудий, заняла выгодную позицию на окраине станицы за лесом. Наступавшие белые части не видели ее и за два дня боев казачья и анненковская артбатареи не смогли остановить губительного огня. Вырытые красноармейцами окопы и натянутая колючая проволока (за одни сутки!) служили неплохой защитой для оборонявшихся. Лишь на следующий день к вечеру станица была взята колчаковцами. На несколько дней наступление белых на восток было приостановлено. В.А.Шулдяков считает, что эти позиционные бои в какой-то степени сорвали планы белых, которые рассчитывали совершить рейд Сибирского казачьего корпуса с Звериноголовско-Петропавловского тракта на север, на Курган. Доказательством этому служат воспоминания Красноусова о том, что помощь анненковцам пришла из поселка Усердного, лежащего севернее линии, где сосредоточились главные силы корпуса. Бои за Екатериновку показали, насколько опасно оставлять в своем тылу сопротивляющиеся красноармейские формирования.

Долгим и упорным был бой за станицу Пресноредут, лежавшую по тракту почти в 40 верстах западнее Екатерининской. Со стороны войскового корпуса в нем участвовали 5-я дивизия и 2-я батарея. Особо отличились в этом деле казаки – артиллеристы.

Е. Красноусов: «Сначала бой тянулся нудно-медленно». Большевики занимали Редут большими силами и жестоким пулеметным огнем «пришили» к земле спешенные сотни. Шла перестрелка. Красная батарея, расположив-

шись прямо в станице, поочередно то вела огонь по залегшим казачьим цепям, то вслепую бросала снаряды в их тыл, надеясь угодить по белым орудиям. Местность вокруг Пресногорьковского Редута безлесная, всхолмленная. 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего артдивизиона стояла на закрытой позиции: в логу. Красные никак не могли ее нащупать. Но и казаки-артиллеристы обстреливали только окраины станицы, т.к. хорошо замаскированный противник не давал возможности обнаружить позицию вражеской батареи. Бой оживился, когда на помощь 5-й дивизии подошла свежая пехотная часть, переброшенная из Омска: егерский батальон Ставки Верховного Главнокомандующего под командой подполковника П.Е.Глудкина. Егеря перебежками стали выдвигаться на линию огня. Стрельба усилилась. Красные, видя наращивание сил противника, занервничали.

Тем временем командующему 2-й батареей сотнику Н.М.Красноперову и офицеру-наблюдателю хорунжему А.А.Васильеву наконец-то, после того как они переменили наблюдательный пункт, удалось засечь батарею врага. Теперь надо было как можно быстрее заставить ее замолчать. Красноперов отдал своим артиллеристам приказ немедленно сменить позицию. А сам принялся производить необходимые замеры и расчеты, чтобы перемещенные орудия сразу же смогли открыть огонь. Новая выбранная им позиция была более удобна для стрельбы. Но находилась почти на линии белых пехотных цепей и была только полузакрыта со стороны красных, притом лишь небольшим кустарником. Кроме того, между старой и новой позицией лежало открытое пространство. Казакам-артиллеристам предстояло обмануть бдительность противника, быстро и незаметно перейти в указанное командиром батареи место и, не медля, открыть огонь. 2-я батарея снялась быстро. Ее личный состав был предупрежден о необходимости скорейшего и скрытного выполнения передислокации. Хорунжий Е.М.

Красноусов, исполнявший обязанности старшего офицера, и юнкер Н.Вологодский, его помощник, повели батарею. Выскочив из лога, карьером она прошла наблюдая противником участок и встала на новую позицию.. Егеря батальона Глудкина, перебежками упорно продвигаясь вперед, отвлекали на себя внимание красных, в том числе их артиллеристов и пулеметчиков.

По заранее подготовленным данным 2-я батарея быстро произвела пристрелку и покрыла своим огнем вражескую батарею. Казачьи снаряды легли очень удачно. Один из них попал в зарядный ящик. В Редуте раздался сильный взрыв. В результате два орудия были выведены из строя. На красной батарее вспыхнула паника. Казаки-артиллеристы продолжили интенсивную стрельбу, не давая батарее противника оправиться от потрясения. А белые цепи - егеря и казаки - с криком «Ура!» поднялись в общую атаку. Красная пехота дрогнула и, не приняв удара, стала отходить. Остатки батареи коммунистов снялись и ускакали с позиции, провожаемые арт-огнем казаков. Колчаковцы вошли в станицу. Противник отступил из Пресногорьковского Редута, понеся значительные потери в матчасти в людях. Победа была одержана белыми во многом благодаря удачному маневру и отличной стрельбе 2-й батареи 1-го артдивизиона, взрыв красного зарядного ящика, по сути, стал переломным моментом. Поэтому начальник 5-й Сибирской дивизии войсковой старшина П.П. Копейкин за этот бой представил командующего батареей сотника Н.М.Красноперова к награждению Георгиевским оружием.

Затяжной характер приняла борьба в районе Архистратига - Михайловского монастыря, деревни Исаевки и станицы Камышловской, велась она маневренно и с переменным успехом.

Станица Камышловская лежала в 12-ти верстах к юго-западу от Пресногорьковского Редута. Сибирские казаки

взяли ее под вечер после горячего боя. Причем 2-й батарее 1-го Сибирского казачьего артдивизиона пришлось много стрелять: и по самой станице, и по отходившему на станицу Пресногорьковскую противнику. Красные отступили с потерями, но соблюдая порядок. Поэтому преследовавшие их казачьи сотни не смогли довести дело до применения холодного оружия. Ночь прекратила боевые действия.

Красные оправились, отдохнули, получили подкрепления и утром двинулись из Пресногорьковской на Камышловскую. Местность между двумя станицами холмистая, с березовыми колками. Поэтому почтово-земский тракт вилял между холмами, и с возвышенностей вокруг станицы Камышловской просматривались только отдельные его участки. Красные имели возможность двигаться колоннами почти до самой Камышловской, отодвигая передовыми частями казачье охранение. К полудню первая их колонна подошла к станице и на просматривавшемся участке тракта попала под сосредоточенный огонь 2-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона. Понесся потери, большая часть колонны отошла немного назад, за колки и холмы, однако головные ее подразделения сделали рывок, оказались в лесочках под самой станицей и завязали бой с казаками. Также успела проскочить открытое пространство и скрыться за колками конная батарея красных. Быстро встав на позицию, она открыла стрельбу по станице. Тем временем, вышедшая из-под арт-огня колонна развернулась в цепи, и коммунисты возобновили наступление. Вскоре они вошли в соприкосновение со спешными казачьими сотнями. Бой принял ожесточенный характер, свидетельством чего стала сильнейшая пулеметная и ружейная стрельба. Красные подтягивали все новые силы: их плотные колонны шли по тракту, вступила в бой вторая батарея, уже восемь орудий засыпали снарядами Камышловскую и ее окрестности. Казаки отступили

к самой станице и в течение некоторого времени сдерживали здесь противника. Красные цепи выходили из ближайшего лесочка, белоказаки ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем отбрасывали их назад.

2-я батарея сибирцев стреляла беспрерывно: то по вражеским цепям, то по колоннам на тракте, то по батареям. Вся ее позиция была завалена стреляными гильзами. Казаки-батарейцы расстреляли первую смену зарядных ящиков и заканчивали вторую. Им также досталось от противника.

День выдался на редкость чудный: дождя не было, изрядно пригревавшее осеннее солнце высушило поверхность земли. Пушки при стрельбе стали поднимать пыль. Местность в сторону станицы Пресногорьковской повышается, и красные с любой возвышенности могли хорошо просматривать Камышловскую. По-видимому, по пыли они стали догадываться, где стоят казачьи орудия, хотя те и стреляли с закрытой позиции. Неприятельские снаряды все чаще падали в расположении 2-й батареи.

Красные на этот раз оказались явно сильнее. К концу дня их цепи ворвались на западную окраину Камышловской. В станице вооруженная борьба не получила развития, так как казачьим частям был дан приказ отступить на монастырь, и они стали выходить из боя. Одной из последних ушла из станицы 2-я батарея, при этом ее взвод прикрытия «попридержал» красных огнем своих кольтов. Некоторое время противник провожал отходивших в порядке колчаковцев артиллерийским огнем. Белоказаки пошли на ночевку в район монастыря с тем, чтобы на следующий день, после очередной перегруппировки частей Войскового корпуса, снова брать станицу Камышловскую с боем.

Перед тем как отправиться из станицы Камышловской в Омск для дачи объяснений о причинах неудач, Иванов-Ринов приказал 10-му Сибирскому казачьему полку войскового старшины Ф.Л.Глебова предпринять попытку

прорыва в тыл противника в районе поселка Песчаного Пресногорьковской станицы. Глебову придали «сборный» артвзвод (2 орудия) от 1-го Сибирского казачьего артдивизиона: по орудию от 2-й батареи и от взвода 1-й батареи. Командовал этими двумя пушками есаул Н.Г.Яковлев. Артиллеристы отобрали для операции лучших лошадей, так как в целом их кони уже заметно сдали. Отряд Глебова сконцентрировался в Камышловской. Ему предстояло обойти с юга станицу Пресногорьковскую и выйти на тракт в 25-30 верстах в ее тылу, у Песчаного. Неизвестно, какова была конечная цель Глебова. Маловероятно, чтобы ему поставили широкую задачу: глубокий рейд по тылам противника. Для этого 600 - 700 пашек, нескольких пулеметов 10 полка да трехдоймовок артвзвода было явно недостаточно. Скорее всего, Глебов должен захватом Песчаного перерезать на время Петропавловско - Звериноголовский тракт, внести хаос в тылы красной группировки, противостоявшей Войсковому корпусу, и этим поспособствовать взятию станицы Пресногорьковской.

Рано на рассвете, точная дата не известна, 10-й Сибирский казачий полк с приданным «сборным» артвзводом выступил из Камышловской. Генерал Иванов-Ринов пропустил колонну полка мимо себя и пожелал казакам успеха. Глебов повел отряд в юго-западном направлении. Двигались целый день, без дорог, прямо целиной, с небольшим привалом в полдень. Под вечер подошли к Песчаному. Вперед, как водится, были посланы разъезды. Войсковой старшина Глебов и Яковлев установили наблюдательный пункт на окраине леса перед поселком. Начало боя оказалось на редкость неудачным для белоказачьих. Второй снаряд, выпущенный их орудиями, оказался бракованным: в гильзе было мало пороха. Снаряд не долетел до цели и упал недалеко от казачьего наблюдательного пункта. Он произвел впечатление артиллерийской стрельбы с тыла и вызвал замешательство в

рядах сибирцев. Как говорится, «обходящий всегда сам является обойденным». Пока пришли в себя, выяснили, в чем дело, а затем, выяснив, ругались, чередуя ругань со смехом, - совсем стемнело. Разъезды доносили, что в Песчаном большие силы красных, которые предпринимают против обнаруживших себя колчаковцев контрмеры. Ночной бой с превосходящим противником не предвещал ничего хорошего. Фактор неожиданности был утерян. Казаки и кони устали. Эпизод с бракованным снарядом сбил настрой. Глебов принял решение не рисковать зря и, пока не поздно, уходить. Выставив сильное охранение полк и артвзвод, покормили лошадей и около полуночи пошли назад в Камышловскую.

Управление действиями боевых соединений было очень сложным. Это подтверждает факт тяжелого боя у Пресногорьковки между 229-м и 232-м красными полками (см. выше), которые, стремясь окружить казаков Доможирова, в темноте долго бились друг с другом, неоднократно ходили в штыковые атаки, и лишь утром, похоронив убитых здесь же на кладбище, двинулись выполнять боевую задачу.

По мере продвижения колчаковцев к Тоболу сопротивление красных, за счет подтягивания ими к фронту резервов и маршевых пополнений, возрастало, особенно на важнейших дорогах, таких, например, как Звериноголовский тракт. Поэтому перед тем, как завязать бой за станицу Пресногорьковскую, белые вынуждены были произвести перегруппировку сил: полки Войскового корпуса стягивались в станицу Камышловскую, сюда же перебросили пехотные части и взвод 1-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона (2 орудия; комвзвода - есаул Н.Г.Яковлев). Одно орудие 1-й батареи, как уже упоминалось, сходило даже с 10-м полком Глебова под Песчаный. Камышловская была забита войсками до отказа - так, что «в избах негде повернуться». Расстояние между ней и следующей по Звериноголовскому тракту станицей Пресногорьковской - всего 11-12 верст.

За счет концентрации сил и, возможно, маневра отряда Глебова под Песчаный, отвлекшего внимание коммунистов, белые в первый раз смогли взять Пресногорьковскую «довольно легко» и быстро – к середине дня; обычно бои за важные населенные пункты затягивались до позднего вечера. В Пресногорьковской частям Войскового корпуса объявили, что здесь у них будет долгожданная дневка. Однако на следующий день, это было воскресенье, красные большими силами перешли в контрнаступление. Сотня сторожевого охранения в 3 - 4 верстах от станицы, у опушки леса, вступила в бой с противником. Поднятые по тревоге конные сотни одна за другой подходили к месту действия, спешивались и вступали в бой. Ружейно-пулеметная стрельба стояла непрерывная. Красные теснили казачьи цепи. Белая пехота получила приказ окопаться на окраине станицы. Пресногорьковская окружена небольшими возвышенностями, и, заняв часть из них, коммунисты начали простреливать всю станицу. Они ввели в дело две артбатареи (8-12 орудий). У колчаковцев было полторы батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона (6 орудий). Сначала красная артиллерия сосредоточила весь огонь по окапывающейся белой пехоте. Цепи красных спускались с возвышенности и перебежками приближались к Пресногорьковской. Явный перевес сил был на стороне врага, и вскоре белые вынуждены были отходить. Первыми ушли конные сотни. За ними снялись и двинулись на Камышловскую цепи пехоты. Их отход прикрывали шесть орудий казачьей артиллерии, стоявших на возвышенности к востоку от Пресногорьковской.

2-я батарея и взвод 1-й батареи распоряжения об отступлении своевременно не получили. Естественно, артиллеристов очень нервировала мысль о том, что между ними и красными никаких конных или стрелковых подразделений уже нет. Чтобы не угодить в плен, оставалось полагаться только на себя да на два кольца взвода

прикрытия 2-й батареи. Казакам пришлось сниматься с позиции под орудийным, пулеметным и ружейным огнем. Без всякой очереди, на карьере, передки подскакивали к своим орудиям и зарядным ящикам и на карьере же отходили, не соблюдая никакого порядка. Был момент паники. Одно из орудий, у которого впопыхах был неправильно вставлен шкворень, сорвалось с передка, и передок ускакал, оставив орудие. Хорунжий А.А. Васильев, с наганом в руке, заставил ездовых упряжки вернуться и взять пушку. Чуть позже была убита лошадь в одном из зарядных ящиков. Ящик сорвался со шкворня, перевернулся вместе с сидевшим на нем казаком, стрела его сломалась пополам. Вывести ящик из-под огня не было никакой возможности, пришлось его бросить. Казака же посадили на другой передок и увезли. Впрочем, красные не успели забрать брошенный сибирцами зарядный ящик. Через несколько часов, при втором наступлении белых на Пресногорьковскую, 2-я батарея специально выслала упряжку и подобрала его.

Отошедшие к станции Камышловской белые части были приведены в порядок и немедленно двинуты назад. Уже ночью они во второй раз отбили Пресногорьковскую. Но казаки-артиллеристы в это наступление не ходили. «Наши лошади, - вспоминал Е.М.Красноусов, - были не в состоянии проделать вторичный переход без достаточного отдыха». В ночном бою белые смогли обойтись и без артиллерийской поддержки. Насколько короткими были дневки после боев, свидетельствует факт, приведенный сотником Е.М.Красноусовым. Отдыхая в Пресногорьковской после ее взятия, офицеры артбатареи собирались вышить бутылку ямайского рома и полбутылки спирта, и тем самым отметить получение сотником Н.М.Красноперовым Георгиевского оружия за взятие Пресноредути. У станичной учительницы затопили баню, зажарили гуся, но был получен приказ о выдвигении на по-

зиции у леса Татарского и артдивизион вынужден был оставить место дневки.

Из документов Российского государственного военного архива (Винокуров О.А.)

13 сентября белая пехота и конница начала наступление на западном направлении от Пресноредуты на Камышловскую по южной опушке Драгунского леса, используя котловины озер. Обходом левого фланга белые заставили 311 стрелковый полк 35-ой сд с боем отходить. Красных преследовала белая конница. У Камышловской 311 полк отбил атаку белых, но казаки, пользуясь лесками на флангах, обошли Камышловку и вынудили красных отойти на запад по тракту на Пресногорьковскую.

15 сентября 307-ой стрелковый полк занимал позиции по восточной окраине Песчанки от озера, что к югу от станицы до северо-восточного направления. Позиции перерезали тракт.

В этот же день бойцами 2-ой бригады 35 сд было отбито наступление белых на станицу Пресногорьковскую благодаря дефиле озер Пресного и Горького, но белая конница подошла к станице три километра северо-западнее тракта (от Сливных озер) и красные начали отступление.

16 сентября Пресногорьковская занята пришедшим из Половинного 309 стрелковым полком 35 сд, переброшенного через Курган из Кустаная по железной дороге и наступавшего от ст. Варгаши.

Красные были выбиты анненковской дивизией под командованием генерала Церетели, 17 сентября 310 полк наступал на станицу с запада, был встречен огнем, залег в 1 км от станицы (в районе степанцовского колодца), отбил несколько атак. Анненковцы держали станицу несколько дней. Лишь 20-21 сентября красные вновь заняли Пресногорьковку и продолжили наступление до Семиозерного.

25 – 27 сентября сводный отряд из обозников подошел к Песчаному, белые с расстояния в 800 метров открыли огонь. Казаки атаковали и рассеяли 2-ой батальон Нейма-

на, но не ударили в тыл 1,3 батальонам, которые заняли Крутоярский. (Э.В. Крейтер рассказывал летом 2007 года о воспоминаниях старожилов – трупы белых и красных лежали в несколько рядов на площади Песчанки, где сейчас стоит памятник, у школы. На кладбище большая братская могила, трупы везли на подводах, с убитых ничего не брали – грех).

29 сентября после недельного отступления от Пресновской 310, 312 полки контрнаступали на позиции белых от оз.Кривого до тракта в 4 км восточнее Пресногорьковки до оз.Сливного по господствующему гребню и на опушке леса северо-восточнее Пресногорьковки на 4 км.

После овладения станицей Пресногорьковской основные силы Войскового корпуса продолжили наступление к реке Тобол - на лежавшие по Звериноголовскому тракту казачьи поселки Крутоярский (13 верст от Пресногорьковки) и Песчаный (25 верст). Даже во время контрнаступления белых в штабах настроение было нерадостным. Барон Будберг записал 16 сентября в дневнике: «наступление выдохлось и замерло, кое-где продолжают небольшие стычки и мы еще сохраняем свое положение, боясь, что это продолжится недолго, тогда вымотанные в конец части покатятся вновь назад. Остановить и поддерживать их будет уже нечем».

Бои Войскового корпуса у самого Тобола, не были столь сильными, как ранее. 5-я советская армия, проиграв борьбу в тоболо-ишимском междуречье и боясь, что противник прижмет ее к реке и уничтожит, благоразумно предпочла эвакуироваться за Тобол и укрыться за этим водным рубежом. Белые заняли поселок Сибирский станицы Пресногорьковской (в 31 верстах от станичного центра, к югу от Звериноголовского тракта, самый западный поселок Сибирского казачьего войска).

Казачье население поселков состояло из женщин, стариков и детей. Все станичники работоспособного возраста в августе были мобилизованы в белую армию

или отступили вместе с войсковым заслоном. Многие из них в сентябре участвовали в боях по освобождению родных станиц и поселков. Казачье население встречало чинов Войскового корпуса как освободителей – «очень радушно». Гостеприимные станичники щедро угощали казаков хлебом, молоком, яйцами и пр. «Были, конечно, и слезы, когда рассказывали про разрушения и убытки, причиненные их хозяйству нашим огнем, - вспоминал Е.М. Красноусов, - но горького чувства против нас не было, так как все они понимали, что «лес рубят – щепки летят». Надо сказать, что сибирские казаки, особенно артиллеристы, старались без особой нужды по станицам не стрелять. Это была линия поведения и начальства, и всего личного состава Сибирского казачьего корпуса. В рядах частей воевало много местных казаков. Они не могли не щадить своих семейств, домов, хозяйств. Однако полностью избежать разрушений было не возможно. Ведь красные иногда продолжали оказывать сопротивление и в населенном пункте, тогда бой превращался, по сути, в уличный. Часто они ставили свои батареи на позиции в станице или поселке. Им щадить было некого: пусть казаки долбят по казачкам и казачатам.

Вообще на всей Пресновской линии белые вели себя более или менее корректно. Например, платили мирным обывателям за фураж и продукты. Впрочем, если в касках частей имелись наличные деньги... А это было далеко не всегда. К крестьянам отношение было иное. Те, встречали части Войскового корпуса или откровенно равнодушно, или с плохо скрываемой неприязнью.

Некоторые села Курганского, Ишимского и Петропавловского уездов, в августе 1919 г. встречали красную армию колокольным звоном и крестным ходом. А когда в сентябре началось белое контрнаступление, многие крестьяне таких сел, часто с семьями, ушли на запад вместе с красными. В таких селениях белоказаки не могли сдержать своего раздражения и нередко вели се-

бя так, как описал Г.К.Гинс: «Если казак видит в огороде арбузы, он сорвет все, чтобы перепробовать; если он ночует в хате, то на прощание ломает скамью или швырнет в колодец ведро. Какое-то непонятное озорство, - возмущался мемуарист – неуважение к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не воюют. Все, мол, должны выносить на своей спине казаки».

Население станиц и поселков Пресновской линии «жаловалось на бесчинства красных, которые брали все бесплатно и угнали довольно много лошадей скот». Отступая, коммунисты реквизировали в казачьих станицах и поселках почти весь наличный хлеб и овес. Жители понесли хозяйственный урон не только от красных реквизиций, от артогня обеих сторон и вызванных им пожаров. Из-за боевых действий полевые хлеба остались необранными, и войска потравили нескошенные травы. Кроме того, и красные, и белые переобременяли жителей перевозкой воинских грузов. Войсковой управе Сибирского казачьего войска пришлось срочно продумывать и предпринимать меры финансовой, материальной и иной помощи пострадавшим станицам. В частности, поднимался вопрос о сформировании посылки на Пресновскую линию рабочего отряда из военнопленных, беженцев или казахов для ускоренного проведения уборочной страды. (В.А.Шулдяков).

Один из участников событий оставил воспоминания о том, как он встретил во время боевых действий между Пресногорьковской и Крутоярской в лесу Борок почти всех жителей Крутоярской, которые в ужасе прятались от красных вместе со своим скарбом и домашней живностью. «Нас окружили женщины. У них было несколько телег, нагруженных сундуками. Пока мы убеждали их, что красные никакого вреда не причинят, подъехали два старика, они сообщили, что красные уже в станице и никого не трогают. Мы поехали с ними и были приглашены в дом богатого

казака Михаила Ефимовича Попова. Хозяйка дома, Палагея Михайловна, пожаловалась нам на белогвардейцев и рассказала, что в большом крестовом доме Попова квартировало 12 офицеров. В последний вечер они решили устроить вечеринку и пригласили сестер милосердия. Денщики их забили во дворе десяток гусей. Хозяйка бросилась защищать свое добро и, только благодаря вмешательству медсестер не была расстреляна. В этот момент началась стрельба, и красные вошли в станицу, а белые отступили, прихватив гусей с собой» (что в этом рассказе правда, а что - нет, узнать невозможно, но как похоже на воспоминания Красноусова, приведенные выше, разнятся только место и вместо сестер милосердия – учительница).

Жесточайший удар нанесли красные народному образованию 1-го военного отдела. Член Войсковой управы П.И.Ходаков 7 октября 1919 года доносил в Омск: «При обследовании мною станиц и поселков, которые были заняты красными, почти во всех из них разорены школы. Уничтожены учебники, учебные пособия и библиотеки в школах следующих станиц: Михайловской, Кладбинской, Новорыбинской, Пресновской, Ново-Михайловской, Кабановской, Пресно-редутской, Пресно-Камышловской, Пресногорьковской, Усердненской, Богатинской и Миролюбовской. Были также уничтожены учебники и учебные пособия в библиотеках в высших начальных училищах Новорыбинской, Пресновской и Пресногорьковской станиц».

Сентябрьские бои в междуречье Тобола и Ишима отличались ожесточением и упорством. Отдельные пункты переходили из рук в руки по 8 – 10 раз. Бои с участием конницы были, как правило, скоротечны. Основное время и силы уходили не на сам огневой бой, а на переходы и маневрирование. Лишь отдельные бои за Пресновскую, Екатерининскую или Пресноредут продолжались целыми днями.

Сотник Красноусов вспоминал: «Бои в районе наших станиц Камышловки, Пресногорьковского редута, монастыря, и станиц Пресновской и Пресногорьковской представляли собой какое-то топтание на месте, мы брали очередную станицу и, если нас из нее не выгоняли немедленно, и мы двигались к новой цели, то назавтра оставшаяся позади нас станица снова занималась красными, и мы снова должны были брать ее с боем. У красных при их численном превосходстве было много кавалерии, и они широко пользовались ею для обходных движений. У нас же была лишь одна кавалерия, то есть наши казачьи полки 3, 4 и 5-й Сибирских казачьих дивизий, которые не любили долгих пехотных боев и задерживались на обороняемой позиции только лишь из «приличия», предпочитая отойти при сильном нажиме красных, а потом с «хода» взять эту позицию новым боем. Все мы очень сожалели, что у нас не было пехоты, этой «не только царица полей сражений», но и рода оружия, которая, не отличаясь большой подвижностью, очень упорна в обороне» (Брисбен. 1958)

По многочисленным данным, собранным историком В.А.Шулдяковым, красная пехота демонстрировала подвижность и хитрость.. Во время боев в районе Михайловского монастыря и деревни Исаевки (ныне Чапаевка) красноармейцы пробрались в тыл 5-й сибирской казачьей дивизии и сконцентрировались в прибрежных камышах одного из озер. У них кроме винтовок и гранат имелся один пулемет. Когда сотни дивизии выступили на овладение Исаевкой, красные в камышах пропустили их. А когда сотни ушли далеко, да еще втянулись в бой, красные начали действовать – ворвались в оставленную сибирцами деревню, почти без выстрелов захватили казачьи обозы 2-ого разряда и устроили на окраине деревни засаду. В тот день казакам не удалось взять Исаевку, и поздно вечером они отправились к местам прежних ночевок. В засаду угодила головная сотня 14 Сибирского казачьего полка. Красные встретили ее гранатами и пулеметом. Казаки откатились

назад. Ввиду темноты, значительных потерь они не понесли, но сотня из-за неожиданности случившегося отступала в полном беспорядке. Лишь в версте от деревни она была остановлена прискакавшим командиром 14 полка. Полковник А.Н.Шевырев спешил сотню и повел к деревне. Однако казачья цепь натолкнулась на сильное сопротивление и под огнем залегла. Тогда Шевырев решил подтянуть другие сотни своего полка и взять деревню «охватом». Это ему удалось, но только под утро. При этом основная часть красных, по-видимому, ускользнула. Таким образом, небольшая группа красноармейцев своими действиями дезорганизовала тылы 5-й дивизии, нанесла ей определенный урон, сковала уже уставший за день 14-й Сибирский казачий полк и совершенно измотала его ночным боем. Вообще, у красных при их превосходстве в штыках и технике имелось еще одно преимущество: они могли более или менее оптимально сочетать действия пехоты и конницы. Упорство первой подкреплялось подвижностью второй. В конце сентября кранные полки оказались за Тоболом.

В ставке Колчака надеялись на перелом в боевых действиях. Читаем в дневнике генерал-квартирмейстера штаба адмирала: «Удар был очень удачен: весь правый фланг красных был совершенно разбит и отброшен. На всем фронте они спешно отходили за реку Тобол, бросая большую военную добычу...».

Во время почти двухнедельной оперативной паузы на Тоболе Пресновскую линию прикрывала 5-я Сибирская казачья дивизия войскового старшины Копейкина. Соседями ее были: с севера – Степная группа генерала Лебедева, с юга – Партизанская группа генерала Л. Доможирова. Сибирцам Копейкина противостояла 35-я стрелковая дивизия РККА, удерживавшая станицу Звериноголовскую Оренбургского казачьего войска. В тылу белых частей были поселки станицы Пресногорьковской и деревня Федоровка. Красное командование

опасалось активности сибирских и оренбургских казаков на своем правом, степном, фланге и усилило его, так называемой Крепостной бригадой. Бригада противостояла оренбуржцам Доможирова. Серьезной угрозы правому флангу противника белая конница создать не могла, потому что состав ее был очень слаб. Сибирская казачья дивизия и Партизанская группа сильно устали и оказались к тому же привязанными к назначенным им участникам фронта.

Озабоченный положением на этом участке Восточного фронта В.И. Ленин предложил командованию обдумать и провести перегруппировку войск так, чтобы «усилить все дивизии процентов на 15 – 30 и тем довести всю армию до прежнего состава». (ПСС.т.51.с.53) Расположенные на берегу Тобола дивизии спешно пополнялись добровольцами из среды коренного казахского населения, формировались полки и бригады. Спирин пишет: «5-я и 3-я армия Восточного фронта, закрепившись на Тоболе, немедленно приступили к укреплению своих рядов. На помощь пришли партийные, советские и военные организации Урала. Местные военные комиссариаты направили в дивизии фронта тысячи новых пополнений. Только Челябинская губерния дала 24 тыс. человек для 5-ой армии». В это время Д.А.Ковалев с отрядом в 250 человек расположился в лесах у Пресногорьковки для оказания помощи наступающей армии.

У белых положение с пополнением воинских частей резервами было очень тяжелым. По словам П.П.Петрова «на большое увеличение красных сил наша 3-я армия, не менее уставшая, чем противник, и также понесшая тяжелые потери, не могла ответить сколько-нибудь значительным усилением своих рядов. Убыль в боях пополнялась почти одним только возвращением в строй выздоровевших раненых и больных». В боях участвовали даже бойцы конвоя генерала Сахарова и Верховного правителя Сибири. В боях за станицу Пресноредут отличился егерский батальон Ставки

под командованием подполковника П.Е.Глудкина. Егеря взяли станицу при поддержке 14-го Сибирского казачьего полка и 2-й батареи 1-го казачьего артдивизиона. Боевой дух в красных частях поддерживался с помощью жестких методов. В мемуарах генерала Петрова читаем об особых чекистских отрядах, вооруженных пулеметами, которые действовали « для вразумления дезертиров и не желающих двигаться вперед». Барон Будберг: «у красных мало охотников воевать, но там это нежелание парализуется расстрелами и применением сзади коммунистических револьверов и пулеметов». Красноречиво о сложных взаимоотношениях с среде красноармейцев свидетельствует следующий факт - после отступления в сентябре комдив - 35 Константин Августович Нейман вступил в конфликт с одним из командиров полка. Ординарец Неймана искал дом для поста командива в деревне Глядянке, вошел в дом, где уже остановился штаб одного из полков его дивизии. Комполка послал его подальше, за что Нейман арестовал весь штаб полка. Полк восстал, заявили, что если не отпустят полковых командиров, то перейдут к белым. Нейману пришлось подчиниться.

Ранним утром 14 октября 1919 г. 5-я советская армия начала форсировать Тобол. Несмотря на огонь белых и крошево изо льда, красные - на плотках - смогли преодолеть реку и укрепиться на ее правом берегу. Здесь, на плацдармах, «двое суток продолжались ожесточенные бои». По свидетельству начальника 26-й дивизии РККА Г.Х.Эйхе, «противник проявлял большое упорство, часто переходил в контратаки». По воспоминаниям белого генерала П.П.Петрова « наиболее жаркие бои происходили на нашем левом фланге, где красные наносили основной удар в районе дер. Яльмское, где оставался неразрушенным мост через Тобол на участке ижевцев, д. Глядянское».

Из воспоминаний красноармейца Федора Церахто: «240-й Тверской стрелковый полк, которому была придана наша батарея, занял оборону левее Кургана, примерно в 4 - 5 верстах. Дни стояли солнечные, сухие, а по утрам слабые

заморозки. Наш берег был покрыт дремучим сосновым бором на многие десятки верст. Полки получали пополнение. Во время отхода красных дивизий из временно оставленных территорий от белых бежали тысячи крестьян, и теперь они вступали добровольно в ряды красных. По всей линии фронта стояла тишина, которая изредка нарушалась винтовочными выстрелами или пулеметной очередью. Противника разделяла река шириной в 100 – 150 метров. В расположение нашей батареи состоялось бригадное совещание командиров, на котором присутствовал командующий пятой армией М.Н.Тухачевский и командир 27-й дивизии Павлов. Здесь я впервые увидел Тухачевского. Позднее неоднократно видел его на передовой.

На рассвете 14 октября по всему фронту разгорелась ружейно-пулеметная стрельба. Раздавалось громовое «ура». Вела ураганный огонь наша и соседняя батареи. К утру Тобол был успешно форсирован, а белые выбиты со своих передовых позиций. Завязались ожесточенные бои и чаще всего – рукопашные. Колчаковцы то и дело бросались в контратаки. В бой вводили все новые и новые резервы. Но порыв красных был неотразим, и белые откатились на восток».

Начальник штаба 5-й армии И.Н.Смирнов докладывал В.И.Ленину: «Настроение твердое. Организуя местные силы, с Колчаком справились, нужны только обмундирование и патроны. Вчера перешли в наступление по всему фронту, думаем в три недели дойти до Ишима» (ПСС.т.51.с.388).

Из документов Российского государственного Военного архива о боях на линии (Винокуров О.А.).

3 октября в Сибирской командир местного отряда (прапорщик Жуков из местных) расстрелял 4 казаков за дезертирство.

15 октября под Богоявленской 308 сп отбил четыре атаки белых, с боем двинулся на Богоявленский от перекрестка дорог Богоявленка – Верхнеалабужский – Нижнеалабуж-

ский. Полк расположился в 5 км южнее перекрестка. Бойцы атаковали поселок с опушки леса в 2 км западнее поселка.

17 октября в Крутоярке 310,311 полки отбили атаку белых, повторной атакой белые оттеснили в 1,5 км западнее поселка, 310 сп наступал на Крутоярку с юга от Хохлового (на тракт), 311сп выбил белых из окопов по тракту на Пресногорьковскую.

Население аулов и поселков, опасаясь грабежей, прятало в лесах скот и нехитрый скарб. Жители поселка Крутоярского все до одного покинули деревню, отогнали скот в Борок и с ужасом ожидали прихода Красной армии. Красноармейцы представлялись им безбожниками с рогами на головах (воспоминания очевидцев). Зажиточные крестьяне и казаки уходили с обозами на восток по казачьему тракту, столбовая дорога на Петропавловск была запружена беженцами.. В эти дни навсегда оставили Пресногорьковку братья Токаревы, Вяткины, Малягины, Барсуковы, Богдановы, Кладеновы и многие другие. Огромные одно и двухэтажные дома в центре станицы опустели - с приходом красных они стали административными зданиями.

По словам В.А.Шулдякова «все понимали, что это не случайное поражение и не временное отступление, что это разгром и исход. Прибавьте к этому морозы, тиф и полнейшую неразбериху. Отступать в таких условиях с семьей означало наверняка погубить кого-то из домашних, а то и всех. Поэтому в отступление пошли только семьи офицеров, отчасти гражданской интеллигенции войска, а также богатые станичники и многие казаки. Занимавшие на местах, в станицах и поселках, выборные должности, но последние, как правило, без семей. Одна часть беженцев Сибирского казачьего войска (военная и гражданская интеллигенция) эвакуировались Петропавловска эшелонами, другая (станичники с детьми и без них) – собственным гужевым транспортом.

Отправившиеся в санях и подводах, в большинстве своем, далеко на восток не уехали. Правильной эвакуации не было, и о беженцах никто не заботился. Каждый думал о себе. Все двигались по одному маршруту, сплошным потоком. На ночевках и стоянках все занимали и забирали войска. Беженцам не доставалось ни хлеба, ни фуража, ни мест в избах. Никакая семья, особенно дети, не сможет долго без тепла. Беженцы не выдерживали темп отступления армии, отставали и попадали в руки красных. Из выехавших смогли добраться до белого Забайкалья лишь немногие: те, кто ехал налегке, не будучи обременен большим семейством и громоздким имуществом, и кому сразу же удалось пристроиться к одной из своих войсковых частей. Но все же, большая часть беженцев оказалась в изгнании на территории Маньчжурии и лишь их потомки – внуки и правнуки смогли вернуться на Родину спустя четыре десятилетия (подробнее об отступлении см. далее воспоминания Преображенского).

17 октября бойцы 308 стрелкового полка при поддержке партизан взяли станицу Пресногорьковскую. Комиссар 76-й бригады 26-й дивизии К.И.Лазарев вспоминал, что на восточном берегу Тобола красным впервые пришлось принимать так много сдавшихся в плен казаков, будто бы «они целыми сотнями и полками выбрасывали белые флаги», выдавали своих офицеров, бросали оружие. По его воспоминаниям, в начале ноября в Звериноголовской, Пресногорьковской и других станицах красные собрали целые груды казачьих пулеметов, винтовок, шашек, пик, седел.

5-я Сибирская казачья дивизия отступала по Пресновской линии. На рубеже поселок Кабаний станицы Пресногорьковской – станица Екатериновская – поселок Ольгинский она пыталась сдержать 35-ю дивизию РККА. Однако красные были явно сильнее, в тяжелых фронтальных боях оборонительный потенциал белых быстро исся-

кал. 18 октября 3-я советская армия перешла к активным действиям. Красные теперь наступали по всему Восточному фронту. Серьезных резервов у Колчака уже не было. 21 октября 3-я белая армия прекратила бесплодные контратаки и начала отход к Петропавловску. Таким образом, в восьмидневном сражении у Тобола Российская армия адмирала Колчака была разбита и стала отходить на восток, пока еще медленно и более или менее организовано. 31 октября красные взяли уездный город Петропавловск.

В.А.Шулдяков приводит пример массового ухода белоказаков из армии Колчака после поражения Сибирской армии – «16 ноября на станции Калачинская из 1-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона бежали 20 человек во главе с подхорунжим С.С.Малыхиным. Казаки, видимо, побоялись сдаваться передовым частям 27-й советской дивизии, и двинулись от Калачинска на юг, к Иртышской казачьей линии. В пути к ним присоединились такие же дезертиры, и группа выросла до 39 человек казаков и солдат. 23 ноября группа подошла к станции Татарской (на Иртыше, в 156 верстах от Омска). Малыхин съездил в станицу делегатом и договорился о сдаче. В тот же день в Татарской вся группа положила оружие перед одним из подразделений 26-й дивизии РККА. В числе сдавшихся были казаки станиц Пресногорьковской и Пресновской: Г.П.Лавринов, Ф.Коробейников, М.Веневцев, Р.Г.Парфенов и др. казакам дали удостоверение о том, что они сдались добровольно, и отпустили их на родину – на Пресногорьковскую линию. Впрочем, этот внешний гуманизм не должен нас обманывать. С.С.Малыхин, казак поселка Ново-Михайловского станицы Пресновской, потом был арестован ЧК и расстрелян (Омск, 29 августа 1920 г.). Коммунисты не простили подхорунжему службу в Белой армии».

Н.Г.Лавринов (1916 г.р., в 2005 году проживал в г.Кургане) вспоминает, что его отец Георгий Павлович

Лавринов из Камышловки рассказывал о том, как он и 20 казаков полка под руководством Мальгина (у Шулдякова - Малыхин) оставили Белую армию, так как видели бессмысленность сопротивления и пробрались степью домой. Никаким репрессиям Лавринов не подвергался, даже избирался депутатом на уездный съезд. Несколько позже, в 1930 году, Г.П.Лавринов проживал в пятистеннике Малыхина на окраине Пресновской «в сторону Михайловки, Малыхина, безвинно пострадавшего из-за сходства фамилий с колчаковским Малыгиным».

Из воспоминаний С.В.Преображенского (1973 г) об отступлении белых на восток:

«В станице Пресногорьковской царила паника, основные войсковые части, в том числе и 4-ый казачий корпус, которым командовал наш бывший заведующий станицей генерал-майор Н.П.Кубрин, уже отступили. Мужскому населению от 15 - 16 лет предлагалось на правах беженцев выехать из станицы до станиц Пресновской и Новорыбинской, не доходя до которых, по словам белых, намечалось дать красным генеральное сражение... Такие указания по эвакуации касались только казачества... Белые сражения не дали и мы продолжали отступать к Омску. В пути от Петропавловска нас захватила зима, ехать на колесах по снегу было значительно труднее, труднее стало добывать продукты питания, для лошадей корм. Население не знало, на какие деньги надежнее продавать – на царские, колчаковские или керенские, которые еще были в обращении. Приходилось обменивать на вещи. Сено, а иногда из кучек скошенный овес, брали так. Ехали мы с отцом (расстрелянный впоследствии священник Василий Преображенский – С.В.) на трех лошадях, я на бричке, отец на повозке, которую пришлось бросить. Мне тогда было пятнадцать лет. Зима крепчала, а я ехал в сапогах, и полушубке, в брезентовом плаще. Как-то мы еще не болели, хотя повсюду свирепствовал тиф, а вши заедали и нас. При переправе через Иртыш у станицы Ачегорской (Ачаирской)

многие сорвались в реку и утонули. В Ачегорской наш атаман И.П.Вяткин со своими помощниками был вызван в штаб 4-ого казачьего корпуса, где генерал Кубрин откровенно рассказал о действительном положении дел на фронте, говорил об опасном для жизни продвижении вперед в чужую, неизвестную нам страну Китай. От имени генерала как особо уважаемого высшего начальника нашей станицы было предложено довести эту информацию до сведения всех одностаничников и посоветовать вернуться домой. Все станичники были согласны вернуться. Пока шло обдумывание, станицу взяли красные. Возвращение было более тяжелым, чем пройденный путь. Колеса примерзали к осям, не вертелись, ползли, лошади с трудом тащили наши экипажи. Одеты мы были не по-зимнему, почти всю дорогу пришлось идти или бежать за экипажем. Где-то все же удалось нам выменять валенки, шерстяные носки и рукавицы, а без этой одежды уже было невозможно переносить январские морозы. Приходилось оттирать снегом и руки и ноги. Приходилось ехать и разутому, держа ноги в стеганом ватном одеяле. Возвратились домой на одной бричке, хорошая выездная повозка с кожаным верхом была брошена, одна лошадь продана, многие вещи променяли на хлеб, продукты и фураж».

По данным П.П.Петрова, 3-я армия Сахарова в период с 1 сентября по 15 октября потеряла 988 офицеров и 17 770 солдат. Красная армия потеряла несколько меньше (по данным Г.Х. Эйхе – 14719 человек, без учета потерь в 21-й и 54-й дивизиях)

Захоронения у Пресногорьковки. (РГВА ф.1372,оп.2 д. 596,л.65 – 72, Винокуров О.А).

311 стрелковый полк. 17 октября убиты:

Ширшев Иван Никитович (Уфимская губ. уезд, Сомская волость, Атабалатовский завод).

Соковский Владимир Васильевич (Холмская губ., Замосекский уезд, Кременчинская волость, дер. Вонча).

Похоронены в братской могиле на общем кладбище п. Крутоярского у восточной стороны ограды. Из 311 сп. 14 сентября убиты

Сергеев Федор Иванович (г. Петроград, Шпалерная, 28)

Козлов Иван Федорович (Московская губ., Рузский уезд, д. Полушкино)

Оба остались на поле боя при отходе полка под станицей Пресногорьковские выселки между озером и лесом прямо на север.

Бурков Андрей Александрович (Московская губ., Богородский уезд, Алексинская вол., д. Кабанево)

Чиж Василий Егорович (Симбирская губ., Городищенская вол. д. Мал. Аксы)

Волков Степан Николаевич (Самарская губ., Бугульминский уезд., Глазовская вол., д. Петропавловская.)

Похоронены в братской могиле, остались на поле боя при отходе полка из ст. Пресноредуть.

Западно-Ишимское восстание 1921 года

После ухода белой армии, в январе 1920 года, был издан приказ №1 по станревкомам и комячейкам Пресногорьковского района: «От имени голодающих крестьян, рабочих и фронта, ныне нуждающихся в хлебе, в интересах восстановления хозяйства советской республики и снабжения деревни их предметами. Переживаемый грозный момент и продовольственный кризис требуют от всех честных граждан исполнения долга перед революцией – выполнить разверстку хлебную. Никакие обстоятельства не могут служить препятствием для выполнения этой задачи... Все продработники несут полную ответственность за своевременную сдачу хлеба. Поселки и станицы, не исполняющие приказ, будут судиться так же строго, как судят за отказ

идти в бой, продработники, не делающие своего дела, будут караться по закону военного времени» (орфография документа сохранена автором).

Партизанский отряд Ковалева, имевший богатый боевой опыт, послужил основой для создания ЧОН по сбору зерна у населения. Его укрепили за счет прибывших из Петропавловска рабочих, бывших фронтовиков Данилевича, Дерябина (погиб под Лопушками, похоронен в Пресногорьковке), Костыкина, Черновикова, Ивана Петухова (убит повстанцами, похоронен в Федоровке у клуба), Федина, Петра Ефимова (погиб под Новорыбинкой, похоронен в Ершовке). Кроме конфискации хлеба отряд гонялся за многочисленными отрядами, не желающими подчиняться новой власти.. В начале июля 1920 года в Горелом ауле, что в 35 верстах от Анновки, появился отряд «батьки Махно». Яков Рыбкин вспоминает: «11 июля 120 бойцов, окружив аул, ударили с двух сторон из винтовок и пулеметов. Бандиты, отстреливаясь, ушли к Рузаевке и объявились в Карасу. 15 июля мой взвод занял аул Талды (ныне усадьба одного из отделений поселка Майский), но мы опоздали. Бандиты успели расстрелять казахов-коммунаров. Когда речь о расправе дошла до комиссара Ковалева Иван Алексеевич, выступил с речью перед отрядом и поклялся отомстить за убитых». Повстанцы схватили ехавшего из Всесвятского в Кустанай судью Ивашина и зарубили его. Отряд новоявленного «Махно» была полностью изрублен между Пресногорьковкой и Шибаево.

Во главе «зеленой крестьянской армии», так сами восставшие называли себя, стояли Макар Чумак и Андрей Ярославцов. Задача восставших крестьян состояла в свержении советской власти на местах и захват городов Кустаная и Челябинска. «Зеленая армия» провозгласила следующие лозунги: «Долой коммуны и коммунистов-узурпаторов!», «Да здравствует учредительное собрание!». Крестьяне все беды видели в продотрядах. Подтверждение этому – действие продотряда Кабанова в Новоалексеевке.

В доме вдовы Ирины Ткачуковой двое продармейцев устроили настоящий погром, стреляли из винтовки, а хозяйку пытались изнасиловать. Перепуганные дети выпрыгнули из окон, поранились. Кабанов не придал происшедшему никакого значения. Количество восставших достигло 100 человек. Они расстреляли уполномоченного Карасульского и Всесвятского продовольственных районов Ф.Повидайкина и Ильина. В Крыловке был застрелен бедняк Тлеубет Каракучуков, а у Всесвятского убит милиционер Коршун. В ночь с 24 на 25 августа 1920 года «зеленые» захватили Всесвятское (ныне Сарыколь), обезоружили отряд красноармейцев в 42 человека и арестовали партийно-советский актив. Райпродкомиссар Медведев дал телеграмму в Пресногорьковку: «Срочно примите меры помощи Всесвятскому. «Зеленый» отряд обезоружил красноармейцев, касса взята, все оружие взято. Расстреляны продработники. «Зеленые» выбыли на Убаган в сторону Кустаная. Силы отряда до 100 человек». Перед уходом «зеленые» согнали на площадь жителей села. Отряд ушел на Сорочинку, захватив петроградского рабочего Медведя и начальника милиции Сараева. Позже ими были разоружены 30 красноармейцев уездкома Мешкова. Отряд особого назначения Д.Ковалева после ухода «зеленых» прибыл во Всесвятское из Федоровки. Шестеро сочувствующих восставшим были расстреляны у озера Сарыколь. В отряды особого назначения принимались только коммунисты и комсомольцы. Их усилиями 29 августа крестьянская армия была разбита. Она распалась, стала действовать мелкими группами, напоминая о себе до декабря 1920 года. Тогда произошли волнения в Сорочинке, которые подавил отряд Ковалева. Всю осень и зиму 1920 года вспыхивали выступления недовольных изъятием хлеба крестьян, их поддерживали те, кто лишился при новой власти положения и состояния. На хуторах Пресногорьковского района стреляли в окна домов активистов. Отряд Ковалева действовал против таких выступлений в Белогородке, Лопушках, Новорыбинке.

Продразверстка шла тяжело, политика «военного коммунизма», проводимая в мирных условиях, заставляла крестьянина-середняка с недоверием относиться к советской власти, которую он поддержал совсем недавно. Из книги Сабита Муқановича Муқанова «Школа жизни»: «Продразверстка была завершена Пресногорьковским райпродкомом к началу января 1921 года, и об этом немедленно сообщили по телеграфу В.И.Ленину. Все-таки с продразверсткой пришлось трудно. Выполнялась она гораздо ниже плана. Помню, как комиссар Пресногорьковского райпродкома Дерябин созвал совещание, Акмолинская область обещала товарищу Калинину собрать 3 млн. пудов зерна. Четвертую часть этого хлеба должен был сдать наш Пресногорьковский район. Ленину комиссар обещал выполнить продразверстку к 10 января.

В нашем краю часто попадаются курганы, братские могилы, насыпанные еще во время войн. В 25 верстах от станицы Пресногорьковки насыпан высокий Сары - оба - Желтый курган, изрытый волчьими и лисьими норами. В этих-то звериных норах кулаки окрестных сел и станиц прятали хлеб. Кулацкое сопротивление было столь жестоким, что многие продотрядовцы погибали в этих стычках».

Как продолжение сопротивления в начале февраля 1921 года в Сибири и Северном Казахстане вспыхнуло Западно-Ишимское восстание.

Движущими силами его стали остатки колчаковцев, эсеровский крестьянский союз, недовольное продразверсткой крестьянство. Основными лозунгами восставших были «Долой продразверстку!», «Советы без коммунистов». Возникло несколько повстанческих очагов движения. После захвата 14 февраля уездного Петропавловска, отряды восставших двинулись по хуторам и станицам Горькой линии в надежде найти поддержку со стороны враждебно настроенного к советской власти казачества... В районе станицы Петухово сформировались две дивизии «Петуховской армии» (до шести тысяч человек), к 20 февраля отряды

повстанцев захватили Макушино и Лебяжье. На линии восстание охватило казачьи станицы, крестьянские хутора и деревни. Перевороты в станицах Становой, Дубровинской, Михайловской произошли 13-14 февраля. При взятии ст. Петухово крестьянская волна из Ишимского уезда перелестнула через железную дорогу на Пресногорьковскую линию, 16 февраля восставшие заняли станицы Железную, Богатую, Миролюбовскую, Лапушинскую. 18 февраля пала Новорыбинская, где образовался повстанческий штаб во главе с Л.Проскуриным. В 20-х числах были захвачены Пресновская и Казанская станицы. В Пресновской 21 февраля местные активисты были расстреляны у станичного кладбища

В Приишимье образовался мощный очаг восстания под руководством казака из Екатериновки подхорунжего С.Г. Токарева. Он командовал вновь сформированной 1-й Сибирской казачьей дивизией. Семен Георгиевич воевал в Первую мировую в 1-м Сибирском казачьем полку, а в Гражданскую – в 4-м. После падения Омска в ноябре 1919 года он сдался в плен к красным. Но последующие события вновь заставили его воевать на стороне белых.

В листовках повстанцев говорилось: «По всем казачьим станицам создаются отряды из всех годных носить оружие, не считаясь с возрастом».

«Ужасы, творимые повстанцами, не поддаются описанию. При поимке коммуниста клали его на козлы и пилили пилой. Опускали товарищей-коммунистов в колодезь, потом вытаскивали и замораживали на морозе 30 – 40 градусов» (из доклада Ф.Н.Воронова Омскому губкому партии).

На Пресногорьковку от Пресновки наступал отряд кабаньевского есаула Ивана Дурнева и Ольгинского, который насчитывал до 1500 ялutorовских и пресновских казаков («1-я народная армия»). Они захватили Пресноредут и Макарьевку, где проживала семья Дурнева. Небольшие группы повстанцев рассыпались по окрестным селам и аулам, проводя разведку. В разведсводке штаба приуральского

военного округа от 16 февраля (район 24-й дивизии, Курганский боеучасток) говорится, что «в районе ст. Пресногорьковской замечена банда, численность которой не установлена». До 20 февраля отряд Ковалева вынужден был оставить Пресногорьковскую «так как бандиты нападают и двигаются по казачьей линии, чуть ли не весь Петропавловский уезд восстал, численность банд велика, большинство из которых - кавалерия из казачества. У нас же вооруженной силы мало, оружия недостает, патронов совсем нет». Дмитрий Ковалев считал, что без пулеметов в этом районе не удержаться и требовал немедленной высылки хорошо вооруженного подкрепления с оружием и патронами.

По мнению В.А.Шулдякова «вокруг Пресногорьковской станции возник самостоятельный повстанческий район. Но можно ли считать его пятым по счету большим казачьим очагом Западно-Сибирского восстания? Не исключено, что казаков в Пресногорьковском очаге было не меньше, чем в Пресновской или Исилькульской группировках».

Это предположение подкрепляется расшифровкой разговора по прямому проводу начальника оперчасти штаба Приуральского военного округа (Екатеринбург) с комбригом - 69 в 6 часов вечера 23 февраля. «Противник – около 400 пеших и 200 конных занимает Баксарскую (15 верст юго-восточнее станции Лебяжье). В бою под Лебяжьевской захвачен в плен командующий группой народной армии повстанцев Третьяков.. Станция Макушино занимается противником. Район местности от Петропавловска до Новорыбинской (100 верст юго-западнее Петропавловска) населенный казаками, охвачен восстанием. В Лопатинской волости, 30 верст южнее Лебяжьей, находится противник численностью до 300 пеших и 200 конных, который, наступая на станцию Пресногорьковская (70 верст южнее Лопатинского) привлек на свою сторону посредством агитации до 2000 повстанцев, вооружения у которых мало. На-

строение повстанцев воодушевленное, наступление ведут стройными колоннами, и большинство из них казаки».

В Пресногорьковской волости Дмитрий Ковалев стал формировать заградотряд из бывших партизан. В него шли люди из Сретенки, Федоровки, Узункуля, Ершовки, Нурумбета, Евгеньевки, дальних аулов. В окрестные поселки были отправлены разведчики – Георгий Лавринов отправился в Федоровку, Ларюшин в Починовку, Михаил Сухов в Алабугу.

Рассказывает Георгий Лавринов: «Сформировали сотню, во главе ее стал Борис Федорович Бедрин, роту пеших добровольцев передали под начало командира продотряда Федора Дерябина. Двумя эскадронами командовал Константин Егоров. Игнат Семенович Усачев возглавил взвод конной разведки. Выступил Ковалев. Он рассказал о грабежах, истязаниях, расстрелах мирного населения. Опасность состояла в том, что банда Волкова в любой момент могла ударить в наш тыл со стороны Звериноголовки». Игнатий Усачев был родом из Кабаньей, где пользовался большим авторитетом. Через пленных казаков он передал повстанцам письмо и часть станичников заколебались, а в разгар активных боевых действий сам проник во враждебный лагерь, рискуя жизнью, и сумел разagitировать непримиримых казаков.

Холодным утром 27 февраля отряд Ковалева выступил к Камышловке. Еще до начала боя отряд потерял бойца – работник исполкома Егор Ларюшин был захвачен повстанцами в Починовке, ничего не сказал на допросе и был зарублен. Труп его был обнаружен в Пресновке среди других убитых. Тело с отсеченной головой привезли в Пресногорьковку и похоронили на площади. «Хоронили с почестями. Все село было. Молодежь из комсомольцев пели «Интернационал». Поставили досчатый памятник со звездой.

В 40-х годах вокруг памятника посадили сквер, акации. Саженцы поливали младшие школьники, воду носили из

озера» (очевидец). В середине 30-х обелиск установили из железа, таким он и существует поныне.

Жестокий бой развернулся на том месте, где 1919 году сложили головы красноармейцы 2-ой бригады, у озера Ульева. Поначалу Дурнев послал в атаку лишь сотню всадников. Он надеялся, что ковалевцы не выдержат натиска конницы, а, разгромив пехоту, казаки откроют путь на Пресногорьковку. Сотня стремительно приближалась к позициям ковалевцев и неожиданно попала под перекрестный пулеметный огонь. Среди всадников началось замешательство. Приказа об отступлении не требовалось. Зажатые в тиски конницей Бедрина и Егорова повстанцы, отстреливаясь, ушли в степь на хутор Троебратский. В этом бою ранен был Ф.Дерябин, погиб Г.Захаров – комбат, уроженец Ершовки, Глядянского уезда. Он привел из Звериноголовской батальон на помощь ковалевцам. До Пресногорьковки его везли на санях под присмотром фельдшера Федора Курбатова, здесь он умер и был похоронен в центре станицы. Роту принял Петр Ефимов, позже погибший под Новорыбинкой. В Ершовке на его могиле установлен обелиск.

Правым боевым участком командовал Воротков. В участок входил сводный отряд (которым, по-видимому, командовал Ковалев), 1-й Симбирский полк и батальон особого назначения ВЧК. Сводный отряд с рассвета 6 марта наступал на юго-восток из района Пресногорьковская – Кабанья, «имея справа ограничительную линию Пресногорьковская – Казанский-Евгеньевский - ур. Курол-Городецкий - Коноваловский, а слева Кабаний – Екатеринбургский-Петровский-Благовещенский-Семипольское». Левым боевым участком командовал Ильин, имея под своим началом 249-й и 209-й стрелковые полки.

После поражения у Камышловской есаул Дурнев повел казаков к Ишиму, надеясь переправиться через него. Однако ледоход не позволил этого сделать. В районе Крещенки и Белоградовки завязался бой. Повстанцы ушли на Всевытское. Обходным маневром главные силы Ковалева но-

чью заняли Всесвятское, и утром повстанцы встретили там неожиданное сопротивление. Поняв, что окружение неминуемо грозит гибелью, сотня в агонии повернула на Пресногорьковку и заняла ее. Население подверглось грабёжам, несколько человек были зверски замучены и тела их брошены в лесу «Маяк». Повстанцы расстреляли председателя Федоровского сельисполкома Федора Каргаполова (под Пресновкой) и председателя Пресногорьковской комячейки Данилу Самойловича Селезнева (в Хлупово). Отряды повстанцев были разбиты в районе Жолтыков – красноармейский отряд со станции Лебяжье и отряд Ковалева уничтожили остатки недовольных властью Советов. Есаулу Ивану Дурневу удалось спастись. За пособничество Дурневу в Пресногорьковке были расстреляны священник Василий Преображенский (останки его и малолетней дочери были обнаружены автором в 1977 году)*, Петр Васильевич Лутченинов – церковный староста, Иван Андреевич Столбинов – завскладом кредитного товарищества, бывший белый офицер, учитель Григорий Михайлович Алимов, работник волисполкома Кузьма Петрович Пожидаев, Угренинов Дмитрий Яковлевич, монахини Михайловского монастыря. Караульное помещение, где охранялись арестованные, размещалось в двухэтажном доме Токарева, и в доме Якова Миронова. Волисполком располагался в офицерском доме на круче у Пресного, который простоял до конца двадцатого века. Дом имел двойной погреб и тайный ход, имевший выход на берег озера.

Одним из наиболее популярных лозунгов восстания - «С нами Бог!». Повстанцы повсеместно выступали за возрождение поруганного Православного векового уклада. 17 февраля в Петропавловске был расстрелян чекистами епископ Петропавловский и Акмолинский Мефодий. После подавления очагов восстания в станицах произошла кровавая расправа со священнослужителями. Под «красное колесо» попал и священник Василий Преображенский – был расстрелян за участие «в шпионаже и грабёжах». Священ-

нослужители представляли реальную опасность для новой власти. В.И.Ленин писал тогда: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Весь апрель ковалевцы вели активные действия на территории Петропавловского уезда. Так, 18 апреля по приказу командующего войсками Петропавловского района Ф.В.Егорова, отряд Ковалева выдвинулся из Кабаньей на Благовещенку и занял Семиполки, имея задачу не дать повстанцам прорваться на запад и поддержать наступающие на Архангельскую и Рождественку красные части. В ходу была поговорка, «Ковалевых много» – так быстро передвигался конный отряд, неожиданно появляясь в разных местах уезда.

По воспоминаниям А.Скрипкина, боеприпасы отряду доставляли семь красноармейцев под командованием разведчика Никифора Комахи. Следуя из Акчикуля к Анновке, они наткнулись на противника. Комаха остался прикрывать отход обоза, приказав остальным спрятаться в камышах. Его схватили, подвергли пыткам, но ничего не добились. Ему нанесли свыше сорока пашечных ударов и бросили как умершего в трех километрах от Акчикуля. Здесь его подобрала бойцы-ковалевцы. Никифор выжил, благодаря богатырскому здоровью, но потерял пальцы на руках, заслоняясь от ударов пашкой.

На стороне повстанцев выступали жители Пресноредутской – комендант урядник Данила Шилов, вахмистр Григорий Еремеевич Грязнов, сибирцы – Жуков, Баландин.

За новую власть боролись пресногорьковчане – Д. Воронин, И.Рулимов, П.Тимофеев, казанцы – Е.Дробышев, Е. Чернооков, военком, секретарь волисполкома, богоявленцы – Бобрешовы Алексей и Ефим Михайловичи, милиционер Павлухов, песчанцы – Суслов А.И., Яганцев И.А.,

Мехнев Д.П., Дедов И.Т., Угренинов И.П., Попов П.Е., Коваленко Спиридон, милиционер.

Разведчиками в отряде Ковалева были: Г.П.Лавринов, М.И.Сухов, А.П.Лавринов. Адьютантом и кучером на тачанке Ковалева служил И.П.Пономарев (по воспоминаниям Егора Лавринова).

Интересен документ, датированный 3 февраля 1921 года, написанный от руки на листе из бухгалтерской книги, его содержание хорошо передает дух того времени (передан автору известным сарькольским краеведом В.В.Стародубом). Стоит привести его полностью, сохраняя орфографию.

«Воззвание! Командира всех сводных красных советских боевых отрядов по ликвидации бандитизма тов. Ковалева.

Товарищи три года упорной борьбы рабочих и крестьян с ненавистным ярмом капитала. Показали нам, что у власти должны быть только мозолистые руки, крепко держащие красное знамя за социализм. Ни одна другая власть не будет так заботиться о бедняке как наша рабоче-крестьянская пролетарская власть. Эта же борьба показала, что враги трудящихся побеждены всюду на кровавых фронтах. Нам осталось победить еще лишь только разруху. Мы твердо уверены, что это препятствие мы победим, нанесем окончательное поражение внутреннему врагу. Кулаки, офицерство, духовенство, прикрывшись доброжелателями народа, избрали орудием своих гнусных замыслов темное казачество. Они затуманили заманчивыми обещаниями глаза казачеству, и последние местами восстали с оружием в руках против трудящихся. Товарищи крестьяне будьте благоразумны! Не следуйте примерам этих безумцев, которые обрекли на верную гибель сами себя, свою семью и свою станицу. Это пособники, жаждущие возврата старого гнилого прошлого, будут беспощадно уничтожаться властью трудящихся той властью, которая стоит рабочим и крестьянам

много крови упорной борьбы с вековыми угнетателями капитала и пр..

Подлинную подписал командир отряда по ликвидации бандитизма Ковалев. Нач. оперштаба Аболин. За адъютанта В. Бомезовская. Разослано».

В 80-х годах пенсионер И.И.Матвиенко вспоминал о том, что писал под диктовку быстро ходившего по комнате Ковалева, подобное послание населению уезда. В нем говорилось, что те, кто выдает коммунистов бандитам, будут беспощадно караться советской властью. Главную линию воззвания Дмитрий Ковалев проводил жестко в течение трех месяцев борьбы с повстанцами. Подобным образом действовали командиры многих отрядов, жестокость порождала ответную реакцию противоборствующей стороны.

Об этом свидетельствует записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго-восточного сектора уезда, где оперирует отряд Иванова по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к Гострою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Иванова с точки зрения политической этики, терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого

командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т. Иванова, как бы ценны они не были» (ГАКО.ф.635.). Этот отряд был расформирован в середине мая.

Внесудебные расправы были обычным делом. Даже спустя многие месяцы после восстания, в декабре 1921 года, районные начальники милиции в Тобольском уезде, вместо отправки арестованных в уезд, расстреливали их на месте. Части Красной армии, подавлявшие мятеж в Петропавловском уезде занимались, по признанию начальника 21-й дивизии Ф.Егорова, массовыми грабежами. В станице Боголюбовской красноармейцы 26-го кавалерийского полка ограбили дома всех местных жителей и разорили церковь в Михайловской. В Новорыбинской отобрали 60 подвод.

Восстание закончилось поражением крестьянства и казачества и стало называться в официальной историографии «мятежом». Подобная участь постигла восстания в Кронштадте и Тамбовской губернии. Председатель Сибревкома И.Н.Смирнов в телеграмме В.И.Ленину 12 марта 1921 года сообщил, что в одном только Петропавловском уезде убито при подавлении восстания 15 тысяч крестьян, в Ишимском – 7 тысяч. За весь период восстания только в Тюменской губернии и Петропавловском уезде было убито свыше 35 тысяч крестьян. Ряд станиц были фактически уничтожены – например, Лобановская, Кокчетавского уезда. В 1979 году внук одного из активных участников восстания Петр Пономарев рассказывал автору, как дед, лобановский казак, утопил в Ишиме оружие и сдался большевикам. Был расстрелян чекистами.

В Пресногорьковке был создан отряд ЧОН №3, его командиром назначили Церахто Ф.Н. Рота насчитывала 150 человек и взвод кавалерии, состоявший из казахов Анастасьевской волости, которым командовал казак из Камышловки Ларюшин. Взводными были бывший вахмистр Борис Бедрин и Григорий Зубцов (комендант Пресногорь-

ковки). Рота занималась продразверсткой вплоть до начала новой экономической политики.

Об этом рассказывает Федор Церахто: «Оставалось уничтожить остатки самых оголтелых бандитов, скрывавшихся в лесах. Многие сами выходили и сдавались властям. Руководящий состав округа состоял в основном из знакомых ребят. Егор Никитович Чернооков руководил заготовительной организацией, Ваня Губин был уполномоченным ГПУ, Павел Ширяев – народным судьей, Паузин – заместитель секретаря райкома РКП(б). Но были и такие, которые не внушали доверия. Мой подчиненный, командир первого взвода Бедрин, был раньше казачьим офицером из богачей, председатель волисполкома Успеньев и секретарь райкома РКП(б) Давыдов – темными, никому не известными личностями. Вскоре Давыдова убрали, а Бедрина я заменил другим командиром. Вместо Давыдова был избран секретарем Паузин. Это был исключительно честный труженик. В ночное время через окно из винтовки тяжело ранили Зубцова. Преступника найти не удалось. Вскоре после этого случая я шел поздно ночью на квартиру. Вышел на площадь. Вдруг из-за угла улицы выскочили два всадника. Я окликнул их, мне не ответили. Я выхватил браунинг и повторил вопрос, вместо ответа грянул выстрел. Пуля прожужжала мимо. Я упал на землю и сделал два выстрела. Всадники проскочили в другую улицу и скрылись. Пришлось каждую ночь назначать в станице патрули. Ночные дежурства несли комсомольцы 16 – 17 лет из беднейшего казачества, беззаветно преданные революции».

Гражданская война в крае постепенно затихала. Казаки, ушедшие с белыми, продолжали вести борьбу против Советов на Востоке. Остатки Народной повстанческой армии направились на юг, в район Кокчетав. При взятии Каркаралинска 6 апреля Иван Дурнев командовал одним из повстанческих полков. Тогда наступающая дивизия захватила 400 винтовок. Здесь 1-я казачья Сибирская дивизия и Первая Курганская освободительная дивизия были объединены

в Сибирскую народную дивизию под командованием подхорунжего С.Г. Токарева. В Каркаралинске повстанцы порубили около 120 человек. Дивизия с боями пробивалась в Китай и в конце апреля, перевалив хребет Тарбагатай, оказалась в Синьцзяне. На реке Эмиль – хо Народная дивизия (1700 чел.) соединилась с 4-ым Оренбургским корпусом генерала А.С.Бакича. В течение всего 1921 года соединения вели активную борьбу против красных на территории Китая и Монголии. Конец их был трагичен. Вот как описывает эти события В.А.Шулдяков: «Бакич с остатками своего отряда бежит в Монголию - в Улангом. Теперь не только бойцы, но и сам железный генерал ощущает безысходность. Силы исчерпаны. Парализована воля. В ночь с 29 на 30 декабря 1921 года Бакич и с ним 700 белогвардейцев и повстанцев (среди которых были С.Г.Токарев и Иван Дурнев) капитулировали перед монголами. Согласно легенде, Бакич вытащил из кобуры и отбросил в сторону револьвер, взял в руки большой деревянный крест и так пошел во главе колонны своих людей – сдаваться». В Урге 3 февраля 1922 года 20 руководителей были переданы Советам. В Новониколаевске (ныне Новосибирск) двадцатку судил Е.М.Ярославский, старый большевик-ленинец, он и зачитал в мае 1922 года расстрельный приговор. Бывший управляющий конторой фирмы «Мак-Кормик» в Пресногорьковке есаул Иван Денисович Жвалов после разгрома 1-й казачьей дивизии оказался в Красноярске под фамилией Базаров. В 1921 году он перебрался в Тюмень и в короткий срок создал в Омске, Петропавловске, Кургане, Павлодаре военные комитеты по подготовке вооруженного восстания с целью создания «автономной крестьянской республики». По делу жваловской организации было арестовано более 200 человек. 18 мая 1923 года ее руководитель был расстрелян по приговору суда. В 1919 году Жвалов командовал карательным отрядом в Пресногорьковской волости, занимался конфискацией фуража для снабжения колчаковских частей.

Расстрельная участь постигла и красного кавалериста Бориса Бедрина, обвинением послужил факт его службы урядником в Пресногорьковке до революции и потомственное дворянство (автором найдена часть надгробной плиты с надписью «здесь похоронена дочь дворянина Нина Борисовна Бедрина, прожившая на сем свете 4 года и умершая 9 января 1907 года. Да упокоится душа ее с миром»). Дворянство Бедрины получили в середине XIX века за верную службу Царю и Отечеству, войсковой старшина Федор Бедрин командовал 1-й бригадой, подавлял восстание в Курганском уезде.

Хорунжий Иван Шилов, воевавший в армии Колчака, был пленен под Красноярском после окружения 1-й Сибирской казачьей дивизии в январе 1920 года. Он дожил до весны в тифозных бараках концлагеря и был отпущен домой, в казачий поселок Пресноредут станицы Пресногорьковской. В середине 20-х годов Шилов вместе с товарищами из Песчанки организовал сельхозартель, которая распалась после гибели новой экономической политики. В конце 30-х начались аресты и расстрелы бывших белых офицеров. Ивану повезло – за день до ареста его предупредили о смертельной опасности, он вынужден был уехать на юг.

Рамазан Даушанов, бывший партизанский связной, прожил долгую и трудную жизнь, умер в возрасте 85 лет в Омске.

Н.М. Комаха, партизанский связной, умер в 1957 году, похоронен в п. Королевка Узункольского района. По воспоминаниям: «крутого и веселого нрава был человек, обе руки без пальцев, а бутылку водки умел брать и держать. Заезжал на коне прямо в райком партии, никакой власти не признавал» (мой дед, Дмитрий Виниченко, был близко знаком со знаменитым партизаном и гордился дружбой с ним – примечание С.В.).

Дмитрий Ковалев, братья Рыбкины, большая часть активных участников партизанского движения, в конце 30-х годов перебрались в Ростовскую область, видимо, их опыт

пригодился во время проведения коллективизации в донских станицах. В 1933 году Дмитрий был убит в Ростовской области шестью выстрелами из нагана. Убийцы были выходцами из наших мест. Младший брат Иван, комиссар отряда, дожил до глубокой старости и с почетом похоронен в Москве. О братьях Ковалевых рассказал автору В.В.Стародуб в декабре 2008 года. По его словам, отец их был зажиточным скотопромышленником. После возвращения братьев с германского фронта он принял решение продать скот. Сделать этот шаг ему посоветовали сыновья, предвидевшие скорые реквизиции. Братья создали отряд, и, обладая недюжинными организаторскими способностями, вошли в историю партизанского движения Петропавловского уезда.

Кубрин Николай Павлович

(1876 – 1920 гг.)

*(Материал опубликован в областной газете
под названием «Белый генерал»)*

С детских лет из рассказов старожиллов Пресногорьковки о далеком прошлом, я часто слышал о есауле Николае Павловиче Кубрине. Характеризовали его только с положительной стороны те, кто прошел через гражданскую, ужасы коллективизации, голод и холод тридцатых и сороковых годов. Меня, комсомольца семидесятых, воспитанного на подвигах чапаевцев и других героев гражданской войны, немало удивляло тогда, что белогвардейский офицер, ушедший на восток с колчаковской армией, может быть наделен такими качествами как мужество, справедливость, героизм.

Однобокая трактовка событий давней войны привела к тому, что даже в увесистом томе «Гражданская война и военная интервенция в СССР», изданном в 1983 году, не нашлось места для многих военачальников белого движения. Сегодня появилась возможность восстановить хотя бы в общих чертах биографии наших земляков через архив-

ные материалы, публикации историков, мемуарную литературу. История жизни Николая Кубрина во многом типична для офицера царской армии той поры.

Попробуем восстановить важнейшие вехи его короткой и трагической жизни.

Николай Кубрин родился 12 мая 1876 года (29 апреля по ст.ст.) в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда в семье войскового старшины, дворянина Акмолинской области Павла Кубрина.

В 1887 году Николай поступил в Омский кадетский корпус. Корпус, основанный в 1813 году пресногорьковчанином Ф.К.Набоковым как казачье училище, к этому времени имел славную историю. Это было первое в Сибири специальное учебное заведение для подготовки офицеров, топографов, учителей, ветеринаров, агрономов, ремесленников. Его питомцы сыграли выдающуюся роль в военной, политической, экономической и культурной истории Сибири и Казахстана. Здесь учились Шокан Валиханов и Григорий Потанин, генералы В.Осипов, М.Казачинин, С.Панков, П.Ребров, А. Померанцев. В 1889 году лучшим учеником выпустился Лавр Георгиевич Корнилов, будущий герой белого движения на юге России.

После окончания училища Николай Кубрин в числе лучших выпускников уезжает в Санкт-Петербург и в 1895 году по 1-ому разряду оканчивает Николаевское кавалерийское училище.

В 1900 году состоялось боевое крещение - в чине сотника в составе 4-го казачьего полка Кубрин совершает поход в Маньчжурию. На следующий год Николай женится. Родился сын Коля, а в сентябре 1903 года - дочь Мария (в метрической книге Пресногорьковской церкви автор обнаружил запись «9.10.1903 года, родилась Мария, отец – подъесаул Перваго Ермака Тимофеева полка Сибирского казачьяго войска Николай Павлов Кубрин и законная жена его Мария Васильева дочь, оба православные. Крестные – сын подъесаула Николай Николаев Кубрин и учительница

Пресногорьковского женского начального училища Александра Георгиевна Зверева).

В 1904 году «неожиданно вспыхнула достопамятная и злосчастная для России война с Японией» (Г.Е.Катанаев). В феврале все льготные полки Сибирского войска были мобилизованы. Четыре полка: 4-й, 5-й, 7-й и 8-й образовали дивизию под командованием генерал-лейтенанта Н.Симонова. В апреле они выдвинулись на передовую линию Маньчжурской армии генерала Куропаткина

. На войну Николай Кубрин пошел подьсаулом в 7-ом казачьем полку. Принимал участие в боях под Вафангоу и кровопролитном бою под Ходцзяпудза, в котором погиб командир 7-го полка войсковой старшина Старков. Его заменил полковник Панков. Казаки полка блестяще показали себя на реке Шахэ и в многодневном сражении под Мукденом, прикрывая отходящие корпуса русской армии

Николай Кубрин получил ранение в ногу ниже колена, был награжден за воинскую доблесть орденом Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-ей степени с мечами и бантом, получил звание есаул.

В Пресногорьковскую Кубрин приехал в отпуск, на лечение после полученного ранения и поселился в большом деревянном доме (здание сохранилось). Он был назначен заведующим станицей и с головой ушел в хозяйственные дела.

Перед Первой мировой войной Николай Павлович служил помощником атамана 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска.

В начале мировой бойни Кубрин оставляет в Пресногорьковской жену, сына и четырех дочерей и отправляется на германский фронт. Последняя мирная фотография командного состава 2-ой бригады Сибирской казачьей дивизии сделана 14 сентября 1914 года в Петропавловске

Кубрин назначен командиром 1-ой сотни 7-го Сибирского казачьего полка. Полки с Горькой линии придали для

усиления четырьмя армейскими корпусами Северо-Западного фронта в качестве конницы. До конца весны 1917 года Сибирская дивизия воевала у Гродно и Вильно, а затем была отведена в тыл и «разбросана» для службы охраны по Минскому и Московскому военным округам.

2 июля 1916 года Кубрину было присвоено звание войсковой старшина. В одном из боев Николай получает ранение в голову. В этот период командование награждает его орденами Святой Анны 2 степени, Святого. Владимира 4ой степени.

В 1917 году, будучи командиром 7-го Сибирского казачьего полка, Кубрин пытался привести полк в Москву на помощь восставшим против большевиков юнкерам и офицерам, но сделать это не удалось. Армия развалилась в результате большевистской агитации. Фронт был открыт.

Казачьи полки возвращались домой с германского и кавказского фронтов. По пути следования их разоружали большевики, считая казаков реальной организованной силой, способной противостоять Советам. В Златоусте был разоружен 4-й Сибирский казачий полк. Неоднородное по своему социальному составу казачество колебалось, кто-то поддавался большевистской агитации, но в целом все были единомышленны – как можно скорее добраться до родных станций.

Видя такое положение, Кубрин в середине ноября 1917 года покинул полк под предлогом ревматических болей в нижних конечностях и хромоты, уволился с военной службы и уехал в Пресногорьковскую. Весной 1918 года бывший боевой офицер занялся хлебопашеством на землях, полученных им за службу.

После чехословацкого переворота в конце мая 1918 года начался последний трагический период жизни Николая Павловича Кубрина

О нем как о боевом офицере вспомнили в Омске.

21 июня он был вызван командованием и назначен начальником Сибирской казачьей дивизии. Началось форми-

рование полков, трудно было заставить воевать людей, только что сменивших оружие на мирные заботы. Об этом периоде Кубрин пишет «после июньского переворота 1918 года, когда положение было неопределенно, когда замаскировавшиеся коммунисты искали пищу среди формируемых первых казачьих частей – формирование казачьих полков требовало большого, исключительного напряжения энергии. При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь офицерству пришли старики станичники, выставившие полки».

Н.П.Кубрин и его дивизия приняли участие в боях за Уфу в мае 1919 года. В дивизии было около 2000 шашек, 6 орудий, 18 пулеметов. Под станцией Чипмы Сибирская казачья дивизия сражалась против 25-ой стрелковой дивизии В.И.Чапаева и каширинцев, красных оренбургских казаков. 9 июня сибирские казаки участвовали в атаке, которую показали как «психическую» в фильме братьев Васильевых «Чапаев». Бои были очень тяжелыми – чапаевская дивизия лишилась половины личного состава.

В августе 1919 года дивизии Пятой Красной армии под командованием М.Н.Тухачевского начали наступление на Петропавловск. Война пришла на родную землю полковника колчаковской армии Николая Павловича Кубрина. Станица Пресногорьковская несколько раз переходила из рук в руки, о чем свидетельствуют документы из архива Советской армии, хранящиеся в г.Москве. 19 сентября А.В.Колчак, будучи на фронте в Конной группе 2-ой армии за отличие в боях на Тоболе произвел Кубрина в чин генерал-майора.

К концу сентября красная армия была отброшена за Тобол, но 14 октября вновь началось наступление 35-ой стрелковой дивизии под командованием К.А.Неймана по казачьему тракту. Началось отступление белых на восток. 30 октября пал уездный город Петропавловск.

Из Пресногорьковской на восток ушли многие жители, среди которых был Сергей Преображенский, сын расстре-

лянного священника (умер в 1990 году). Отступление было страшным – холод, голод, тиф косили людей. Под Омском генерал Кубрин собрал одностаничников во главе с атаманом Иваном Яковлевичем Вяткиным и предложил им возвращаться домой. Он понимал, что дальнейшее продвижение на восток в условиях сибирской зимы влечет за собой гибель людей. Часть людей послушали его и вернулись, чем спасли себе жизнь. Великий Сибирский Ледяной поход для 1-ой Сибирской казачьей дивизии закончился под Красноярском. Ее полки не смогли пробиться на восток в обход города.

6 января 1920 года штаб дивизии вместе с командиром был пленен красными. Многие казаки дивизии лишь весной вернулись в станицы, среди них пресногорьковчане хорунжий Иван Шилов, Егор Лавринов, Федор Коробейников, Михаил Веневцев, Роман Парфенов и сотни других. Часть из них погибли через два года во время Западно-Ишимского восстания, другие были расстреляны в 1937-ом.

Большая часть казаков разоружилась в селе Минине. Кроме Кубрина в плен попали начальник 3-ей дивизии полковник Н.К.Рагозин и командир отдельной Сибирской казачьей бригады полковник В.Е.Первушин.

После ареста, с 1 февраля Н.П. Кубрин содержался в Красноярской тюрьме. По некоторым данным его расстреляли зимой 1920 года в Омске, по другим – приговор генералу был вынесен 13 июля того же года. Он обвинялся в том, что служил в белой армии. Дело было направлено в Красноярскую ЧК, «окончательного решения по делу не принято». Реабилитирован в 1996 году Омской областной прокуратурой.

Так закончился жизненный путь русского офицера, потомственного дворянина Николая Павловича Кубрина. Семья его находилась в обозах отступающей армии и осталась в Красноярске. Сын Николай летом 1919 года с кадетами Омского корпуса был эвакуирован во Владивосток.

Дальнейшая судьба жены и детей неизвестна (когда книга готовилась к печати, удалось узнать, что одна из дочерей – Мария, записанная в метрической книге Пресногорьковской церкви в 1901 году, до своей кончины проживала в г.Омске, фамилия ее по мужу – Артюхина, дети Борис и Людмила). Старшая сестра Николая Павловича Анна (1872 г.р., в замужестве Шехтер) умерла в Пресногорьковке в 1920 году. У нее осталось четверо детей – Мариамна, Николай, Павел, Лидия. Младшая сестра Елизавета в 1932 году была арестована в Пресногорьковке, репрессирована, провела в заключении около восьми лет. Дом Шехтера, в котором она проживала, перешел в собственность ГПУ. Ее сын, Виктор Семенович Мошков, пережил ужасы ленинградской блокады. Внучка Маргарита (1946 г.р.) ныне проживает в Санкт-Петербурге.

История гражданской войны еще не написана полностью, а между тем на нашей родной земле, по словам историка В.А.Шулдякова «происходили события столь же драматичные, как на «тихом Дону», на «вольной Кубани». И здесь мучила разум ненависть, и здесь ходили корпусами в конные атаки, сшибались в шашечных рубках, совершали военные перевороты, гибли массами от тифа, поднимались на мятежи и шли с кольями на красноармейские пулеметы»...

В этом убеждаешься, читая расстрельные списки со знакомыми с детства фамилиями, изучая сухие рапорты командиров полков, стоя на невысоких братских могильных холмах. За всем этим – люди, любившие жизнь и Отечество.

Пресногорьковка после гибели Сибирского казацкого войска

Ветер гражданской войны разметал по свету пресногорьковчан. С Дутовым, Анненковым, Капшелем они уходили, гонимые одностаничниками, в Синыцзяни Маньчжу-

рию, к Унгерну и Семенову, надеясь вскоре вернуться на линию. Часть их, подобно Федору Ермолаеву, вернулись из скитаний. Для большинства таких как вахмистр Григорий Грязнов, возвращение не состоялось. Лишь в 70-е годы несколько невест откуда взявшихся стариков приезжали в Пресногорьковку вспомнить молодость, да в 1992 году дед Токарев предъявил документы на владение двухэтажным домом, в котором родился до революции. В середине 50-х годов в северном Казахстане начали появляться внуки тех, кто в годы гражданского противостояния ушел на Восток с отрядами Дутова и Колчака – они родились в далекой Маньчжурии - в Хайларе, Харбине, Драгоценном. С детства они слышали от дедов рассказы о покинутой родине и, после разрешения советского правительства на возвращение, началась реэмиграция. Так появились в Пресногорьковке Запрудины, Тулакины, Говердовские.

Дома Петра Ромашова, Канахина, Михаила Казина, Николая Кубрина, Шехтера, Едриловой, Вяткина были отданы под совучреждения – нарсуд, волисполком, ГПУ. Среди принимавших участие в установлении советской власти следует назвать бывшего урядника Бориса Бедрина, бывшего сотника Игнатия Усачева, изрубленного белыми под Акчикуля Никифору Комаху, Семена Кожева. Руководящий актив волости состоял: секретарь райкома РКП (б) Давыдов, заместитель Паузин, председатель волисполкома Успеньев, народный судья П.Ширяев, уполномоченный ГПУ И. Губин, заготовитель Е.Чернооков. Первыми в комсомол вступили Г.Мордовский, П.Стерехов, В.Юсупов, Е.Трофимова, А.Зверева, Ф.Савчук, М.Канахин.

Летом 1921 года снегопад уничтожил посевы, наступил голод. По лесам еще бродили остатки банд и стреляли в окна активистов «бывшие», но уже отменили продразверстку и разрешили продавать свой хлеб. В 1922 случился небывалый урожай, который дал возможность получить семенные запасы зерна. НЭП дала свои результаты. «У многих появились брянские и сакковские плуги, зигзаги,

буккеры. Более состоятельные хозяева приобретали сенокосилки, конные грабли, лобогрейки, самосброски, сноповязалки. Появились веялки, молотилки с конным приводом». В Пресногорьковке существовал ряд артелей, самой крупной была артель «Труд кожевника», организованная в 1927 году. Открылись кооперативные магазины.

«В возрасте 2 – 3 года помню ежегодные ярмарки на площади возле церкви. Наша изба стояла здесь же у казачьих валов. На ярмарку съезжались торговцы отовсюду. Продавали скот, зерно, всякую живность, продукты питания. Ставились балаганы, карусели. Проводились различные аттракционы. Это были годы НЭПа. Было все. Горы сладостей. Даже продавался живой сахар, который шевелился, пересыпался сам. Такого сахара я больше не видел по сей день, и каков его секрет – не знаю. Казахи из аулов приезжали на верблюдах, привозили кумыс, баурсаки, курт и другие кушанья. Ребятя гурьбой бегали смотреть на верблюдов.

Жили мы в рубленной деревянной избе из толстых сосновых бревен, покрытой тесом, тесовые сени и сарай. В избу вело высокое крыльцо. Помню русскую печь и полати. Пол в избе при мытье скоблился ножом до белизны. Окна закрывались на ночь ставнями.

Учился в 2-х этажной школе из круглого строевого леса. В ней училась еще моя мать. Стояла она сразу за церковью с северной стороны, за ней шли крепостные валы. На первом этаже была учительская, в фойе – зрительный зал и сцена. Жители принимали активное участие в постановке спектаклей. Пел там станичный хор. Я еще ребенком участвовал в постановках, Помню, играли сцену на Красной площади у Мавзолея. Меня держит на руках отец, а я кричу: Сталин идет к мавзолею, и Молотов, и Каганович, и Ежов.

Здесь же показывали и кинофильмы. Света не было, и крутили ручную динамо-машину. Киномехаником был Мордовский Г.Н. Все звали его просто Ганя. Мальчишки

по очереди крутили ручку динамо, чтобы попасть бесплатно на фильм. Они были немые, только в 1936 году стали звуковые. Это «Чапаев», «Истребители». Смотрели их по нескольку раз. На втором этаже - просторные, светлые классы с большими окнами. Любимым занятием у нас после уроков была игра в бабки и лапту. Возле школы была спортивная площадка, где были установлены Гигантские шаги, гимнастические кольца, турник. Здесь мы тоже проводили много времени. Зимой катались на санках и лыжах с горок на окрестных валах. Коньки были редкостью и больше самодельные. Первый мороз и еще тонкий лед, а мы уже на Пресном озере, бороздим его. Были и трагические случаи, утонули, катаясь на коньках, Васька Шлыков, сын военкома, Петька Фиронов. Проваливались под лед и другие мальчишки, но их спасали взрослые, купаясь в холодной воде, но все равно на лед бегала почти вся школа. Катались на льду и девчонки. Всем было весело». (Ермолаев Ю.Ф.).

В 1929 году с новой экономической политикой было покончено. В 1930 году началась коллективизация сельского хозяйства. Как следствие этого, в апреле 1930 ого был убит уполномоченный ГПУ А.А Плешаков. «В 1933 году наша семья в зиму была выселена из Пресногорьковки под Сибирку на озеро Тычек. В одной земляной яме жили три семьи, спали на нарах, топили соломой, часто приезжал милиционер, осуществлял дозор. Отца арестовали, у моей мамы при обыске активисты вырвали из ушей серьги, два кольца она зашила мне в платье. Нас спасли казахи, увезли в степь. На озере Шумном за Троебратным тоже жили такие семьи» (воспоминания Костыриной Т.А.). Секретарь райкома Засыпкина погубила весь скот в селе. Коров согнали в загон за «каменным» магазином (ныне «Березка»), там стояли склады с трехгодовым запасом семенного зерна. Коров не доили, не кормили, они будали друг друга, гибли. Лес Ракиты был завален трупами павших животных. Засыпкина носила красный платок, была мужского телосло-

жения, коротко подстрижена, волосы нечесанные. Одним своим видом наводила страх на население» (очевидец). Была организована коммуна «Путь бедноты», но дела в ней шли плохо. На базе Пресногорьковской коммуны организовали колхоз. Одним из первых председателей колхоза стал Константин Иванович Егоров, взводный отряда Ковалева.

В 1934 году двадцатипяти тысячник из Петропавловска Семен Морозкин стал начальником МТС, расположившейся на восточной окраине села (умер в 1937 г., похоронен в березовом колке, на окраине села). В ней насчитывалось 34 маломощных колесных трактора СХТЗ, ремонт которых проводился в саманной МТМ. «Появление тракторов вызвало у местных жителей страх и удивление. Десятки, сотни людей шли к центру будущей МТС, смотреть на эти загадочные машины» (М. Попсуй). «Вся станица, стар и мал, вышли на улицу, дети ревели, старики разводили руками – идет телега без лошади» (очевидец). К осени 1934 года поступили прицепные комбайны «Коммунар» и СКЗ. В 1935 году прибыло 4 трактора ЧТЗ с плугами. Специалисты МТС обслуживали 12 колхозов: им. Буденного – Починовка, «Путь Ильича» - Камышловка, «Коминтерн» – Казанка, Пилкино, им. Ленина – Пресногорьковка, им.Розы Люксембург – Крутоярка, «1 мая» – Первомайка, Волна, Гренадерка., «Красный летчик» – Песчанка, «Путь бедноты» – Сибирка, К.Маркса, Червона Зирка – Евгеньевка, Серп и Молот – Ксеньевка, Ивановское, Моховое, им. Калинина – Федоровка, Укаткан, Жанатлек.

Первыми механизаторами стали Н.А.Успеньев, И.Шешминцев, В.Фиронов, Ф.Исаев. В 1938 году открыли автобазу. Разместили ее у кладбища, где впоследствии в зданиях барачного типа размещалась школа. Когда-то на этом месте жил купец Лученинов, стоял добротный дом с пристройками.

Первым ее начальником стал М.П.Попсуй. Его сменяли Недобоев, Софрон Иванович Банщикова, Нескромный. Вна-

чале это была автоколонна с 18 машинами, а к 1941 году в ней было уже 120 автомобилей. Во время войны они вместе с шоферами были отправлены на фронт.

25 июня 1931 года открылась мельница, а ХПП, построенный из плетеных стен, начал принимать зерно в 1933 году. В доме, где некогда ночевал последний российский император, в 1928 году заработала больница. Главным врачом долгие годы работала москвичка Валентина Алексеевна Губарева.

В страшном 1937-ом семьи «врагов народа» вывозили под сибирку и оставляли в белом поле. В здании НКВД (ныне здание акимата) «тройка» проводила допросы арестованных. Очевидец событий вспоминает: «утро принесло страшную весть. Ночью арестовали все районное руководство, учителей Петра Стерехова, Петра Соколова, Бориса Канахина. Этот день для Пресногорьковки был траурным. Глядя на горе и слезы людей, растерялся и я. На другой день приехали ко мне Рамазан и Кусаин – старые друзья и предложили скрыться в колхозных аулах. Пока не кончились аресты до января 1938 года я жил у них» (Ф.Церахто). Сегодня нам известны некоторые фамилии арестованных в летнюю ночь «расстрельного» года. Это председатель райисполкома А.С.Синицкий, начальник РО НКВД Л.А.Посунько, уполномоченный по заготовкам А.С.Воронков, зав. ХПП П.В.Лещев, управляющий Госбанком А.И.Романов, бухгалтер райпотребсоюза Ф.М.Ермолаев (арестован 20 сентября, расстрелян 5 октября, реабилитирован посмертно), прокурор Уткин, работник райисполкома Богданчиков.

Из воспоминаний Ю.Ф.Ермолаева: «20 сентября 1937 года пришел из школы. В доме шел обыск и в избу меня не пустили. Забрали ружье, а больше ничего не нашли. Отца увели, а мы с матерью сидели и плакали. Пришли родственники и стали говорить, что это недоразумение, разберутся и выпустят. Мы не верили, что наш отец «враг народа» и тоже думали, что разберутся. После этого я видел от-

ца только один раз, когда ходил с матерью в милицию. В ограде НКВД я случайно увидел его, их выводили из КПЗ (нынехозпомещение акимата) во двор и он грустно посмотрел на меня и заплакал. Место его захоронения неизвестно. Мать рассказывала, что в магазине жена секретаря райкома Воронкова заявила, что нечего продавать хлеб «врагам народа», пусть подыхают. Мать в слезах пришла домой, а через три дня арестовали самого Воронкова. Учился в школе на «отлично». Несмотря на то, что был сыном «врага» в 1938 году был отправлен отдыхать в пионерский лагерь в Боровое...»

Во время суда учитель русского языка Петр Михайлович Стерехов, бросился на свидетеля и умер от инфаркта. Он не был признан врагом народа, его дочь Нина долгое время работала в райкоме партии.

Воспоминания о начале Великой Отечественной войны Ермолаева Юрия Федоровича:

«в воскресенье 22 июня 1941 года был яркий солнечный день. После обеда прошел теплый и быстрый ливень. Мы с друзьями побежали с утра на озеро Татарское, а оттуда в лес Татарский, где проходила районная спартакиада. Она проводилась здесь много лет после создания Пресногорьковского района.

Часам к 8 в лес прибыли работники общепита с палатками, кухонными и столовыми принадлежностями, со сладкими и горячительными напитками и иной снедью. Стали прибывать представители из колхозов. Их было тогда 36. Ехали на конских повозках, автомашин было немного – на район было авторота из 30 – 40 автомобилей. Начались спортивные соревнования и народное гуляние. Мы бегали по всему лесу и смотрели на соревнования и конные бега в ковыльной степи. Повсюду дымился бешбармак, для приготовления которого, колхозы везли живых баранов. Зазвучали песни. Началось веселье. У ребятни денег не было, и мы побежали домой. Проглотив по куску хлеба и запив молоком, пошли снова в лес. Мы шли рядом

с Лазаретником, ближайшим колком от станицы. По дороге из Татарского уже шли толпы людей, громко разговаривая и жестикулируя руками. Прислушавшись, мы поняли, что речь идет о войне с Германией...

Мужское население Пресногорьковки отправляли на подводах и автомашинах на станцию Лебяжье в 110 км от крепости, а оттуда сразу на фронт. Мобилизация шла потоком. Бронь имели только 30 советских и партийных работников, да председатели колхозов. Стали приходиться похоронки на погибших. Дети занимались заготовкой продуктов: собирали грибы, ягоды. Грибы солили бочками, ягоды сушили. Заготавливали топливо на зиму. Лесники ловили порубщиков, отбирали дрова, топоры и штрафовали. По Базарной площади маршировали строем, подлежащие мобилизации мужчины. Наступил 1942 год. Жить становилось тяжелее. Жестокая морозная зима загоняла всех в свои избы и землянки. Спасались мы на русской печи и полатях. Ночью ходили в Татарский лес украдкой с топором, чтобы срубить березу и притащить на дрова. Лесники ловили и ночью, выезжая на стук топора. У нас в избе появилась железная печка, топили ее всякой щепой. Приезжало все больше семей эвакуированных из блокадного Ленинграда, они рассказывали о войне, мы жадно слушали их. Но говорить правду было нельзя. Боялись НКВД. Стали прибывать выселенные семьи немцев. Их почему-то местные жители сначала презирали, но потом стали уважать за трудолюбие. В школе было холодно, сидели на уроках в одежде, писали на старых газетах, не хватало керосина, и уроки велись только днем. Но школа есть школа, и мы учились, смеялись и веселились. Весной мы ринулись на сбор яиц - утиных, гусиных, гагар и лысух. Все шло в пищу. Собирали полевой лук, чеснок. У кого были сети, тот ловил рыбу. Враг рвался к Сталинграду, стало больше похоронок. 15-летних подростков стали обучать военной подготовке. Осенью убирали хлеб весь до каждого колоска. Школьников гоняли на сбор колосков, за кражу несколь-

ких колосков давали до 5 лет лагеря. В сентябре нас отправили в Комендантские леса в 10 км от села пилить вручную лес. Спали мы в шалашах вповалку, тесно прижавшись друг к другу. По вечерам жутко выли голодные волки. В середине октября стали дрова вывозить в Пресногорьковку. Возили их на саях, в которые были впряжены быки. 10 ноября 1943 года нас провожали в армию. Со мной вместе уходили мои школьные товарищи - Ваня Татаринцев, Гоша Ульянов, Вася Фионов, Саша Степанов, Митя Бобрешов, Ваня Зенепрецов, Толя Калабаев, Коля Дегтярев. Родители провожали нас со слезами на глазах. Играла гармонь. С плачем и смехом нас посадили на подводы и отправили на станцию Лебяжье».

Во время Великой Отечественной войны на фронтах погибли более 120 человек, призванных Пресногорьковским РВК. Умер от истощения узник лагеря Ламсдорф Сергей Воропаев, чей дневник читал на Нюрнбергском процессе Генеральный прокурор СССР Руденко, убит в бою под Могилевом А.Зенепрецов, о котором генералом С.П.Мальцевым написана книга «Когда опасность рядом», погиб в ленинградских болотах директор школы М.Г.Гужва. Кадровыми военными были генерал Ф.А.Коляда, полковники Н.И.Хизун, В.Г.Козлов, Ф.И.Савчук, М.Ф.Журавлев, А.Ф.Степанов.

Мужественно били врага Ф.Н.Емельянов, А.Т.Горячкин, Н.С.Савельев, И.М.Коваль, С.Рахметов, Н.Е.Рычков, А.Артыкбаев, С.Н.Ряписов, Н.М.Плеханов, А.Л.Кравченко, И.К.Статьев, Н.К.Статьев, П.М.Чечелев, Г.П.Михин, Т.С.Немчинов, А.Я.Краевский, В.А.Успенев, Н.Г.Вяткин, Н.С.Стулинцев, Л.С.Стулинцев, И.В.Зенепрецов, И.А.Макаренко, Т.Е.Чирков, Р.А.Белоусов, Р.Бухметов, Н.Кобжесаров, Н.П.Поленчук и другие.

В марте 1954 года на освоение целинных земель в Пресногорьковский район стали прибывать механизаторы из Украины. М.З.Кравченко, В.М.Охрименко. П.И.Пужкало, А.В.Новиков, В.Ю.Черныш были награждены орденом

«Знак Почета» и навсегда связали свою судьбу с Пресногорьковкой. Район получил 196 тракторов, 62 комбайна, 92 автомашины. В 1954 году государству было сдано 736375 пудов хлеба.

Из воспоминаний Тамары Львовны Канахиной: «весной 1954 года я работала секретарем комсомольской организации райкома комсомола. Почти ежедневно мы встречали посланцев разных республик и определяли по квартирам. Встречали всегда с музыкой. Сколько было смеха и веселья. Молодежь была городская, приезжали в легкой одежде, туфлях. Приходилось искать им валенки и теплую одежду у сельчан. Часто приходилось ездить за целинниками в на станцию Лебяжье Курганской области. Оттуда ехали на тракторе, к которому были прицеплены сани с будкой. Молодежь была разной, некоторые, не выдержав трудностей, уезжали. Таких клеймили позором, сообщали по месту работы. Часто проводили молодежные фестивали в Татарском лесу – художественная самодеятельность, конные соревнования, волейбол и др.»

В 1957 году на базе Пресногорьковской МТС произошло объединение колхозов им. Сталина, им. Ленина, им. Мичурина в совхоз «Пресногорьковский». Первым директором назначили Волкова, позже из области прислали Гурина Александра Максимовича. С февраля 1960 года директором на долгие годы стал выпускник Троицкого ветеринарного института Илья Максимович Раскевич. В тот год у трудящихся села в личном пользовании имелись автомашина марки «Победа», 8 «москвичей», 330 мотоциклов, около 100 велосипедов (в 1915 году велосипед на все поселки округа был один – у начальника почты), появились репродукторы, граммофоны. В год организации совхоза с площадью 19250 га, собрали 8138 т зерна, произвели 768 т молока, 186 т мяса. Стадо КРС насчитывало 2469 голов. Прибыль от реализации сельскохозяйственной продукции составила 390 тыс. руб. В 1979 году совхоз произвел на тех же площадях 34,5 тыс.т. зерна, 5702 т молока, 1429 т мяса, в

совхозе насчитывалось 12000 голов КРС, прибыль составила 2,5 млн.руб. Совхоз строил большое количество квартир для рабочих (до 30 в год), появились новые улицы за «Ригой».

Улучшилось медицинское обслуживание. Если в 1928 году медперсонал составляли врач, 4 фельдшера и 3 медсестры, то в 1960 году новое здание больницы было рассчитано на 100 коек, поликлинику, родильный дом, тубдиспансер на 120 мест. Имена работавших здесь врачей широко известны за пределами области – Шкирдин, Татаринцев А.М.(старейший фельдшер, принимал участие в 1 мировой войне), Губарева В.А, замечательный врач – онколог Ильясов Анатолий Васильевич. Главврачами районной больницы были Шавва А.Ф., Савин Е.Н., Галяс И.И.(приехал на целину из Тернопольской области в 1961 году), Силюк С.Н. Медсестры: Галяс В.И., Парфенова Л.Н, Виниченко Е.Н., рентгентехник Божко М.В. На территории Пресногорьковского сельсовета дети учились в средней и трех начальных школах. Там работали старейшие педагоги – О.Е.Шавва, Е.М.Ширяева, М.Н.Стулинцева, К.П.Евсеева, А.Ф.Ковалева, Н.П.Скрипниченко, Е.А.Проценко, В.М.Кирюшкина. В 1958 году построили Дом культуры на 300 мест с кинозалом и актовым залом (сгорел в 1994), СМЦ имел свой клуб на 75 мест. Радиоузел, работающий с 1935 года, после война снабжен аппаратурой. У озера второго Соленого располагался маслозавод. Масло и сыр, который здесь изготавливали, отправляли для продажи за рубеж. Долгие годы директором маслозавода работал Садовой И.С. Население Пресногорьковки составляло тогда 6902 человека. Улицы охватили озеро Пресное кольцом, село негласно делилось на три части – совхоз, трест, центр. В селе дружно проживали люди разных национальностей - русские, казахи, украинцы, татары, цыгане, армяне, греки, азербайджанцы, белорусы и другие. На протяжении многих десятилетий происходил процесс взаимопроникновения культур. В 1944 году начался геноцид немецкого народа, в село

привезли спецпереселенцев из села Асуреты, Акбулакского района Грузии. Немцы внесли огромный вклад в развитие экономики Пресногорьковки. Находясь на положении изгоев в родной стране, испытав все ужасы переселения и моральные издевательства, оказавшись в жестоких климатических условиях, они своим отношением к окружающим, тяжелейшим физическим трудом, завоевали уважение местных жителей. Такие фамилии как Курц, Ламм, Миллер, Ульмер, Шлехт, Каус, Роммель, Шетле, Гефенедер, Мессерле, Бюль, Кромер, Зиберт, Аберле, Крейтер, Тейш, Шнейдер до сих пор звучат в воспоминаниях старожилов, и характеризуются лишь с положительной стороны. Эти же фамилии можно встретить на страницах районных газет «За коммунизм» и «Светлый путь» в графах «Победители социалистического соревнования» и на «Доске Почета».

После 1991 года началось возвращение немецкой диаспоры на историческую родину. Через пятнадцать лет в Пресногорьковке осталось несколько немецких семей. Те, кто уехал, с ностальгией вспоминают годы, проведенные в Северном Казахстане.

В 1963 году при первом секретаре райкома К.А.Запорожском Пресногорьковский район перестал существовать, начался естественный отток населения (в 2003 году – численность населения в бывшем райцентре чуть более 2000 человек). Директорами гигантского хозяйства с 30000 га пахотной земли и 13000 голов скота - совхоза Пресногорьковский – были И.М.Раскевич, В.И.Кононенко, П.Д.Зубенко, А.К.Аманжолов. Огромный вклад в развитие совхоза внесли – Герои Социалистического Труда Калачев М.П. (гл. агроном), управляющий отделением агроном Романченко Н.И., механизатор Чирков А.П., Вяткин Г.И. (гл.экономист), Обознов В.Н.(ветврач), Михин А.Г (зоотехник), Коваленко М.В.(зоотехник), управляющие отделениями Настюшкин Н.И., Федянин А.А., Панин М.И., Ризаев А.Г., Драгунов И.С., Панасенко Д., Успеньев В.П. (ветврач), зав. МТМ Золотухин А.А., лауреат Государст-

венной премии животновод Денисов В.И. Председателями исполкома сельского Совета избирались Жигалов, Александра Большакова (жители называли ее атаманом в юбке), Константин Михайлович Пожидаев, Иван Архипович Коротенко, С.Н.Михайличенко, С.У.Усенов, А.Я.Краевский, 25 лет проработал на этой должности Виниченко Николай Дмитриевич (с 1971 по 1996 год). С 1996 года акимом сельского округа работает Бухметов М.Ж.

История школы

Пресногорьковская средняя школа является самым старым учебным заведением Костанайской области. Она была открыта в 1861 году как казачье одноклассное училище 1-ого военного отдела. Обучение велось отдельно для девочек и мальчиков (ЦГИА, Санкт-Петербург, ф.91.). У Г.Н.Потанина в «Материалах по истории Сибири» (1866 год) читаем: «...начальниками школ были полковые командиры, которые могли быть совершенно несведущи в деле воспитания. Школы очень бедны учебным материалом. Две стопы бумаги наполовину удерживаются станичным начальством, наполовину распродаютя учителем казакам на письма. Две аспидные доски в буграх и ямах, карандаш и перочинный ножик на всю школу...». В 1893 году в школе обучалось 30 мальчиков и 17 девочек. Учителей было трое, священник Яков Киселев читал Закон Божий (по документам Святейшего Синода). В 1910 году, по свидетельству очевидца, «школа размещалась в одном ветхом деревянном доме, где были расставлены в два ряда 10 парт. За каждой сидели 4 ученика. Одежду клали на сиденья под себя. Занимался со всеми четырьмя классами один учитель...».

С 1914 года в школе стали обучаться дети казахов, имеющих возможность оплатить обучение. Через четыре года их обучалось 25 человек. Баймагамбет Зтулин, известный просветитель, писал осенью 1915 года Сабиту Мука-

нову «...я перебрался в станицу Пресногорьковскую и начал учиться. Учитель мой - Сергей Иванович Лиходзеев поддерживает во мне уверенность в моих незаурядных способностях. Казахских ребят здесь немало. Это приятно. Конечно, это дети богатых, состоятельных людей, и я с грустью думаю об одаренных и любознательных, которые не могут попасть в русскую школу, потому что бедны...» (С.М.Муқанов «Школа жизни»). Зулин был расстрелян белоказаками в Петропавловске во время мятежа 1921 года. По мнению С. М. Муқанова он являлся одним из основоположников казахской советской поэзии.

Габит Махмудович Мусрепов с особой теплотой вспоминает об обучении в школе в период с 1918 по 1921 год. «В школе думали о нашем земном будущем. Желающие могли обучиться столярному ремеслу, были свои каменщики, свои швеи...». Спустя много лет автор «Солдата из Казахстана» и «Пробужденного края» писал: «Иногда меня спрашивают: «А почему вы стали писателем?». Ответ у меня давно наготове: «Потому, что так велела Сильвия Михайловна, моя учительница в Пресногорьковке. Я не мог ее не послушаться...» («Автобиографическая повесть»).

В 1914 году открылась новая школа – большое двухэтажное деревянное здание с пятью круглыми печами, построенная за два года на средства станичного управления. Она расположилась севернее церковного кладбища. Построена школа по инициативе ветеринарного врача Шехтера А.П., сосланного в Пресногорьковку из Санкт-Петербурга за участие в студенческих демонстрациях. «Бревнышко по бревнышку свозили мы к месту строительства, мы понимали, для кого затеяно это большое дело и старались вложить в него не только средства, но и теплоту наших сердец» (воспоминания старожилы). Стены школы хранили следы от осколков снарядов, оставленные в 1919 году.

В памяти старожилов учителя Анна Христофоровна Преображенская, Сергей Иванович Лиходзеев, Мариамна Александровна Шехтер, Александра Федорова,

Поиск автором людей, построивших деревянное двухэтажное здание школы в 1914 году, привел к Александру Петровичу Шехтеру, а вернее к его внукам и правнукам, проживающим в Москве. Вот, что мне удалось узнать об этом замечательном человеке.

Родился Александр Петрович в Одессе в 1862 году, в семье переселенцев из Курска. В молодом возрасте увлекся идеей устройства справедливого общества, подружился с известным народовольцем Б.Д.Оржихом, который вовлек его в революционную деятельность. В семье Шехтер уже были осужденные за причастность к делам «Народной воли»: двоюродные сестры Саши, Софья и Анастасия, в 80-х годах отбывали каторгу в Забайкалье.

В 1885 году в Харькове, будучи студентом ветеринарного института, Александр создает подпольную группу, занимавшуюся распространением нелегальной литературы и работой типографии. Один из нестойких членов группы – Елько, после ареста на допросе выдал товарищей полиции. После первого ареста Александр был исключен из числа студентов и сослан в Полтаву. Начались долгие годы жизни под надзором полицейского управления.

В 1886 году Александру вместе с молодой женой разрешили проживание в Курске, где остались родственники Шехтеров. Здесь он вновь был арестован и посажен в Курскую тюрьму. После двухлетнего пребывания в заключении Александр был сослан на Север в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) сроком на пять лет. Жена с маленьким сыном Борисом ушла от него, этот разрыв Александр переживал очень тяжело, даже заболел нервной болезнью. По возвращении ему было запрещено проживание в столице и университетских городах. Александр стремился закончить начатое когда-то обучение, но лишь в 1896 году получил разрешение на поступление в Казанский ветери-

нарный институт. После окончания факультета Александру Шехтеру было предложено поехать в станицу Пресногорьковскую Петропавловского уезда Акмолинской области, под надзор полиции, который был снят только в 1917 году.

В 1902 году Александр Петрович женился на Ане Кубриной (1872 г.р.), сестре будущего колчаковского генерала Николая Кубрина. Тогда еще подьесаул, Кубрин был категорически против брака дворянки с «каторжником», поэтому молодым пришлось тайно венчаться в соседней Песчановской церкви. Брат порвал всякие отношения с сестрой и не общался с ней вплоть до своей гибели в 1920 году. Дети его очень хорошо отзывались о «тете Анне Павловне», бывали в гостях у Шехтеров.

Александр Петрович и Анна Павловна жили в хорошем деревянном доме в центре станицы. Здесь появились на свет дети: Мариамна (1902-1952гг.), Николай (1904-1984гг.), Павел (1905-1971 гг.), Лидия (1908-1992 гг.). Всех их крестили в ста метрах от дома – в Пресногорьковской церкви.

Александр Петрович проводил в станице большую просветительскую работу, совмещая ее с основной работой ветврача и врача. При церкви он организовал воскресную школу, в которой все учителя, в том числе и он сам, работали бесплатно. Они учили талантливую молодежь, не имеющую возможность оплатить обучение. Здесь же проводились любительские спектакли и концерты, средства от которых шли на приобретение учебного материала. В 1910 году было образовано «Братство». Эта организация имела неплохую библиотеку, была открыта народная столовая и магазин «Самопомощь». В нем все продавалось значительно дешевле, чем в купеческих лавках. А.П.Шехтер активно способствовал созданию потребительской кооперации и организации кредитного товарищества в крупной торговой станице.

В 1912 году А.П.Шехтер убедил население поселков Пресногорьковской волости о необходимости строительств-

ва высшего начального училища. Он ездил на прием к князю Трубецкому (прием велся исключительно на французском языке) и командир Его Императорского Величества конвоя пожертвовал 3000 рублей. Методом народной стройки была возведена двухэтажная школа (об учебе в ней в 1918-1921 гг. с большой теплотой вспоминал писатель Г.М.Мусрепов). В период гражданской войны А.П.Шехтер преподавал математику и русский язык из-за отсутствия учителей. 1-я Мировая война помешала бывшему народо-вольцу построить в станице «народный дом». Зимой 1919-1920 гг. в волости свирепствовала эпидемия тифа, и А.П.Шехтер с утра и до поздней ночи оказывал помощь больным, посещая их на дому. В 1920 году скончалась Анна Павловна, верный друг и помощник во всех делах. Александр Петрович остался один с четырьмя детьми. Большую помощь в их воспитании оказала сестра жены Елизавета Кубрина, арестованная в 1932 году и осужденная на 8 лет, как сестра белого генерала. Б.Д.Оржих написал об этом периоде жизни своего друга: «У него была в конце жизни какая-то своя, особая вера, с совершенно специальной психикой». Видимо, именно эта вера была путеводной звездой на всем жизненном пути Александра Петровича.

Но в 1922 году нечеловеческие перегрузки и испытания прервали жизнь Александра Петровича Шехтера.

Его воспитанница, директор школы, награжденная Орденом Ленина, Т.Д.Меринаова пишет в 1978 году внуку Владимиру Павловичу Шехтеру: «Он добросовестно, безупречно выполнял свою работу, пользовался большим авторитетом у граждан станицы. Все, что делал этот энергичный, добрый человек, было направлено на улучшение жизни народа. Умер он скоропостижно, ночью, от стенокардии. Днем еще занимался в школе, учил детей арифметике. Он был хорошим учителем. Дети его любили».

Четверо детей Александра Петровича и Анны Павловны закончили высшие учебные заведения в Омске, Ленинграде и Москве. Они прожили достойную, полную лишений и горестей жизнь, неся в душе свет добра, подаренный им замечательными родителями. Этот свет по сей день живет в сердцах многочисленных потомков семьи Шехтер. Но это уже другая история...

В 1920 году школа получила статус высшего начального училища с семилетним сроком обучения – по его окончании можно было поступить в 5 класс гимназии или на двухгодичные учительские курсы в Кургане. Десятилеткой школа стала в 1931 году. Первый выпуск со школьной скамьи ушел на фронт в 1941-ом. Учителями в 1938 году работали Шмакова А.И., Копейкина Е.М., Синицина А.И., Перцева Е.П., Чернова Е.А., Птицина А.Ф., Седельникова В.П., Егорова Е.Б., Масютина Л.Ф., Задорожная Ф.М., Смирнов В.В., Канахина А.П., Федосенко С.С., Томм А.В., Токбулатова У.С., Федяева А.В., Степанова Е.Т., Мальхина Е.И., Чернова Е.А., Меринова Т.Д.

С 1938 по 1950 год в школе вел физику А.Н.Аксельрод, сосланный из Ленинграда вместе с женой Тamarой Давыдовой Гольдштейн, кандидатом математических наук (он был осужден за то, что приходился племянником П.Б.Аксельроду, организовавшему с Г.В.Плехановым первую марксистскую организацию в Женеве). Много лет учили детей А.М.Конвисарова, И.Ф.Шавва, Л.Н. Чечелева, А.И.Бунькина, М.И.Аберле, Е.И.Данилина (награждена орденом трудового Красного Знамени), Ю.Г.Панова, С.И.Суслова, З.Г.Макарова, В.Н.Корниенко, А.Л.Корниенко, Е.П.Банщикова, И.В.Подобин, В.Н.Данилин, П.В.Кизин, З.П.Сигуева, А.Д.Угренинов, К.А.Крицкая, Н.М.Золотухина, М.Н.Стулинцева, А.Д.Федотова, Н.П.Москаленко, Е.И.Вяткина, М.Д.Федотова, Т.Ф.Угренинова, Л.Н.Тимошина, З.И.Бабич, А.Ф.Ковалева, Н.И.Бондарчук, Л.Н.Гура, В.Ф.Емельянов, Н.А. Емельяно-

ва, С.Н.Виниченко, Н.Д.Виниченко, В.Л.Стулинцева, Н.П.Скрипниченко, Г.М.Абрамкина, В.Т.Худин, Н.П.Пономарев, А.К.Бекмагамбетова, Т.А.Терентьева, В.А.Овчарова.

Славу Родине принесли выпускники: Владимир Гаврилович Козлов – военный комендант космодрома Байконур, Михаил Федорович Журавлев – лауреат Ленинской премии, ведущий специалист КБ генерального конструктора С.П.Королева, доктора наук М.В.Безьязыков, М.А.Запрудин, Э.В.Бюль, Н.М.Кващенко-Подгорных, драматург, редактор журнала «Урал» Николай Владимирович Коляда, режиссер Т.Л.Чиркова, военный хирург Г.А. Татаринцев, кандидаты наук Козлов В.Г., Лагутин В., Галиев Е., Алексеев В., Зуев И., Воропаева Г., Полозов Г., К.А.Берденова, писатели П.В.Кизин, Н.А.Дегтярев, Н.Г.Лавринов, Т.Гармаш–Булевич (сборники стихов «Моя планета», «Чарующий родник души моей»), В.Г.Панов, генерал Н.А.Киженцев, вице – министр юстиции РК, депутат парламента Республики Казахстан Сергей Михайлович Жалыбин. Бывший ученик школы Владимир Александрович Балакин сейчас главный инспектор Курганской области полномочного представителя Президента России по Уральскому федеральному округу. Имена выпускников известны во многих городах бывшего СССР. Так, Людмила Николаевна Мордовская (Никитина) занесена на доску почета г.Кургана – она проводит выставки своих работ на Урале (вышивка гладью). Серебряный медалист Борамбай Жумабаевич Бухметов многие годы работал в областном комитете партии Костанайской области. Выпускница 50-х годов Куляш Абиловна Берденова вспоминает: «готовясь к защите диссертации, я мысленно обращалась к моим родным учителям, давшим мне основательные знания. Я, простая девушка-казашка, прекрасно выдержала в то время экзамены и на вопрос, где училась, с гордостью ответила – в Пресногорьковской школе».

О выпускнике школы **Николае Владимировиче Коляде** (род. в 1957 г.)

После окончания 8 класса Пресногорьковской школы с 1973 по 1977 год учился в Свердловском театральном училище (курс В.М.Николаева). С 1977 по 1983 год актер Свердловского академического театра драмы. В 1983 – 1989 годах учился заочно на отделении прозы в Литературном институте им. Горького. С 1986 года написано 75 пьес, 42 из которых поставлены в театрах России, СНГ и дальнего зарубежья (в Англии Швеции, Германии, Италии, Франции, США, Канаде, Австралии и др.)

Николай Коляда лауреат премии губернатора Свердловской области, лауреат премии им К.С. Станиславского. С 1999 главный редактор ежемесячного журнала «Урал». В 1991 году стал инициатором восстановления храма в селе Пресногорьковка.

Под новый 1960 год деревянное здание школы сгорело. Беда случилась после проведенного новогоднего бала. Пожар был страшен, горящие обломки летели через Соленое озеро, зарево было видно жителям Камышловки и Крутоярки. Стены пришлось растаскивать тракторами. Зимой учились в жилых домах, а сентября 1960 года перешли в три здания бывшей автобазы. Автор учился здесь с 1967 по 1977 год. Система была кабинетная, на переменах ходили из одного здания в другое. В щитовых бараках было тепло даже в лютую стужу. У кладбища за третьим зданием рос сад и гигантские тополя, была устроена географическая площадка. Здесь же вырыт глубокий колодец с чистой водой. К первому зданию на Большой Мельничной пристроили спортзал – это было царство Александра Дмитриевича Угренинова, великолепного тренера и замечательного человека. О нем следует сказать особо. Александр Дмитриевич начал свою трудовую деятельность в 1960 году учителем физкультуры Песчанской восьмилетней школы. Через два года закончил Новосибирский техникум по спе-

циальности спортивная гимнастика. За 44 года работы в Пресногорьковской средней школе он воспитал целую плеяду отличных спортсменов, которые неоднократно защищали честь района на областных и республиканских соревнованиях. Его ученик, Владимир Николаевич Успенев, закончивший Московский спортивный институт, работает старшим тренером по лыжному спорту школы олимпийского резерва, расположенной в г.Химки. А.Д.Угренинов воспитал таких известных спортсменов как Александр Статьев, Виталий Хандюков, Сергей Никитин, Светлана Бирюкова, Александр Бузулин, Андрей Фадеев, Лидия Божко, Виктор Томский, Елена Галяс, Татьяна Максимюк. Простой сельский учитель открыл для них и сотен других мальчишек и девчонок мир спорта.

Трудовое обучение проходили в мастерских у церкви, оставшихся от старой школы. Они были окружены белоствольными березами, а в квадрате тополей играли в волейбол. Здесь работали Судьин В.Л., Виниченко Н.Д. Ульмер М.К., Белошевский Н.С.

В 1982 году на этом месте построили здание новой школы. Этим строительством были уничтожены остатки крепостных валов восемнадцатого века. В новую школу пошли более 500 учащихся.

В школе с 1969 года работает краеведческий музей, основателями которого были Шавва И.Ф., Виниченко Н.Д., учителя истории и географии. В 1999 году заведующая Узункольским РОО Слесарь Марионелла Васильевна торжественно открыла новую экспозицию музея, он обрел новую жизнь. (Основу музейного материала составили коллекции братьев Виниченко – Владимира и Сергея, ряд макетов сделан Виниченко Николаем Дмитриевичем – крепость, «Аврора»).

Воспоминания о школе Виниченко Сергея Николаевича.

«Учился в Пресногорьковской средней школе с 1967 по 1977 год. Школа представляла собой комплекс зданий

бывшей автоколонны – три учебных корпуса, спортзал, ко-чегарка, гараж. В 3-ем здании учились начальные классы, была лыжная, кабинет НВП, музей им. В.И.Ленина. На труды ходили заниматься в мастерскую у церкви, она сохранилась от старой сгоревшей школы. Через площадь, на которой стояла сгоревшая школа, стоял старый казачий дом – дом пионеров. Там проходили занятия по машиноведению, уроки проводил ветеран войны Ульянов Георгий Михайлович. (Примерно там, где сейчас северо-восточный угол школы, под библиотекой). В 1975 году к торцу третьего здания пристроили мастерские по дереву и металлу (учитель Пономарев Н.П.). В среднем здании располагался буфет, директорская, учительская, кабинеты черчения (Гура Л.В), математики (Угренинова Т.Ф), русского языка и литературы (Данилина Е.И.), английского языка (Макарова З.Г.). С 1973 года нас кормили горячими пирожками и чаем. Учились в 2 смены – было до 600 учащихся. После введения кабинетной системы ходили из здания в здание в любую погоду по кирпичной дорожке. Вокруг всех трех зданий росли огромные тополя, осенью, когда они бросали листву, было очень красиво. Отопление паровое, лишь в третьем здании прохладно. Там же помню тамбур, в котором ждали, когда дежурный без пяти минут восемь откроет крючок и запустит шумную толпу ребят в классы.

Первой моей учительницей была Тамара Львовна Канахина. Помню забавный случай во втором классе, когда на перемене из трубочек пластилином обстреляли портрет Володи Ульянова, висевший над доской. Это было ЧП, тогда я впервые попал на разговор к директору Ивану Фомичу Шавве, которого все побаивались, уважали и любили. Познаниям в математике и литературе я обязан Тамаре Федоровне Угрениновой и Екатерине Ивановне Данилиной, которая научила меня любить классику, привила любознательность. Очень любили и уважали старшеклассники учителя английского языка Зинаиду Георгиевну Макарову. Дочь белого офицера, реэмигрантка из Китая, она в совер-

шенстве владела разговорным английским и тонким чувством юмора, мы называли ее ласково «баба Зина».

Кроссы и физподготовку проходили за школой, бегали вокруг кладбища и в Салотопнике на физкультуре и НВП (Угренинов А.Д., Бузулин А.В., Данилин В.Н).

В эти годы начали свою педагогическую деятельность Людмила Николаевна Чиркова и Зоя Павловна Сигуева. Педагогический коллектив школы начала 70-х годов был дружным и веселым. Наталья Михайловна Золотухина, Зоя Филипповна Падерина, Анна Филипповна Ковалева, Нина Ивановна Бондарчук, Людмила Николаевна Киселева, Николай Дмитриевич Виниченко, Василий Леонтьевич Судьин, Виктор Трофимович Худин, Лидия Петровна Ковалева, Ася Александровна Чекпарова, Любовь Аркадьевна Буркова, Валентина Михайловна Маханова, Александра Ивановна Бунькина, Ирма Отговна Копп, Ирина Павловна Курц, Клавдия Александровна Крицкая, Мария Константиновна Черныш, Сайрам Мулдашевич Сулейменов, Анна Петровна Доможирова, Валентина Михайловна Маханова, Галина Ивановна Воропаева, Любовь Петровна Хмель, Королькова Мария Семеновна и конечно наш строгий завуч Юлия Георгиевна Панова (в 1947 году приехала в Пресногорьковку из Уральска и проработала в школе до 1985 года) – ваши выпускники благодарны ВАМ за огромный самоотверженный труд!

К 1998 году от старой школы остались лишь развалины и фундамент. Здания заросли кленом и травой, развалились гараж и кочегарка, только спортзал был приспособлен под пожарную часть, а позже под склад».

Золотые медалисты школы

1957 год. Полозов Геннадий Дмитриевич

1960 год. Бурнаева Людмила Дмитриевна.

1965 год. Запрудин Михаил Владимирович

Слепцова Лидия Васильевна

- Говердовская Анна Алексеевна.
Тулакина Елена Евгеньевна.
- 1966 год. Воронин Виктор Семенович
Данилин Валерий Николаевич.
Исмаилова Багитжамал Паруазовна
Рогачко Неонила Васильевна.
- 1979 год. Бирюкова Светлана Ивановна.
- 1980 год. Гура Анжелина Анатольевна.
- 1981 год. Киселев Игорь Васильевич.
- 1984 год. Киселева Наталья Васильевна
Мурзакова Наталья Жоламановна
- 1988 год. Маханова Елена Николаевна
- 1989 год. Курц Эдик Ойгенович
- 1991 год. Куркина Елена
- 1998 год. Постников Владимир
Бурков Максим Юрьевич
Бекмагамбетова Гульнара Маратовна.
- 2000 год. Цыбульская Елена
- 2001 год. Ульянова Ольга Владимировна.
- 2002 год. Елемисова Асель Абдрахмановна.
Жалмурзина Жанна
- 2003 год. Виниченко Татьяна Сергеевна.
Бейсенова Айна

Директора Пресногорьковской средней школы

В период гражданской войны директором был Михайлов. Первым директором после окончания гражданской войны работал **Яков Иванович Пономарев**.

В 1938 году директорскую должность занимал **Н.Н.Харькин**.

Директором школы перед войной работал **Черепанов Степан Степанович**.

Родился он в 1916 году. Образование получил в Пресногорьковской ШКМ (школа крестьянской молодежи), которой заведовала Т.Д.Меринова.

Закончил Челябинский учительский институт. С 1939 года по август 1941 – директор школы. В годы войны воевал на разных фронтах. В 1947 – 1950 гг. учился в Военной академии. Жил и работал в г.Алма-Ате.

Некоторое время после ухода на фронт Степана Степановича директором работал **Михаил Гаврилович Гужва**. Из Книги Памяти: родился в 1912 году, уроженец Пресногорьковского района, призван в 1941. Старший лейтенант 332 стрелкового полка, 241 стрелковой дивизии. Умер от ран 15.02.1943 г. Похоронен в деревне Хмели, Залужского района, Ленинградской области.

Некоторое время директором школы был **Иван Яковлевич Вяткин**, учитель географии.

Из Книги Памяти:

Родился в 1900 году в Пресногорьковке, призван в 1942 году, сержант 246 ГСП, умер от ран 6.02.1945 г. Похоронен в г.Познань (Польша).

Мерина Татьяна Дмитриевна (Беляева). («Учитель всех учителей» - по словам Н.Г.Лавринова).

Родилась в Пресногорьковке в 1899 году, в бедной семье. Родители, несмотря на нужду, отправили ее учиться в Курган, в женскую гимназию. В 1918 году она закончила учебу с золотой медалью и вернулась в родное село. В первые годы советской власти молодой, энергичный педагог вела активную работу по ликвидации неграмотности, работала в избе – читальне, в интернате при школе. В годы коллективизации вела агитацию среди населения по вступлению в сельхозартель. Была в числе организаторов колхоза имени Ленина, в летнее время работала в нем счетоводом.

В 1939 году Татьяна Дмитриевна побывала в Москве, где председатель Верховного Совета СССР М.И. Калинин вручил ей медаль «За трудовое отличие». В 40-е годы закончила заочно Алма-Атинский педагогический институт по специальности «математика».

После ухода на фронт директора школы **Гужвы М.Г.** Татьяна Дмитриевна стала работать директором школы

(январь 1942 года). Время было очень трудным – приходилось вместе с учениками заготавливать дрова, возить их на волах. Прямо из классов уходили на фронт ее питомцы. Неизмеримой болью отзывалось ее сердце на гибель кого-либо из них. В 1946 году вновь была награждена медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В течение 7 лет директор школы решала вопросы, с которыми к ней обращались сельчане как к депутату областного Совета. В 1947 году Татьяна Дмитриевна стала «Отличником народного просвещения КазССР», а в 1949 ей вручили самую высокую награду страны – орден Ленина, который она получила в Москве из рук М.И.Калинина. В 1958 году ей присвоили звание «Заслуженный учитель Казахской ССР» и вручили «Знак Почета». В 1960 году ушла на заслуженный отдых. Умерла в 1983 году в небольшом деревянном домике на улице Большой Мельничной. (Использован материал из статьи А.Атюганова «Путь учителя», 1966г).

Лавринов Николай Георгиевич (род. в 1916 г. урож. Камышловки - 2008 г, Курган).

Директор Пресногорьковской средней школы в 1960 – 61гг. Работал учителем литературы до войны. Воевал с первых часов. Прошел все муки фашистского ада в концлагерях. Работал учителем, заведующим РОНО, автор сборников стихов и прозы (им опубликованы книги « Орлята», «Долгий путь домой», «Жизнь», «Черные дни», «Узница концлагеря Равенсбрюк» и др., его перу принадлежат замечательные стихи «Возвращение», «Маяк» и многие другие.)

Шавва Иван Фомич (1921 – 2003 гг.)

Участник Сталинградской битвы. Работал учителем географии, директором школы (1962 – 1972 гг.). Очень строгий и справедливый человек. Пользовался огромным авто-

ритетом у односельчан. С 197 до ухода на пенсию был директором одной из крупных школ г.Лисаковска.

Падерина Зоя Филипповна.

Директор школы (1972 – 1985 гг.) учитель, как говорят, от Бога. Прекрасный знаток человеческой души, великолепный рассказчик, любящий свой предмет учитель.

Ковалева Лидия Петровна (1938 - 2005 гг.)

Учитель математики, директор школы (1985 - 1989 гг.). Все, кого учила Лидия Петровна, любили и знали математику. Многие ученики сетовали на ее строгость, но при поступлении в ВУЗы с благодарностью вспоминали ее уроки.

Чиркова Людмила Николаевна (род. в 1948 г.)

Учитель биологии. Директор школы с 1989 года по 2006 год. Окончила Омский педагогический институт в 1973 году. Работала учителем, завучем. В качестве руководителя школы ей пришлось пережить труднейший период перестройки образования в годы становления независимого Казахстана. Это были сложные времена т.н. «оптимизации» образования, утечки кадров, хозяйственных трудностей, когда не хватало угля, не было света. Через все трудности переходного периода Людмила Николаевна прошла с честью. Будучи творческой личностью, она пишет стихи, замечательно рисует, поет.. Многие поколения выпускников благодарны ей за участие в их судьбе.

Воспоминания о Пресногорьковской школе Габита Махмудовича Мусрепова, писателя, Героя Социалистического Труда (учился в 1918 – 1921 гг.). «Автобиографический рассказ».

«Я поселился на окраине станицы в доме Сагиндыка. Он пас крупный рогатый скот, принадлежавший местным казакам. Его семья давно прижилась в Пресногорьковке. Женщины шили тулупы на продажу, мужчины и мальчиш-

ки постарше ходили в пастухах, сапожничали, возили дрова и сено, зимой чистили проруби.

..В школе я ее застал обязательную церемонию – перед началом уроков все ученики независимо от вероисповедания, выстаивались в актовом зале на молитву. Впереди в нарядной шелковой рясе стоял преподаватель Закона Божьего – священник Малиновский. Рядом с ним директор Михайлов, дьякон и учителя. Начинали мы неизменно «Отче наш, иже еси на небеси...» Потом пели «Боже, царя храни...», хотя царя уже свергли, и хранить было некого, ничего не зная о его судьбе, пели до самого девятнадцатого года.

Что было хорошо в Пресногорьковской школе так это усиленное внимание к русскому языку и словесности, как по старой памяти называли преподавание литературы. В школе думали и о нашем земном будущем, а не только о высоких материях. Желавшие могли обучиться столярному ремеслу, сапожному, были свои каменщики, свои швеи. К двадцатому году с Колчаком в наших краях было покончено. Но еще находились люди, которые надеялись вернуть прошлое. Весной вспыхнуло восстание против советской власти и мы, девять учеников – переростков, способных носить оружие, вступили в отряд, который назывался «Южная группа партизан Акмолинской губернии». Им командовал Дмитрий Ковалев, родом из Анновки, небогатой мужицкой деревни. Вылазка белобандитов вскоре была подавлена. Мы вернулись в школу и, видимо, за причастность к боевым подвигам для нас отменили выпускной экзамен. Заменяли его сочинением на свободную тему.

Русский язык и литературу вела Сильвия Михайловна – не то латышка, не то полька. Молодая красивая женщина. По ней многие тайно вздыхали. Глаза у нее были живые, яркие, глубокие как озеро Кожабай, возле которого наш род проводил лето. И голос у нее красивый, серебристый, когда смеется, напоминает колокольцы на тройке. ... Я горделиво расправил плечи, когда она говорила про тех,

кто ходил с партизанами Ковалева. Но тему все-таки выбрал другую: «Пресногорьковская весенняя ярмарка 1921 года»...

Список низших одноклассных 1-го военного отдела училищ.

Статистическая комиссия императорского вольного
экономического общества

по Петропавловскому уезду Акмолинской области.

1893 – 94 уч. год

№	Название училища	Название города или волости	Число Законно учащихся	Год открытия	Число учащихся		Число уч. в 1893-94г.		Число окончив. в 1894г.	
					м	ж	м	д.	м	д.
1	Пресновское муж.	ст. Пресновская	1	1861	1		54		4	
2	Пресновское жен.		1	1861	1			32		3
3	Островское смеш.	пос. Островка		1876		1	25	9	3	2
4	Екатеринен. см.	п. Екатеринбургский		1893		1	20	8	1	
5	Кабановское см.	п. Кабановский		1880		1	23	5	4	2
6	Усердненское см.	п. Усердное		1875		1	26	8	5	2
7	Новорыбенское м.	ст. Новорыбенская	1	1880	1		46		7	
8	Новорыбенское ж.		1	1875		1		31		9
9	Богатинское см.	п. Богатинский		1885		1	24	2	5	1
10	Лапушенское см.	п. Лапушенский		1887	1		18	2	6	
11	Кладбинское см.	п. Кладбинский		1883	1		24	4	5	1
12	Миролобовское с.	п. Миролобовский		1885		1	18	2	5	
13	Железненское	п. Железненский		1885		1	35	5	10	
14	Казанское см	п. Казанский		1886		1	33	8	12	
15	Пресногорьковское муж	ст. Пресногорьковская	1	1861	1		30		17	
16	Пресногорьковское Жен.		1	1861		1		26		7
17	Сибирское см.	п. Сибирский		1871	1		18	5	7	
18	Песчанское см.	п. Песчаный		1878		1	26	1	12	1
19	Богоявленское см.	п. Богоявленский		1885	1		19		3	
20	Крутоярское см.	п. Крутоярский		1890	1		31	4	3	
21	Камышловское см.	п. Камышловский		1868		1	29	2	7	

Документы

ведомость (1752год).

«По новопрожектированной линии от реки Тобола до
Ишима звание крепостям и редутам»

Крепости и редуты и в оных которого числа и месяца работа зачалась, при оных крепостях что и на какого строения зделано и еще сколько чего по плану построить надлежит.

В редуте при речке Алабуге июля с 9 числа.

Построено: вокруг редута заплотом обнесено и к окончанию приведено. Офицерская светлица и черная изба и две салдацкие казармы зделаны. Баня в земле зделана. Батареи одна. Башня срублена один сруб и на место поставлен. А ныне строятся надолбы.

Построить надлежит: офицерские светлицы. Черные избы и салдацкие казармы драньем покрыть. Батареи три. Пороховой погреб вокруг одного палисад. Правиянтский анбар ров вал рогатины надолбы конюшня при оной изба да для поклажи анбар.

Четырехугольная при озере Пресном и Горком июля с 13 числа (Пресногорковская).

Построено: вокруг крепости заплотом обнесено. Башня в два сруба срублена и на место поставлена. Третьей сруб срублен токмо на место не поставлен. Офицерских светлиц три, черных изб три, драгунских казарм 4 и к окончанию прведены токмо драньем не покрыта. Баня совсем зделана ворота двои зделаны. Кирпичей зделано и обожжено «2500» не обожжено «1200». Четыре казармы срублены и потолки намощены. Правиянтскому анбару срублено 15 рядов, который к окончанию приходит. Батарея одна большая к окончанию приходит. У офицерских светлиц печи кладутся. Надолбы начато строить.

Построить надлежит: казармы промеж оных... батареи 8, пороховой погреб вокруг одного палисад круг крепости ров вал рогатины надолбы конюшня и подле караульная изба анбар для поклажи овса.

Тобольная дистанция линии начала строиться от урочища Звериная Голова (первый комендант подполковник Ив.Штруве).

Заложены по старому стилю: Звериноголовская - 22 июня, Алабужский (Отряд) - 9 июля, Песчаный - 11 июля, Пресный (Крутоярка) - 12, Пресногорьковка - 13, Кабань - 25, Пресновка - 30, Сенжарская - 29 августа, Становая - 31.

Из дневника прапорщика Вологодского драгунского полка поручика геодезии Якова Уксусникова (лето 1753г)*.

«5» **Крепость Пресногорковская** четверугольная... Положение места под крепостью между озер Пресного и Горкого кои в расстоянии одно от другога в 200 сажнях в Пресном озере в летнее время бывают жужелки и цветет. Подле Горкого озера выкопаны два колодца в них вода пресная. Длинной Пресное озеро 1 верста 360 сажений, шириной 1 верста 122 сажени глубиной 3 сажени обросло камышом вокруг лесу на строение соснаваго в 10 верстах березоваго и сенных покосов поблизости довольно. Дорога от Пресновского редута до крепости Пресногорьковской ровная местами сухие кочки по тракту по дороге в сторонах сосновые и березовые колки. На середине тракта назначен маяк.» (Для Тобольской ландкарты 1753 г.)

*Яков Акимович Уксусников – инженер – поручик Вологодского драгунского полка, родился в 1721 году, из «поповых детей». В службе с 18 мая 1739 года. Участвовал в Крымском походе 1739 года, продолжил службу в Эстляндии. В 1746 году направлен в Сибирь для «прожектирования» новой линии. В 1752 – 53 гг. принял активное участие в строительстве крепостей на Пресногорьковской линии. Строил гостиный двор в Верхотурье, описал Барабинскую степь, Абацкую почтовую дорогу, в начале 60-х командирован на Кольвано-Кузнецкую линию. Умер в середине 60х годов где-то на линиях. Имя Уксусникова стоит в одном ряду с такими известными именами как П.Романовский, К.Малм, Я.Шестинский, В.Плуттов, И.Зеленый, И.Андреев, П.Часовников, В.Петрулин, Г.Палицин.

Ведомость (май 1755г.)

№	Какие укрепление расстояние в верстах	Какие чины при оных состоят и сколько к хлебопашеству определено
1	Редут Пещаной Забран вокруг заплотом в столбах обнесен надолбами и рогатками над воротами об одном апартamente башня батареей по углам 4	Порутчик 1 Капрал 1 Гренадер Денщиков Лошадей
До редута Пресного 12 верст		
2	Редут Пресной Вокруг надолбами и рогатками обнесен и заплотом в столбах башня с воротами батареей по углам намошены с окошами 4	Порутчик Капрал Барабанщик Гренадеры , извошик, денщик Лошадей.
До крепости Пресногорьковской 12 верст		
3	Крепость Пресногорьковская Забрана вокруг заплотом в столбах с двумя проезжими воротами и на одних со степной стороны башня покрыта драньем за заплотом рогатины и надолбы в надолбах двой ворота с закидными рогатками батареей помощены одна.	Полковой штаб: Подполковник 1 Полковой квартирмейстер 1 Ундер – штаб: Адъютант 1 Камисар 1 Поп 1 Полковые: барабанщик 1, профос 1 Подъячих: камисарской 1, правиантской 1, Грубачей 2, литаврщик 1, габоистов 7, ротных профосов 2. Ротного: Порутчиков 2, Прапорщик 1, Вахмистр 1, кваргемистров 2, подпрапорщиков 3, капралов 5, ротных писарей 5, церюльников 4, барабанщиков 6, рядовых гранадер 20, драгун 144, слесарей 2, кузнецов 7, седельников 3, коновалов 2, плотников 10, извошиков 3, денщиков 10. для смотра к хлебопашеству определен капрал. Артилирских служителей: кананер 1, фузелеров 2, фурлетов 3. Итого всего чинов: 257. Лошадей дрогунских 117, подъемных 24, артилирских 12, Итого 153.

		Сверх того нерегулярных при казенном хлебопашестве тарских пятидесятник 1, рядовых казаков 11, у продажи соли целовальник казак 1, за голмача татарин 1.
	До редута Березоваго 11 верст	
4	Редут Березов Вокруг заплот в столбах с надолбами и рогатками обнесен Башня с тремя апартаментами и проезжими воротами с запором	Поруччик 1 Каптенармус 1 Капрал 1 Барабанщиков 2 Драгун 27 Извощик 1 Драгун 1 Итого 34 Лошадей драгунских 41, подъемных 10. Итого 51.
	До редута Пресногорковского 14 верст	
5	Редут Пресногорковской Забран заплотом в столбах надолбами и рогатками обнесен Ворота и над ними башня с одним апартаментом Батарея одна	Капитан 1 Квартемирстр 1 Каптенармус 1 Капрал 1 Барабанщик 1 Драгун 27 Извощиков 2 Денщиков 2 Итого 36 Лошадей 54
	До семиозерного редута 16	
6	Редут семиозерной башня одна под оной	Проезжие ворота вокруг оного заплотом в столбах надолбами и рогатками обнесен Подпрапорщик 1 Драгун 21 Итого 22
	До крепости кабаньей 7	
7	Крепость Кабанья Забрана вокруг заплотом в столбах Надолбами и рогатками обнесено Над воротами башня Другие проезжие ворота с калиткой Батарея помещена одна	Секунд майор 1 поруччик 1 вахмистр 1 квартемирстр каптенармус капралов 3 писпръ 1 цирюльник 1 барабанщик 1 Драгун 71 слесарь кузнец плотник коновал извощиков 2 денщиков 3 Итого 91 Сверх того состоит для делания плу-

	До редута Пресноизбного 17	гов Вологодского полку драгун Для хлебопашества работных казаков 12 Лошадей 95
8	Редут Пресноизбной	
	Забран заплотом в столбах надолбами и рогатками обнесен вкруг Башня о двух апартаментов Под одной проезжие ворота Батарея с помостом одна	Капитан 1 Каптенармус 1 Капрал 1 Драгун 23 Денщиков 2 Итого 28 Лошадей 36
	До редута Второпресного 15	
9	Редут Второпресный	Поручик 1
	Забран заплотом в столбах Надолбами и рогатками обнесен и закидными рогатками Башня под оной для проезду ворота Батарея одна	Подпрапорщик 1 Драгун 23 Денщик 1 Итого 26 Лошадей 24
10	Крепость Пресновская	Поручик 1
	Забрана заплотом в столбах Обнесена рогатками и надолбами Вокруг батареи 6 Башня с воротами одна Другие ворота проезжие	Подпрапорщик 1 Капрал 1 Барабанщик 1 Драгун 31 Итого 35 Лошадей 46 При хлебопашестве казаков с лошадьми 7
	До редута Первопресного 13	
11	Редут Первопресной	Капрал 1
	Забран заплотом в столбах и вкруг одного надолбами и рогатками обнесено Проезжие ворота одни Башня одна	Барабанщик 1 Драгун 21 Итого 23 Лошадей 34
	До редута болота колодезя 8	
12	Редут у болота колодезя	Капрал 1
	Забран заплотом в столбах Проезжие ворота Над оными башня Надолбами и рогатками обнесен	Драгун 20 Итого 22 Лошадей 20
	До редута Кладбинского 9	
13	Редут Кладбинский	Прапорщик 1
	Забран заплотом в столбах Ворота Над оными башня	Капрал 1 Драгун 17 Денщик 1

	Вокруг обнесен надолбами и рогатками Батарей немощны 2 До крепости Пресносенжарской 13	Итого 20 Лошадей 18
14	Крепость Пресносенжарская Забрана заплотом в столбах Ворота двои Над одними башня Вокруг обнесен надолбами и рогатками Батарей 3 До редута Пресносарапульского 8 верст	Капитан Прапорщик Каптенармус Подпрапорщик Капрал Барabanщиков 2 Драгун 41 Слесарь Кузнец Коновал Седелник, денщиков 3 Итого 55 Лошадей 65 Для хлебопашества казаков 12
15	Редут Пресносарапульский Забран заплотом в столбах под ней ворота Вокруг одного обнесено рогатками и надолбами Батарей 2 До редута Дубровного 10 верст 200 сажн	Поручик Вахмистр Церюльник Барabanщиков 2 Драгун 23 Денщиков 1 Итого 29 Лошадей 22
16	Редут Дубровной Забран заплотом в столбах под ней ворота Вокруг одного обнесено рогатками и надолбами Батарей 2 До крепости Становой 12	Капрал Драгун 23 Итого 24 Лошадей 24
17	Крепость Становая Забран заплотом в столбах Башня с воротами Другие ворота проезжие Вокруг одного обнесено рогатками и надолбами	Капитан Каптенармус Капралов 2 Барabanщиков 2 Драгун 51 Извозчик 1 Денщиков 2 Итого 60 лошадей 67 Для хлебопашества казаков 16
18	До редута Гагарья 19 Редут Гагарей	Капитан

	Забран заплотом в столбах Башня с 3 мя апартаментами под оной ворота Батарси 2 Вокруг оного обнесено рогатками и надолбами	Вахмистр Капралов Церюльник Барабанщик Драгун 31 Извощик Лошадей 34
19	До редута Кривоозерного 28 Редут Кривоозерный Забран заплотом в столбах обнесен рогатками и надолбами в середине башня с воротами до крепости Святаго Петра 13 верст	Прапорщик Капрал Драгун 15 Итого 18 Лошадей 26

Ведомость от 16 января 1756 года

«В крепости Пресногорьковской построено:

Заплот четырьмя бастионами над воротами башни.

Провиантский магазейн, афицерские светлицы с четырьмя избами три. Казарм тринадцать с сеньми: вокруг крепости рогатки и надолбы: канюшня и при ней караульная изба, и для клажи овса анбар.

В оной крепости достроить деревянных батарей 6, да в одном бастионе где пороховой погреб пороховой погреб...

Земляной работы внутри крепости. вокруг крепости вал вырыть ров.

За ровом из оставшейся земли, где нет на линии гласи для нетечения вверх воды...»

1765 год. Смета на исправление зданий во вновь прожектированной крепости Пресногорьковской с указанием необходимого количества людей, инструментов, материалов, денег» (проектировалось построить церковь, магазин, пирамиду, навес обозу, 6 офицерских покоев, драгунские казармы, караульные казармы, канцелярку, драгунские и офицерские конюшни, колодец, «плацформы».

Описание Пресногорьковской крепости. Март 1773 год. Омский архив.

Дом комендантской в трех покоях с сеньями, черною избою, а за тем в той же связи кладовая, баня...

Два офицерских дома с комнатами, а сверх того при первом черная изба, сени и чулан, при втором против того ж, из коих один годной токмо с некоторой починкой прочной.. Казарм солдатских в том числе и комендантская канцелярия три между коими сеней двое. Вне крепости – штаб – офицерской дом в одной связи в четырех покоях, прием черных изб две, сени с перегородкой и два чулана, сверх того при оном же доме двор обнесен заплотом и в оном же кухня негодная, сарай для становления колясок и протчаго, казарма для людей сч сенями в коих чулан негодной, конюшня одна, покрыта драньем с некоторой починкой прочна, анбар для плах и овса и протчаго, один негодной, баня тоже негодная.

Ишимская (старая линия) 1744год.

Тобольные форпосты

4. Царево Городище (ныне г.Курган). 951 чел, 28 пушек.
5. Утяцкий форпост 131 чел. 5 пушек
6. Иковский 48, 2
7. Верхсуерский 53,2
8. Емуртлинский 87,1
9. Усть – Суерский 81
10. Лебяжья защита
11. Ишимские форпосты
12. Коркина слобода 287, 19
13. деревня Безрукова 92
14. Кошкаргайская деревня 78
15. Фирсова деревня 80
16. Абацкая слобода 113,2
17. Правская деревня 129
18. Усламинская деревня 77,2
19. Омутная 76

Тарские форпосты.

20. Зудиловская 36
21. ф.Орский 72,1
22. Усть тартирской 50,1

- 23. Большерецкий 70,1
- 24. Пустынский 22
- 25. Бетеинский 72

**Именной список лиц
крепости Пресногорьковской, состоящих на провианте
18 апреля 1774 года**

В крепости Пресногорьковской из отставных детей:

1. Николай Новокрепцов	28. Федор Успенцев
2. Григорий Катанаев	29. Терентий Успенцев
3. Ефим Селезнев	30. Николай Лутченинов
4. Григорий Селезнев	31. Федот Кизин
5. Василей Бутаков	32. Михайла Новокрепцов
6. Сергей Буданов	33. Григорей Вяткин
7. Василей Лепшин	из состоящих
8. Осип Антонов	34. Василей Ульянов
9. Артемей Денисов	35. Карп Ульянов
10. Иван Шепминцов	36. Тихон Щункев
11. Андрей Сняжковский	37. Спиридон Феклистов
12. Захар Панков	38. Зимавей Зверев
13. Иван Трубачев	39. Поликарп Ступин
14. Иван Козмин	40. Андрей Козмин
15. Семен Козлов	41. Иван Постухов
16. Петр Латешин	42. Михайла Матвеев
17. Иван Усов	43. Семен Самотев
18. Петр Бурков	44. Андрей Бакирев
19. Василей Пономарев	45. Матвей Лапоухов
20. Александр Репин	46. Степан Кочнев
21. Матвей Репин	47. Иван Повеликин
22. Дмитрий Трофимов	48. Павел Казаков
23. Иван Толчин	49. Миней Пушкин
24. Степан Козлов	
25. Леонтей Козлов	
26. Андрей Езомшов	

Ревизская скаска по Пресногорьковской крепости
(выписка, список казаков на Пресногорьковской линии и фамилии, сосланных сюда в 1770 году запорожцев, будет опубликован в следующей книге)

1782 года марта 8 ого дня Таболной губернии Таболной линии крепости Пресногорьковской отставной мирской староста Михайло Шешминцев после состоявшегося і781 года ноября 16-ого дня Ея Императорского величества опубликованного манифеста по повелению Пресногорьковской отставной судебной канторы нарисовал скаску о положении в крепости Пресногорьковской по последней 1763 его года ревизии в подушной оплате в людях и крестьянах с показанием из того числа разными случаями убывших и после ревизии вновь рожденных и прибывших по самой истине баз вести утекли, а буде кем впредь облечен явитца или по свидетельству найдетца что кого либо утаил то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия.

Из Верхсуерской слободы

Ахрим Иванов сын Федосеев холост 49 лет

Из города Тувинска

Максим Васильев сын Чукреев 30 лет

у него жена Апраксия Козмина 27 взята здесь же в крепости салдацкая дочь.

У них дети рожденные после ревизии Максим 1 мес., Палагея 3 года. Орина 1 год.

Выпущены за неспособностью быть в казенной работе ссыльных команд:

Андрей сын Соколов 81 год

Андрей Евсеев сын Зуев 65

Павел Федоров сын Федоров 44

Никон сын Филиппов 80

Матвей Семенов сын Семенов 82

Юрий Семенов сын Семенов 40. Жена его Ненила степанова дочь 40, взята Утяцкой слободы деревни Полусады, казачья дочь, у них дочь Орина 2 года.

Драгуны и солдаты

Федор Абрамов сын Бугаков 42. жена его Авдотья Павлова дочь 60.

Максим Тимофеев сын Драгунов 62, у него жена Татьяна Андреева дочь 33, у них рожденный на поселении сын Степан 6 лет.

Гаврила Егоров сын Егоров 45, у него жена Ульяна Антонова дочь 40.

Сергей Степанович сын Степанов 58 вдов, у них даный на пропитание сын Савин.

Иван Яковлев сын Колобаев 54, у него жена Онисья Минеева дочь 45, у них на пропитании сын Евсей 20, рожденный на поселении сын Иван 6. Савватей 2, дочери Матрена 13, Агрофена 9, Софья 4.

Василей Ульянов сын Ульянов 48, у него жена Анна Иванова дочь 48, у них на пропитании сын Иван 13. дочь Дарья 6.

Ондрей Омкудинов сын Селезнев 68, у него жена Федосья Максимова дочь 60, дети на пропитании Ефим 34, Григорей 29, Афанасей 20.

Онисья Сергеева дочь Фиროнова 53, у них на пропитании сын Осип 32, Ермолай 20, Ерофей 14.

Анна Артемьева дочь Шешминцова 50, у нее на пропитании сын Иван 36, рожденные и причисленные Михайло 22, Кирило 19, Алексей 6, Анна 14, Таня 4.

Оставшиеся от умерших отставных драгун и солдат дети:

Федот Иванов сын Кизин 24, брат его Дмитрей 20, сестра Матрена 19.

Степан Дементьев сын Козлов 32, у него брат Леонтей 27.

Настасья Иванова дочь Вяткина 90, у них данный на пропитание сын Григорей 29, Григорьева жена Настасья Иванова дочь 32 взята Утяцкой слободы деревни Глядянки крестьянская дочь: дети Ефим 18, Анна 14, Дарья 9, Надежда 4.

Лукерья Федорова дочь Горшкова 45, у нея дети Агафья 15. Анна 14, Степанида 4, Марья 17.

По этой переписи мужчин всего 216 (85 лет Ф.Н.Горшенину).

Женщин 224. Всего 440 человек.

Фамилии, встречающиеся в ревизской скаске – Третьяков, Иванов, Федосеев, Чукреев, Пашенков, Соколов, Михайлов, Левушин, Землянский, Зуев, Федоров, Чуваши, Матросов, Филиппов, Семенов, Поплыгин, Морозов, Горшенин, Ярославцев, Асачев, Минаев, Данилов, Новокрещенов, Бугаков, Голяшов, Коровин, Репин, Закоптелов, Драгунов, Петрушкин, Лопухов, Ляпунов, Егоров, Кочнев, Кладенов, Повеликин, Панаев, Кузмин, Калабаев, Усов, Кочесов, Ульянов, Селезнев, Смирягин, Бакирев, Карчиков, Зверев, Понамарев, Пазов, Колшаков, Грибанов, Толчин, Буданов, Катанаев, Пушкин, Хлызов, Феклистов, Трофимов, Власов, Колосов, Мальшев, Фиронов, Лученинов, Пастухов, Бурков, Шешминцев, Кизин, Токарев, Козлов, Трубачев, Ребров, Щеглов, Пушкарев, Новгородцев, Коляниченко, Вяткин, Горшков, Максимов.

Выдержка из описи 1782 года по редуту Пресногорьковский Редут (ныне Пресноредут, Сев.- Каз. Обл)

Михайла Иванов сын Шилов 61 год

У него жена Опросинья Абрамова дочь 51 год

У них дети, данные на пропитание

Никита 28

Иван 22

Иван 19

Александр 15

Дочь Онисья 22

Причисленная на поселение Никитина жена Олена Федорова дочь 31

Взята Курганской слободы села Черемхова крестьянска дочь

У них дочь Марфа 1

В наше время часто встречаются в поселках фамилии Поповы, Ульяновы, Угрениновы, Шиловы, Грязновы, Воропаевы, Кожевы, Успеньевы, Драгуновы, Шешминцевы, Плехановы, Дедовы, Веневцевы, Волковы, Степановы, Горшковы, Вяткины, Кизины, Киженцевы, Суховы, Лавриновы, Токаревы, Дурневы, Зенецеровы, Трошины, Суслы, Кусковы, Бедрины, Пономаревы, Полозовы, Ряписовы, Черепановы...Предки их составляли 9-ю сотню разведки под командованием Михаила Скобелева при взятии Андигана и Коканда.

Вынесено к рассмотрению марта 30-ого.

Сибирского казачьего линейного войска господину войсковому старшине Телятникову.

Хорунжего Рытова 1-ого

Рапорт

По повелению вашего высокоблагородия пущенном от 10 сего месяца за 3 747м полученному мною того же течения 15 числа с прописанием таковаж инспектора Сибирской инспекции господина генерал-майора и кавалера Лаврова предписать изволим «о запаханых выдачах редута Пещаного казачьих и отставных салдацких детей, кои теперь в казаках, хлебопахотных земель и сенных покосов Оренбургской губернии Челябинской округи Каминской слободы разных деревень крестьянами учинили самовольнейшую втравку и по выправке с описанием всего обстоятельства отрапортовать, вследствие которого та выправка учинена, что те крестьяне вошли в земельные и сено косные места без всякого отводу и никто им из казаков и от-

ставных во владение не давали а сами собою недалеко от того редута Пещаного но и Крутоярского верстах в 15, а здешней крепости Пресногорьковской в 25 верстах таковые ж пашни распахали и косят сено крестьяне Каминские Курганской округи Алымской волости.

Теми пашнями распространя оные подсушивают и обрубают... принадлежащие к линии леса, так что и на строение казакам отыскивать невозможно. В каком же расстоянии Каминские крестьяне от редута Пещаного владеют хлебопахотными землями взято с казаков и обывателей письменное объяснение равно по какому повелению велено было учредить отвод хлебопахотных земель, сенных покосов, на сколько расстоянием от линии во внутреннюю сторону с межевой описи, учиненной по Указу Правительствующего Сената 1767 года за подписью инженер-прапорщика Щетнева и с Указом Сената межевой экспедиции, состоявшихся прошлых 1773 в 5-ти из Государственной Военной коллегии того же года апреля в 10 день при сем в рассмотрение Вашему благородию представляю касательно до межевого плана учиненного противу межевой описи по оной бывшего

Пресногорьковского комендантского канцелярию по требованию Курганского земского суда отослан в 1787 году к уездному землемеру и где оный ныне храница о том не ведано.

Хорунжий Рыгов 1-ый.
Марта 24 дня 1803 года.

Список казаков станицы Пещаной (из рапорта хорунжего Рыгова 1)

1. Яков Кравцов
2. Петр Топорков
3. Иван Таранов
4. Володимер Мельников

5. Елесей Волков
6. Антон Овсяников
7. Яков Рудов
8. Яков Суслов
9. Обрам Алевцов
10. Прохор Перфильев
11. Ефим Шратов
12. Данила Тупицын
13. Иван Угренинов
14. Семен Беляев
15. Афонасей Мартынов
16. Трофим Плеханов
17. Василий Аристов
18. Егор Угренинов
19. Василей Трошин
20. Григорей Кусков
21. Афанасей Кусков
22. Ерасим Плеханов
23. Емельян Попов
24. Максим Шадрин
25. Федот Шадрин
26. Илья Зверев
27. Федор Зуев
28. Антон Горбунов
29. Алексей Бухряков
30. Ефим Еванцов
31. Тимофей Шахматов
32. Михаил Дедов
33. Трифон Рассохин
34. Иван Косачев
35. Ефим Яганцев
36. Лукиан Донцов
37. Онисей Топорков
38. Емельян Угренинов

Перечень крепостей и редутов 1802г.

1. р. Грязнушевской.	15. р.Болотоколодезной
2. к.Кизильская	16. р.Клавдинский
3. р.Сыртинской	17. р.Сенжарской
4. р.Янгильской	18. р.Дубровской
5. к.Магнитная	19. к.Становая
6. р.Верхокизильской	20. р.Гагарей
7. р.Спаской	21. р.Скопин
8. к.Верхоуральская	22. р.Кривоозерной
9. р.Урляндинской	23. к. Святого Петра
10. к.Карагайская	24. р.Плоской
11. к.Петропавловская	25. р.Камышловской
12. к. Степная.	26. к. Полуденная
13. к.Троицкая	27. р.Ганкинской
14. р.Ключевский	28. р.Медвежий
15. к.Каракульская	29. р.Чистой
16. р. Березовский	30. к.Лебяжья
17. к. Крутоярская	31. р.Лосев
18. р. Луговой	32. к.Никольская
19. к. Усть – уйская	33. р.Волчей
на сибирской линии	34. кПокровская
1. р.Кочердытской	35. р.Курганской
2. р.Озерной	36. р.Степной
3. к.Звериноголовка	37. р.Мельнишной
4. р.Алабужской	38. к.Омская с защитою
5. р.Сибирской	Елисаветскою
6. р.Пещаной	39. станец Черемшанской
7. р.Крутоярской	40. станец Усть-
8. к.Пресногорьковская	заостровской
9. р.Преснокамышловский	41. форпост Ачаирский
10. р.Пресногорьковский	
11. к.Кабанья	
12. р. Пресноизбной	
13. р.Островский	
14. к.Пресновская	

Статистические данные за 1879 год

Название населенных мест	Положение населенных мест	Расстоян.		Число дворов	Число жителей калачьего сословия		Всех сословий	Что построено в станицах	Закон Четверти.		Дом. жм.	
		От стая. правлен.	От уезд. г. Петропавла.		м	ж			пашенна	орос	допашн	крс
Преснагорь- ковская стая- ница	Между Отерями Пресным и Горьким	Стая прав	235	202	440	478	958	Церковь, училищ 2 — муж. и жен. ярмарка 1, лавок 12, завод салотоп. 3 и кожев 1, питьевых заведений 2, почтовая станция.	80	52	725	863
К ней принадлежат казачьи поселки												
Усердний (Курганский)	При озере Курганском вправо от почтового тракта	62	184	54	224	234	458		350	192	300	376
Кабяный	При озере Питном	48	197	120	303	308	630	Церковь Питьевое Заведение Почтовая станция	220	140	295	254
Преснагорь- ковский (Преснаредут)	При озере Пресном	24	211	103	281	288	577	Часовня Почт Станция	159	121	277	299
Камышлов- ский	При озере Камышлом вправо от тракта	12	223	62	148	165	313	Часовня	79	70	158	190
Починный	При оз. Федосом вправо от тракта	17	242	50	148	177	329		260	181	201	279
Крутойский	При оз. Серебряно-Хохловатое	13	249	80	233	241	474	Часовня	79	62	245	301
Батовавлен- ский	При оз. Питном вправо от тракта	19	255	22	101	123	226		259	211	177	283
Песчаный	При оз. Песчаном	25	260	114	291	311	616	Церковь Ярмарка 1, Лавок 6, пит. завед.	62	40	300	198

								почт станция				
Сибирский	При оз. Питюм (Моховое тож), слева от почтового тракта на границе с Орен- бургской губер- нией	31	267	61	164	183	351	Часовня	65	44	172	187
<p>В поселениях Преснитарьковский станции мельниц 30 Во всех поселениях станции имеются общественные запасные хлебные магазины</p>												

Список казаков 1-го Ермака Тимофеева полка, погибших на Турецком фронте 1-й мировой войны.

Антон Науменко, Николай Дейкин, сотник Владимир Берников, старший урядник Иван Кучма, Григорий Попов, Александр Трошин, Георгий Алексеев, Андрей Грибанов, Тимофей Федотов, Тимофей Васильев, старший урядник Петр Родионов, Иван Ротов, Петр Моршинин, Антон Плотников, Александр Ряпусов, старший урядник Степан Шульгин, вахмистр Степан Крюков, Никанор Хореев, младший урядник Дмитрий Вяткин, Василий Спиридонов, старший урядник Алексей Габченко, Петр Алексеев, Харлампий Порох, Яков Перфильев, Зосим Линева, старший урядник Сергей Топорков, Яков Иванов, Алексей Спиридонов, Михаил Желещиков, приказный Иван Николаев, Климентий Щетинин, Афанасий Ткаченко, младший урядник Никифор Федоров, Михаил Дробышев, младший урядник Матвей Федоров, Андрей Нартов, Иван Суфтин, Константин Потанин, Николай Кравченко, старший урядник Степан Гороховодацкий, Ефим Коченев, Матвей Серебряков, младший урядник Федор Корниенко, приказной Михаил Сергиенко, Трофим Краснокуцкий, Константин Кожанов, Георгий Егоров, приказной Максим Таранов, Федор Максимов, младший

урядник Федор Карпов, Матвей Бархатов, Александр Проскурин, Владимир Калашников, Василий Климов, старший урядник Степан Ионов, приказной Поликарп Габченко, Василий Кочуров, Герасим Щелкии, приказной Федор Матюшин, Иван Матвеев, Кирилл Коваленко, приказной Степан Ермолаев, Гавриил Михин, фельдшер Андрей Петров, приказной Петр Ефанов, приказной Николай Шуховцев, старший урядник Кузьма Алексеев, Александр Щербаков, Андрей Иевлев, Петр Сотников, Степан Яковлев, Семен Дронов, Василий Вяткин, Абрам Степанов, приказной Хайбулла Максютов, Илья Кутышев, Василий Куренев, приказной Михаил Успенъев, приказной Михаил Войтенко, Федор Корниенко, Поликарп Зенченко, Иван Еманак, Андрей Столяров, Кузьма Мелехин, Георгий Твердохлебов, Егор Евдокимов, Ефим Хвидченко, Григорий Матюшкин, Семен Светличный, Федор Маркелов, Афанасий Панов, Зот Гудожников, Хабибулла Багапов, Матвей Линеv, Андрей Ларионов, Василий Меньшиков, Архип Лаленко, Ларион Сергеев, Павел Дедов, приказной Максим Никаноров, Павел Боровиков, Павел Филипьев, Иван Шевелев, Филипп Голышев, Иван Проскуряков, Иван Иванов, рядовой Фридрих Рихау, Федор Щелкин, Михаил Бекетов, рядовой Емельян Савервальд, Евгений Дмитриев, Александр Подкорытов, Фотий Морозов, Карп Бабицын, старший урядник Андрей Чуйко, Михаил Михеев, Леонтей Баженов, Яков Иванов.

В июле 2010 года сибирскими казаками был поставлен поклонный крест у стен храма в Пресногорьковской.

**Документы о пребывании на линии императора
Николая II Романова в 1891 году.**

*(статья Виниченко С. «Он станицами летел, всюду видеть все хотел» опубликована в газете
«Аргументы и факты. Казахстан» № 4, 2005г.)*

Летом 1891 года наследник российского престола, наказной атаман всех казачьих войск великий князь Николай Александрович (будущий царь Николай II в 1894 – 1917 гг.) проследовал по станицам Горькой линии от Омска до Троицка и Уральска, возвращаясь из путешествия в Японию. **Дневник Николая Романова автору удалось отыскать в начале 90-х годов прошлого века.**

Дневник: ЦГАОР СССР 19 июля пятница.

...после кофе простился с этими дамами и с отличным свежим утром поехал в путь-дороженку. Скоро приехал из 11 военного отдела в район 1. Завтракал в поселке Новорыбинском, где казаки вместе с хлебом – солью поднесли мне серебряную фигуру одного из отличившихся урядников в Кокандской экспедиции. Тут же с почетным караулом стоял взвод казачат самага мелкага калибра при значке с надписью: они меня конвоировали молодцами до следующей станицы Пресновской, а 13-летний мальчик со значком пожелал проводить меня до границы войска: он на двух лошадях проскакал расстояние в 108 верст до моего ночлега в станице Пресногорьковской, куда я приехал в 9 часов вечера в сопровождении.

По случаю последнего дня моего пребывания в Сибирском войске в этой станице было приготовлено угощение населению и вечером шлюминация.

Остановился в хорошем каменном доме одного казака: у подъезда стояло два почетных караула: от полусотни льготных и георгиевских кавалеров 1 отдела. Обедал в 9 1/2 часа.

Уехал в 8 часов, до самой границы меня провожала вчерашняя ватага и казачек со значком. На границе была построена Арка и столб. За ними начиналась Оренбургская

губерния. Тут встретили командующий войсками Казанского военного округа ген.-ад. Мещеринов, наказный атаман Оренбургского казачьего войска генерал Маслаковец и депутация от войска...

Воспоминания атамана 1-ого военного отдела, полковника Н.Симонова о следовании по линии наследника престола в 1891 году.

В час дня Августейший Путешественник отбыл из Новорыбенки. За его коляской сейчас же вынеслась полусотня казачат со значком, который держал малолеток Бородавкин, а сбоку и несколько в стороне скакали казаки конвойного взвода.

В Пресновке Государь Цесаревич остановился у церкви, на паперти которой Его встретило местное духовенство в полном облачении. Приложившись ко кресту, Его Высочество подошел к станичной депутации, которая стояла с хлебом-солью у юрты, выставленной на площади против церкви. Здесь же собрался народ приветствовать Августейшего Путешественника

Поблагодарив депутацию и наградив конвоиров-казачат каждого серебряным рублем, Государь Цесаревич, напутствуемый благопожеланием Пресновцев, выехал дальше.

Как только экипаж Цесаревича тронулся с места, Бородавкин со значком присоединился к конвойному взводу. Так он скакал 60 верст на одной лошади до поселка Кабановскаго. Здесь Бородавкин пересел на другую лошадь, накануне высланную ему отцом, и еще проскакал 48 верст до Пресногорьковска.

Такой пробег тринадцатилетнего мальчика не мог не обратить на себя внимание Августейшего Атамана, и Его Высочество не один раз изволил дорогой справляться, не утомился ли Бородавкин, на что всегда следовал один и тот же ответ: « Никак нет, Ваше Императорское Высочество».

Этот мальчик был действительно замечательный наездник по своим летам. Отлично управляя конем, он в то же время чрезвычайно красиво сидел в седле и положительно не знал утомления от верховой езды. Проскакав 110 верст, Бородавкин до глубокой ночи оставался на ногах, готовя в Пресногорьковске своего любимого коня к предстоящей скачке на другой день.

Чтобы в полной мере судить о пробеге Бородавкина, необходимо заметить, что поезд Цесаревича все время шел со скоростью 20-22 верст в час и, расстояние в 110 верст было пройдено в 7 ½ часов времени.

Этой быстрой езде много способствовали ровная прекрасная дорога и лихачи-казаки, которые отлично управляли упряжными лошадьми, тройками, подобранными в масть. Все ямщики были однообразно одеты: форменные шаровары, белые рубашки с погонами, кушаки и папахи составляли их одежду.

От Пресновска до крепости Пресногорьковской Государь Цесаревич имел 6 непродолжительных остановок для перепряжки лошадей, где поселковые общества Его приветствовали хлебом-солью. В поселке Кабановском к конвойному взводу присоединились ученики местной школы на лошадях своего попечителя, казака Акима Федорова. И эти казачата получили от Его Высочества по серебряному рублю.

Ко времени прибытия Государя Цесаревича в Пресногорьковск, здесь, так же как и в Новорыбинске с правой стороны подъезда дома стали представители станицы с хлебом – солью: правее их – ученики и ученицы школ со своими наставниками и попечителями, а по другую сторону крыльца выстроился почетный караул из льготных казаков с ординарцами; тут же стояла и другая полусотня, составленная из кавалеров, урядников и казаков, участников Хивинского и Кокандского походов. Эти почетные старики, украшенные знаками отличия военного ордена и медалями, положительно привлекали к себе

внимание всех приезжих, а их было так много, что площадь перед квартирой Цесаревича была буквально переполнена народом.

Около 8 часов вечера Государь Цесаревич въехал в Пресногорьковск. Его сопровождал конвойный взвод, а рядом с коляской скакал Бородавкин со значком. Выйдя из экипажа, Его Высочество поздоровался с почетным караулом; приняв затем ординарцев, Государь осчастливил и стариков: «Здорово, молодцы!» - прозвучал его чудный голос. «Здравия желаем Вашему Императорскому Высочеству!» - как один человек, ответили кавалеры, и затем их могучее, боевое «Ура!», слилось вместе с криками народа.

Здесь Августейший Атаман пропустил казаков мимо себя. Нужно было видеть, какими молодцами проходили старики кавалеры и как они были счастливы, когда Государь снова осчастливил их словами: «Спасибо, молодцы».

Приняв затем хлеб-соль и милостиво поблагодарив за это подносителей, Его Высочество подошел к учащимся детям, которые встретили его народным гимном. Отсюда Августейший Атаман проследовал в дом, куда на обед были приглашены все начальствующие лица, а также начальник почетного караула есаул Назаров и ординарец Калачев.

В то же время площадь перед домом Цесаревича осветилась огнями. Гирлянды разноцветных фонарей, вензеля и транспаранты с инициалами Его Высочества и масса флагов всевозможных размеров придали площади очень красивый вид.

Между тем в павильоне и на столах, расставленных в разных местах, началось угощение народа чаем с печеньем, сладостями, пивом и медом. Всюду слышен был говор, веселье. По временам раздавались перекаты «ура». То были тосты за драгоценное здоровье Государя Императора, матушки Царицы и Августейшего Атамана. Его Высочест-

во еще не окончил обедать, как станичники собрались в кружок и затагнули свои родные мотивы; их примеру последовали и казачки, - они составили хоровод. Несколько в стороне кто-то отхватывал «казачка» под скрипку с бандурой и трензелем. Только ближе к дому, молча, без шапок, стояли глубокие старцы; они не принимали участия в общем веселье, оно их не занимало; их мысли были сосредоточены на окнах дома, в котором находился Наследник Престола. Они Его ждали и не напрасно, после обеда Государь Цесаревич вышел на крыльцо. Каким могучим «ура» встретил Его народ и как были счастливы эти убежденные сединой старики, что еще раз им представился случай видеть Дорого желанного Гостя; они молились и благословляли Его.

В этот вечер и ночью поведение толпы было выше всякой похвалы. После того как было объявлено, что Государь Цесаревич ушел опочивать, народ стал расходиться по домам; площадь опустела и не только песен, но и громкого говора не было слышно. Так себя вела толпа и утром, пока не было известно, что Августейший путешественник встал. Перед выездом из Пресногорьковска Его Высочество потребовал к себе на квартиру председателя войскового правления и атамана I отдела. Милостиво поблагодарив каждого за радушный прием и порядок, который соблюдался во время проезда Его Высочества по линии, Государь Цесаревич еще раз изволил выразить свою благодарность атаману I отдела за прекрасное состояние полков, представлявшихся Его Высочеству в Омске.

Тут же Государь Цесаревич передал полковникам Симонову и Катанаеву свои портреты с собственноручной подписью «Николай 1891».

Около 7 ½ часов утра Его Высочество, при восторженных кликах народа, выехал дальше; до границы Оренбургского войска оставалось около 60 верст. Весь

этот путь за коляской Цесаревича снова скакал Бородавкин со значком на второй своей лошади.

Кроме конвойных взводов, с половины дороги приняли участие в сопровождении Его Высочества наездники-киргизки в своих национальных костюмах. Замечательно красивую картину представляли эти степные амазонки! Тут же мчались станичники, казачата, казачки, крестьяне, кто верхом, кто на телегах, кто дорогой, кто полем, обгоняя друг друга, лишь бы скорее добраться до границы и еще раз взглянуть на Красное Солнышко.

В это время и на границе замечалось небывалое оживление. Здесь так же съехалось много народу, чтобы взглянуть на Дорогого гостя.

В 9 ½ часов утра Государь Цесаревич вышел из экипажа, остановившегося у юрт, выставленных по распоряжению Акмолинского губернатора в ста шагах от границы. После 10-минутной остановки Его Высочество проследовал к триумфальной арке, воздвигнутой Оренбуржцами на самой границе, где Его ожидало начальство Оренбургского края. Приняв хлеб-соль, Государь Цесаревич направился к почетному караулу, конвойной сотне и сотне казачат, честь и слава товарищам Оренбуржцам: их сотни отличались замечательным подбором казаков и казачат и отличным снаряжением тех и других. Пропустив эти части церемониальным маршем, Государь Цесаревич изволил снова проследовать в юрту, где наши казачки еще раз имели счастье угощать Его чаем.

В это время, по приказанию Его Высочества, значок Новорыбинцев был отнят от древка и уложен в один из ящичков коляски, в которой ехал Государь Цесаревич.

Когда уже все было готово к отъезду, Его Высочество, милостиво поблагодарил свой постоянный конвой за службу, а затем, простившись с Войсковым Наказным Атаманом, отбыл в Оренбургское войско.

Долго еще казаки оставались еще на месте, смотря в след удалявшемуся поезду, и только когда последний

экипаж скрылся из виду, они мало-помалу стали расходиться по степи, чтобы поделиться друг с другом впечатлениями незабвенных дней.

Уезжая из Пресногорьковска, Государь Цесаревич подарил на память Войсковому Наказному Атаману свой портрет в богатой рамке. Сотники Петров и Калачев получили драгоценные запонки. Каждый конвойный урядник - серебряные часы и по 50 рублей деньгами, малолеток Бородавкин и урядник Чернигин золотые часы: казаки: Яков и Афанасий Бородавчины и урядник Няшин – серебряные: урядники Белов, Паутов, Волосников и казак Алексей Бородавкин – драгоценные перстни. Такие же кольца получили г-жа Катанаева и Рыбалтовская.

В том же году Государь Император пожаловал всем конвойным урядникам по одному полуимпериялу на человека и вахмистрам: Кучковскому, Колесниченко, Воронкину и уряднику Тютину – серебряные медали на Станиславской ленте.

Все конвойные урядники и казаки, сопровождавшие Августейшего Атамана по территории войска, получили по серебряному рублю каждый.

Нельзя не отметить того отрадного явления, что, несмотря на полный неурожай хлеба и трав подряд два года, казаки, призванные со льготы на службу, на сборы не потребовали ни одной копейки от войска и везде представлялись Августейшему Атаману вполне исправно снаряженными.

Пресновская и Пресногорьковская станичные поселения не многим уступали Новорыбинке – здесь так же казаки не жалели средств на украшения своих домов флагами, вензелями и щитами. В Пресногорьковске сотник Д.С. Калачев с нижними чинами выстроил две арки перед и красиво декорировал площадь перед домом Кладенова».

В Звериноголовской станице Оренбургского войска наследник останавливался в двухэтажном деревянном доме А.Е.Поспелова (снесен в 30е годы).

Примечание Виниченко С.Н.: дом казака Якова Кладенова в 2003 году сохранился на казачьей площади (к кирпичному зданию приделана деревянная пристройка, крыша покрыта поверх железа шифером, здание было после 1917 года отдано под волисполком, поликлинику, пимокатку. Внутренний интерьер уничтожен, поставлены станки для валяния валенок.). В 2006 году дом сгорел. Огонь уничтожил крышу, потолок, пол. Арка и столб стояли в 4 км от Песчанки по дороге к Алабуге в урочище Красный столб (о нем упоминается в документе за 1767 год, здесь проходила межа, отделяющая Петропавловский уезд от Оренбургской губернии). Яков Васильевич Кладенов был расстрелян в 1930 году в городе Кургане, как участник белого движения.

Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с1582 по 1908 год). - СПб.1908. стр.56 – 57.

«... в июле 1891 года во время проезда через Сибирь с Дальнего Востока наследника цесаревича ныне здравствующего царствующаго Государя императора Николая Александровича, сибирские казаки во главе со своим войсковым атаманом бароном Таубе, высшими своими начальниками и выборными представителями офицерства и всех станиц, впервые за свою трехвековую службу имели счастье представиться в Омске своему августейшему атаману в конном строю в составе трех льготных полков, наскоро мобилизованных».

Воспоминания А.Томской (Зенепрецовой), запись 1991 года (умерла в 1992 году в возрасте 92 лет):

«... мой дед вахмистр Матвей Авксентьевич Зенепрецов и Успенъев Никита Дмитриевич вручали батюшке – императору поднос со статуэткой казака на лошади с шашкой,

отделанный серебром и каравай с хлебом – солью на рушнике. Император был маленького роста в солдатской гимнастерке, совсем еще мальчик».

Песня о поездке цесаревича

(песня записана со слов казачки автором)

В девяносто первом годе разнеслася весть в народе,
Что сын царский Николай посетит Степной наш край.
Что посмотрит он станицы, казаков лихих светлицы.
Скоро войску был приказ, что желает видеть нас
Атаман наш дорогой, цесаревич молодой.
Сроду мы того не ждали, такой радости не знали.
Народ массаами толпился, к граду Омску устремился.
Вот начальники-отцы, вот сибирски казаки.
Полковой-то командир нас для встречи приводил.
Атаман наш бригадир – сам Симонов командир.
Нам два слова лишь сказал и у всех восторг поднял.
Разместили нас всех хватом в белокаменных палатах
Вековые те палаты пребольшие, небогаты,
Сад огромный пред окном, а за садом Божий дом.
Но нам все тут нипочем, главно дело было в том,
Чтоб царевича дожждаться, с ним бы лично повстречаться.
Вот желанного дождались, с атаманом повстречались,
На смотрах мы царских были, благодарность получили,
А потом в саду клубили, царско пиво с медом пили.
Вот царевич распростился, в Петербург домой пустился.
Он станицами летел, всюду видеть все хотел
Млад и стар его встречали, со слезами провожали
Девяносто первый год не забудем мы по гроб.

Песня в наши дни с успехом исполняется казачьим фольклорным ансамблем «Звонница» (г. Омск) под руководством заслуженного работника культуры РФ, доктора РАЕН, профессора **Ефима Яковлевича Аркина**.

Почетные казаки станицы Пресногорьковской

Плешков Михаил Михайлович – командир 1-го Сибирского армейского корпуса, генерал от кавалерии, звание почетного казака станицы в 1916 г. (приказ по СКВ №264)

Сухомлинов Николай Александрович – наказной атаман Сибирского казачьего войска, командующий войсками Омского военного округа, генерал-губернатор Степного края, получил звание почетного старика в 1916 г.

7 декабря 1916 года император Николай Второй принял шефство над 1 сибирским казачьим имени Ермака Тимофеевича полком и зачислил царевича Алексея в списки полка.

Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске. Военный сборник. 1866г.

(орфография сохранена)

Стр.5 Казаки, живущие в станицах, ходят более на мещан, чем на крестьян...Здесь казак – это работник неутомимый и невзыскательный, работает он даже в лунные ночи летом, а зимой при огнях на гумне. Он одет просто в рабочее платье, в холщовые штаны, армяк или пони ток, на ногах некрасивые чарки, на голове вместо картуза крестьянская шляпа, пища также простая, но плотная, кроме обеда она состоит из завтрака, паужина и ужина: каждое из этих отделений состоит также из фундаментальных блюд, как и настоящий обед...

Но чай есть не у многих. Табак редко курят... в наездничестве они не уступают кайсакам (казахам). Кайсацкий (казахский) язык не только не пренебрегается, но считается разговорным, кайсацкие (казахские) обычаи тоже усвоены. Казаки охотно пьют кумыс и едят конину.

О.Ямьшевской (стр.7). Здесь много между казаками крещеных кайсаков (казахов) ... здесь можно встретить хоровод из смуглых и плоских лиц и услышать песню смесь киргизского (казахского) языка с русским.

Как все военные поселения станицы отличаются порядком и опрятностью. Улицы у них прямые, улицы наполовину сменяются домиками с 4-х скатной крышей... здесь тщательно следят. Чтобы заборы были непременно досчатые, чтоб крыши были тесовые, чтоб перед каждым домиком были посажены березки...(стр.8).

Северо-западная часть, заключающая станицы от Звериноголовской крепости до города Омска, находится в стране, в которой иногда усваивают название «Ишимская степь». В здешнем пейзаже господствуют березовые дубровы, которые дополняются полями, покрытыми высокой густой травой, бесчисленными озерами разных величин и дорогой на которой черноземный грунт. По качеству это одна из лучших частей Западной Сибири, но по безводию линия казачьих станиц получила название «Горькой линии», потому. Что единственная река Ишим пересекает линию только под прямым углом, так, что на ней стоят три или четыре станицы, а остальные стоят при озерах с горько – соленой водой... летом, во время жаров, высохшие озера начинают гнить и отделять вонючие испарения... в станицах и на улицах и в избах бывает запах откупоренного гнилого яйца...(стр.9).

Из архивного фонда войскового хозяйственного управления Сибирского казачьего войска:

1.В приказе по 1-му военному отделу СКВ № 17 от 25.02.1900 г. приведен список казаков приговорительного разряда, получивших призы «за состязательную стрельбу и наездничество» во время лагерных сборов в 1899 году. В нем значится Николай Лавринов – награжденный вторым призом за наездничество (папахой).

2.В списке «казакам приговорительного разряда старшего возраста 1-ого военного отдела, которым назначены призы за наездничество во время лагерных сборов в 1901 году» значится Иван Лавринов, получивший второй приз (башлык, портупею с темляком и поясной ремень).

3. В списке «первоочередных казаков станицы Пресновской и Пресногорьковской, прибывших в Пресновский лагерный сбор 2 июня 1910 года значится Федор Лавринов урядник, назначенный в сопровождение эшелона в полк.

Прошение схода сельчан с.Макарьевки (основано в 1896 г.) Петропавловского уезда 26.10.1911г.

Постройка железной дороги даст возможность продавать в первые руки продукты сельского хозяйства, особенно скот и хлеб – наше главное занятие, а без дороги мы продаем дешево и покупаем дорого необходимые для себя продукты, товары, с/х машины и инвентарь и потому без дороги у нас не развиваются торговля и культура.

Мы экономически не крепнем, а лишь влачим существование свое. Грунтовые дороги ввиду глинистой почвы совершенно не пригодны к передвижению и осенью и весной даже к сообщению.

У нас на товары потребления высокие цены: за сахар платим 22 коп. за фунт, тогда как на ж/д он стоит 14 – 15 коп. за фунт. Полнейшее отсутствие заработков в годину урожая приводит жителей к окончательному разорению...

**Декрет ЦИК Казахской АССР о возврате казахскому трудовому народу земель, отчужденных царским правительством в собственность Сибирского и Уральского казачьих войск.
19 апреля 1921 г.**

1. Десятиверстная полоса, расположенная по левому берегу реки Иртыша, в пределах Усть-Каменогорского, Павлодарского уездов Семипалатинской губернии, Омского и Петропавловского уезда Акмолинской губернии, и по южной стороне старого тракта станица Звериноголовская - Пресногорьковская – Петропавловск – Омск, переданная высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 31 мая 1904 года в собственность Сибирскому казачьему войску, возвращается казахскому трудовому насе-

лению, издавна живущему на десятиверстной полосе и арендовавшему ее у Сибирского казачьего войска.

Выписка их метрических книг Пресногорьковской церкви (даты приведены по старому стилю)

7 января 1901 года

поселка Пресногорьковского казак Иван Михайлов Шилов православного вероисповедания 34 года, вторым браком.

Проживающая в станице Пресногорьковской Александра Андреева Козлова

Поручители: казаки Самсон Петров Ромашев и Андриан Алексеев Шилов

По невесте казак Иван Дмитриев Шилов и урядник Алексей Успеньев.

В 1881 году умерли Ирина Иванова дочь Давыдова, 104 года, от старости.

Поликarp Емельянович Вяткин, отставной фельдшер.

Наталья Иванова дочь Андрус, офицерская вдова

Почтовой станции смотритель Петр Николаев Петров.

27 апреля 1882 года родился Николай, родители: местной почтовой станции смотритель Петр Николаев Петров и жена его Евдокия. Крестные: отставной сотник Михаил Макарьев Едрилов и казачья жена Евдокия Афанасьевна Кизина.

27 сентября 1894 года родился Александр, ст. Пресногорьковской сотенный фельдшер Яков Поликарпович Вяткин и жена его Евдокия Трофимовна. Крестные: Вятской губернии крестьянин Михаил Трофимов Дербиллов и фельдшера жена Мария Павлова Вяткина.

Комментарий автора: сын Я.П.Вяткина – Иван Яковлевич (1900 - 1945 гг.) работал учителем географии в школе, погиб при освобождении Польши. Внук – Геннадий Иванович, долгое время работал главным экономистом

совхоза «Пресногорьковский», правнук Сергей в 2010 году проживает в Пресногорьковке. В озере найдена личная печать Якова Поликарповича Вяткина.

1 августа 1882 года

род. Матвей ст. Пресногорьковской казак Николай Дементьев Мордовский и жена его Анна Семенова

крестные: казак Иоанн Николаев Мордовский и дочь псаломщика девица Варвара Васильева Серебренникова.

Комментарий автора: правнучка Николая Дементьевича Людмила Николаевна Мордовская-Никитина проживает в городе Кургане. Она известна всему Уралу вышивкой икон. Ее иконы приносят истинную радость многим православным христианам в храмах и монастырях.

8 января 1882 года

Станицы Пресногорьковской казак Федор Андреев Ильин, православный, первым браком, 24 года

Той же станицы казачья дочь Мария Иванова Меринова, 22 года

По жениху: казак Александр Иванов Пономарев, Филипп Евлампиевич Канахин,

По невесте: казаки Капитон Иванов Меринов и Иван Васильев Буданов

22 августа 1901 года

станицы Пресногорьковской казак Матвей Николаев Мордовский 19 лет, православный, сочетается первым браком с казачьей дочерью девицей Евдокией Петровной Вдовиной 18 лет, православной.

Поручители по жениху Иван Николаевич Мордовский (урядник), казак Константин Николаевич Мордовский,

По невесте приказной Андрей Стефанович Томский, казак Максим Петрович Вдовин

Таинство брака совершил св. Яков Киселев.

Псаломщик Василий Серебренников.

22 июля 1903 года

род. Николай

отец: Пресногорьковский станичный атаман Михаил Ефимович Пожидаев, и жена его Ксения Ксенофонтовна

крестные: Петр Васильев Лученинов и потомственная дворянка Софья Федоровна Бедрина (сестра расстрелянного в 1937 году урядника Бориса Бедрина).

22 февраля 1889 года

род. Лев

самой станицы Емельян Львович Канахин и жена его Любовь Лазаревна.

10 апреля 1885 года

род. Агафья

Пресногорьковского поселка казак Елифаный Николаевич Ряписов и жена его Анна Кузьминична

крестные: казак Афанасий Васильев Грязнов и казачья жена Анна Дмитриевна Шилова, св. Василий Попов.

5 января 1893 года

род. Ксения

станцы Пресногорьковской урядник Иван Николаев Мордовский и законная жена его Анна Петрова, оба православные

крестные: казак Михаил Петров Буданов и дочь есаула Софья Федоровна Бедрина.

9 февраля

род. Валентина

станцы Пресногорьковской казак Федор Андреев Кизин и законная жена его Надежда Герасимова, оба православные.

Крестные: урядник Павел Иоаннов Успенъев, казачья жена Любовь Герасимовна Канахина.

16 марта

Род. Агрипина

станции Пресногорьковской казак Прокопий Симеонов
Меринов и жена его Дарья Дмитриева, оба православные.

Крестные: учитель Прокопий Михайлов Желтышев.

1 июля

Род. Александр

Станицы Пресногорьковской казак Петр Михайлов Новгородцев и законная жена его Екатерина Арсеньева, оба православные.

Крестные: урядник Матвей Авксентьев Занепрецов и казачья девица Анна Александровна Новгородцева.

Комментарий автора: урядник Занепрецов вручал хлеб-соль Цесаревичу Николаю в 1891 году.

10 июля

Род. Владимир

Села Половинского крестьянина Данилы Архипова Барзова и законной жены его Татьяны Павловой.

23 апреля род. Александра

Хутора Пресногорьковского казак Илларион Артемьев Варапаев и законная жена его Анна Михайлова, оба православные.

Крестные: Вахмистр Панкратий Павлов Варапаев и жена чиновника Мария Агапова Иванова

* **Панкратий Воропаев**, полный георгиевский кавалер, сопровождал цесаревича Николая во время его путешествия по линии от Тюмени до границы с Оренбургской губернией. В Пресногорьковской в доме Кладенова цесаревич вручил ему серебряные часы и по 50 руб деньгами (прим.- С.В). Источник: воспоминания генерала Н.Симонова.

6 февраля 1883 года

брак вахмистра 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска Федора Иванова Токарева с женой его Анной Григорьевной Успенъевой. (Дом Токарева сохранился, двухэтажный, построен после русско-японской войны – прим. С.В)

5 августа 1892 года родился Александр, казак станицы Петр Васильев Лучанинов и жена его Любовь Андреевна. Крестные: урядник Александр Иванов Пономарев и казачья дочь девица Дарья Васильева Лучанинова

Комментарий автора: П.В.Лучанинов был расстрелян в 1921 году за участие в Западно-Ишимском восстании.

20 сентября 1891 года

род. Михаил

станцы Пресногорьковской казак Алексей Анисимов Успенъев и жена его Мария Софронова

крестные: Никита Дмитриевич Успенъев (вручал цесаревичу хлеб-соль – прим.С.В.) и казачья дочь девица Анна Андреевна Фиронова.

1 июня 1894 года род. Валентина

Поселка Песчановского казак Александр Федоров Панков и законная жена его Параскева Андреева, оба православные.

Крестные: казак Андрей Федоров Панков и казачья жена Евгения Яковлевна Панкова.

22 октября род. Елизавета

станцы Пресногорьковской казак Никандр Степанов Кожев и законная жена его Мария Тарасова, оба православные.

Крестные: вахмистр Агафон Евфимиев Канахин и казачья девица Агриппина Степанова Кожева.

*Елизавета умерла 10 декабря от горячки (прим.-С.В).

1 декабря 1901 года (погребена 3 декабря)

Макарьевской волости и селения крестьянина Руфа Григорьева Винниченко жена Екатерина Васильева 46 лет. Скончалась от воспаления легких. Похоронена на Макарьевском кладбище. Отпевал священник Александр Соколов.

Авторский комментарий к последней записи:

Мои предки основали в 1896 году поселок Макарьевка, среди них был мой прадед Руф Григорьевич Винниченко.

Он скончался в 30-х годах прошлого века, похоронен на Макарьевском кладбище. После кончины Екатерины Васильевны прадед остался с детьми - Хрисантием и Иваном. Он женился вторым браком на Парасковье Федоровне, моей прабабушке. У них родились дети Трофим (1906), Ульяна, Дмитрий (1910), Михаил, Алексей, Александра (1918). Мой дед Дмитрий воевал под Харьковом, попал в плен на Барвенковском выступе летом 1942 года, прошел ужасы нацистских концлагерей и был освобожден 28-го апреля 1945 года в Дахау, куда Гиммлер приказал свезти советских пленных для уничтожения. Умер дед в 1974 году. Светлая память ушедшей в 2005 году бабушке Шуре, похороненной в Екатериновке. С детства помню ее чудесные рассказы о прошлом, ее доброе и ласковое сердце.

С годами из фамилии Винниченко куда-то исчезла одна буква «н», по-видимому, в 20-е годы ее пропустил в документах недобросовестный переписчик.

Казачи на фронтах Великой Отечественной войны *(Поисковый материал)*

Солдатский подвиг

Все дальше в прошлое уходят от нас события Великой Отечественной войны советского народа против сил тьмы – фашистского вторжения, чудовищного по силе броска «железных» дивизии III-его рейха на Восток.

Уходят в вечность ветераны, те, кто обильно полил своей кровью поля Белоруссии и Украины, степи между Доном и Волгой, белый снег Подмоскoвья. Не думали пресногорьковские ребята, что погонят отборные эсэсовские дивизии вермахта до Эльбы, врываясь на танковой броне в освобожденные города Европы, оставляя в огромных братских могилах убитых товарищей.

Я расскажу об эпизодах боевого пути одного из них – гвардии капитана Трофима Ефимовича Чиркова.

Сын казака поселка Починoвка, Трофим унаследовал от предков лучшие качества воина – мужество, стойкость, выдержку, быстрое принятие решений. Жизненный путь его типичен для советского офицера той поры.

После окончания семилетки Трофим трудился в колхозе. В 1937 году был призван Пресногорьковским РВК на срочную службу в ряды Красной армии, которую проходит в течение трех лет в г.Ворошилов. Навыки, полученные во время прохождения службы, оченьгодились молодому командиру в августе 1942 года, когда он был мобилизован на фронт. До мая 1943 года Трофим Ефимович воевал на Юго-Западном фронте в должности политрука батареи. С мая 1943 по 1946 год он командовал батареей в 360-м гвардейском тяжелом танковом артполку 3-й армии. За этот период полк прошел с боями от Калача на Дону до Эльбы. Полк появился в штате армии 1-го Белорусского фронта

как средство для борьбы с тяжелыми танками «Пантера» и САУ «Фердинанд». Танкосамоходные установки имели мощные пушки и успешно жгли крупновскую сталь неповоротливых монстров.

Наступление на Берлин началось в Польше. Висло - Одерская операция готовилась тщательно. Маршал Г.К.Жуков вспоминал: «Для атаки переднего края от каждой дивизии выделялись один-два стрелковых батальона с танками и самоходно-артиллерийскими установками. Открыв мощный огонь всей артиллерии и, бросив основную массу авиации по дальним целям обороны, армии фронта начали атаку первых армейских эшелонов». В одной из упомянутых маршалом Победы самоходок находился старший лейтенант Т.Е.Чирков, который вспоминал: «Артподготовка велась полтора часа. В ней участвовал и наш полк. Выстрелив положенное количество снарядов, мы с нетерпением ждали сигнала зеленой ракеты для перехода в наступление. И вот, наконец, мы увидели по всему фронту зарево зеленых ракет. Это было чудесное сияние на рассвете. В атаку пошли танки, пехота, авиация. Ломая сопротивление, войска фронта рвались в логово врага».

Наступление развивалось стремительно. Самоходки полка подошли к польскому городку Жешув. На окраине немцы замаскировали свои танки, и головная машина Т.Е.Чиркова попала под прямую наводку. Немецкий снаряд повредил орудийный ствол САУ, второй – разбил гусеницу, третий поджег топливный бак. Командир приказал экипажу покинуть машину и отползти в кювет. Это было своевременно, через несколько минут самоходка взорвалась. В бою обгорел механик-водитель. Танкистам до слез было жаль погибающую машину...

Форсировать Одер южнее Франкфурта с ходу не удалось из-за мощных оборонительных сооружений. Противник взорвал мосты и переправы. Командование решило форсировать реку по льду, но сильный пулеметный огонь положил пехоту на лед. Т.Е.Чирков был вызван на КП дивизии,

где получил задачу – подавить огнем три сильно укрепленные огневые точки противника. При удачном огне пехоте можно было продолжить штурм. Трофим Ефимович вспоминал: « Сделали три выстрела, каждый снаряд попал точно в амбразуру дота. Огонь вражеских пулеметов замолк. Пехотные командиры подняли роты в атаку и закрепились на противоположном берегу Одера. Санитары кинулись эвакуировать раненых, а саперы начали сооружение переправы». К вечеру артиллеристам удалось поймать барана и сварить вкусный беспармак, который с удовольствием ел весь экипаж.

Об эшелонированной обороне противника от Одера до Берлина пишет Г.К.Жуков: «Создавалась сплошная система сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по нескольку линий окопов. Противник использовал озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты были приспособлены к круговой обороне». Однако это не могло остановить советские войска, продолжавшие наступление и днем и ночью. Танки далеко опережали пехотные части. «Немцы решили устроить нам ловушку, используя непогоду и слабую видимость, - вспоминал Трофим Ефимович, - они оставили на опушке леса два танка, остальные ушли в укрытие. Когда мы стали подходить к опушке, немцы стали стрелять почти в упор, подбили две машины. Очередным правым бортом к противнику был мой танк. Делать повороты опасно. Даю команду механику дать прямо полный газ. После этого было два сильных удара по броне, но мы шли быстро и прорвались прямо к немецким танкам. Они сразу прекратили огонь и скрылись, а утром начали контратаковать силами тридцати «Пантер» против наших оставшихся восьми самоходок. За танками бежали автоматчики. Двумя выстрелами удалось подбить два танка. По отблескам огня от вражеских машин можно было точно определить - будет попадание или нет...». Танковая дуэль закончилась отступлением фашистов.

Будучи неоднократно ранен, Т.Е.Чирков не покидает поле боя и до последних сил остается в строю. В одном из апрельских боев южнее Берлина он был ранен в ногу и упал. «Фашисты открыли огонь, хотели добить меня, но мой друг Бармотов ринулся на помощь и помог санитарам эвакуировать меня в госпиталь. Командование ротой в бою я передал лейтенанту М.Родко. Но ему через час оторвало ногу и, Бармотов взял на себя командование боевыми ротами. У меня с ним была договоренность о краже меня из госпиталя. Через три дня Бармотов, используя машину командира полка Героя Советского Союза Красника, вывез меня из госпиталя, за что получил от «Бати» суровый нагоняй. Свой танк в наступление я повел на костылях». Подобный случай, говорящий о крепкой взаимовыручке фронтовиков, произошел у населенного пункта Сезерин. Приказ взять пункт гвардии капитан Чирков получил от командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К.Жукова через его адъютанта. Во время выполнения задания Трофим Ефимович получил осколочное ранение в руку, Бармотов приполз из санчасти и на время подменил командира батареи, пока полковой военврач Квятковский делал перевязку Чиркову.

Послесловие

Гвардии капитан артиллерии Т.Е.Чирков закончил войну на Эльбе у Магдебурга. Он был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», двумя медалями польского правительства. К этим наградам после окончания Великой Отечественной войны Трофим Ефимович добавил Орден Трудового Красного Знамени.

Всю свою жизнь гвардеец Т.Е.Чирков провел на фронтах – боевом и трудовом. Память о нем навсегда останется в сердцах благодарных потомков.

Огненные версты Николая Савельева

На своем жизненном пути мне не раз пришлось испытать горькое чувство недосказанности в моменты, когда приходит понимание того, что мир человека тебе интересного своей судьбой уже навсегда принадлежит вечности.

Это чувство заставляет вспомнить о человеке все, стараясь не забыть малейшие подробности общения с ним.

Я расскажу о Николае Борисовиче Савельеве, для меня - просто дяде Коле. Известен потрясающий факт - в конце войны в рядах воюющей армии оставалось всего три процента бойцов, встретивших ее утром 22 июня 1941 года на западной границе. Николай Савельев волею судьбы оказался в их числе. Призванный в ряды Красной армии еще до войны, боец Савельев в предрассветный час кровавого воскресенья 22 июня выбежал из казармы во двор автобата Южного военного городка города Бреста и увидел смерть. Вся площадь перед гаражами была устлана телами в белом белье, выданном несколько часов назад после помывки личного состава 29-й легкотанковой бригады в гарнизонной бане. С неба на город валились немецкие бомбардировщики, сея ужас и хаос. Западная граница полыхнула огнем. Блицкриг осуществлялся при помощи мощных танковых клиньев, сходящихся на крупных населенных пунктах. Танковые группы оставляли в своем тылу гигантские «котлы» с окруженными бойцами Красной Армии. 28 июня пал Минск, 16 июля - Смоленск. Красноармеец Савельев, после долгих мытарств в белорусских лесах, оказался под Могилевом, где формировали части для резерва Ставки Верховного Главнокомандования. В составе артиллерийского полка он был отправлен Волховский фронт под Ленинград. Город был блокирован группой армий «Север» в начале сентября 1941 года. Пожар на Бадаевских складах поставил население города перед реальной угрозой гибели от голода. Николай Савельев участвовал в доставке продовольствия в осажденный город по льду Ладожского озера.

«Дорогой жизни» называли этот путь защитники города на Неве. Немцы постоянно бомбили колонны машин. «У наших полуторок не было дверей со стороны водителя, вспоминал Николай Борисович, - это было сделано для того, чтобы в случае попадания машины в воронку можно было выскочить на лед». Никто из шоферов не думал о себе, особенно, после того как обратно повезли умирающих детей и женщин. Ненависть к жестокому врагу заставляла раз за разом гнать машины к противоположному берегу, проходя сорокакилометровый отрезок с максимальной скоростью. Потом был прорыв блокады, за которым, затаив дыхание, следила вся страна. Маршал Г.К.Жуков писал: «За долгие месяцы пребывания под Ленинградом гитлеровские войска превратили занятые ими позиции в мощные укрепайоны с системой бетонированных полевых сооружений». Вся система была усилена сетью проволочных заграждений и минными полями. Николай Борисович так описал передний край участка Волховского фронта, на котором располагался его артполк: «Зачастую бойцы не оканывались в мерзлой земле, а использовали для защиты трупы убитых, хоронить которые до тепла не было никакой возможности. Закоченевшие тела засыпали снегом, пули их не пробивали. Так наши павшие товарищи защищали живых. Но весной дышать на позициях было очень трудно и нам и немцам». Не прочесть нам о таких реалиях войны в урезанных цензурой мемуарах полководцев. У В.С. Высоцкого об этом есть такие строки:

Здесь никто не найдет, даже если б хотел,

Руки кверху поднявших.

Всем живым ощутимая польза от тел:

Как прикрытье используем павших.

Прорыв блокады Ленинграда был осуществлен 18 января 1943 года силами 2-ой ударной армии Волховского и 67-й армии Ленинградского фронтов. Глубоко эшелонированная оборона гитлеровцев была взломана ценой нескольких тысяч жизней. Следующий год на войне для гвардии

сержанта Савельева выдался не менее тяжелым, чем предыдущий. Противник отчаянно сопротивлялся, обороняя каждый населенный пункт. Географию мест, по которым прошел тогда, Николай Борисович помнил полвека спустя – Тихвин, Новгород, Порхов, города Прибалтики, Валга, Рига.

В конце 1944 года воинскую часть, в которой воевал Николай Савельев, была направлена на 1-й Украинский фронт (командующий – маршал И.С.Конеv). 12 января 1945 года с Сандомирского плацдарма началось движение армий на Бреславль. Немецкий генерал К.Типпельскирх так описывает это сражение: «Удар был настолько сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и крупные резервы, подтянутые по категоричному приказу Гитлера совсем близко к фронту. Они понесли потери уже от артподготовки, а в дальнейшем их вообще не удалось использовать». За шесть дней наступления 1-й Украинский фронт продвинулся на 150 километров вглубь Польши до Бреслау. Февральский стокилометровый бросок на Запад вывел армию на реку Нейсе, приток Одера. С этой позиции 1-й Украинский фронт атаковал Берлин с юга. 16 Апреля началась завершающая операция по взятию столицы III-го рейха силами 1, 2 Белорусского и 1-го Украинского фронтов. «Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии, из прибалтийских, закавказских, среднеазиатских республик пришли сюда наши люди, чтобы завершить справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины... Солдаты, сержанты, офицеры и генералы показали себя в Берлинской операции творчески зрелыми, решительными и отчаянно смелыми людьми» (Маршал Г.К.Жуков). 8 мая, в день своего рождения, Николай Савельев оказался в Чехословакии. Исполнилось ему тогда 24 года. Еще пятого мая командованию стало известно о восстании чехов и тяжелых боях с немецкими войсками в Праге. Соединения 1, 2, 4-го Украинских

фронтов повернули от поверженного Берлина на юг, на помощь братскому народу Чехословакии. Весть о капитуляции Германии Николай Борисович с боевыми товарищами встретил в 36 километрах от Праги. Город горячо приветствовал воинов-освободителей.

Какую же непомерную усталость и вместе с тем ничем несравнимую радость должен был испытать солдат, прошедший путь от Бреста до Ленинграда, закончивший войну в Праге! Четыре долгих года ушло на эту дорогу – настоящий ад с гибелью товарищей, пожарами, ужасами бомбежек. Николай Борисович Савельев прошел свой путь с мужеством и честью.

Родина наградила его орденом Отечественной войны, медалями «За Отвагу», «За Боевые Заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией».

Лишь в мае 1946 года Николай Борисович был демобилизован из армии и занялся мирным трудом. До 1955 года он работал оперуполномоченным уголовного розыска в г.Оренбурге, а потом поехал на целину с женой Татьяной Георгиевной и маленькой дочерью Людмилой. В Пресногорьковском районе очень пригодился шоферский опыт Николая Борисовича – работал начальником автоколонны, шофером, передавая бесценный опыт молодежи.

Его не стало весной 2004 года. Когда я вижу в бездонном небе клин журавлей, всегда вспоминаю павших за Родину и верю, что светлая душа старого солдата окликает с небес всех тех, кого оставил на Земле.

Молодых людей 1921-го года рождения историки называют «поколением убитых». После окончания Великой Отечественной войны живыми остались единицы. Гвардии старший сержант Николай Савельев, защитивший Родину от фашизма, навсегда запомнился мне залихватской игрой на гармошке на свадьбе внука и кажется мне теперь, что играл он так за всех товарищей, которые не вышли из огня сражений и остались молодыми навсегда...

Разведчик

В середине 90-х годов мне удалось записать воспоминания жителя Пресногорьковки полкового разведчика, старшины в отставке Николая Кирилловича Статьева. Эти записи составили основу очерка о его боевом пути.

Осенью 1942 года внимание всего мира было приковано к маленькой точке на карте под название Сталинград. Шестая армия Ф.Паулуса стремилась сбросить бойцов 62-й армии в Волгу и перерезать эту водную магистраль, по которой в центральную Россию доставлялась Бакинская нефть. Английский историк Алан Кларк пишет: «Период с 13 по 23 сентября, когда 6-я армия была относительно свежей, был самым опасным для Сталинграда. В ночь на 15 сентября положение обороняющихся настолько ухудшилось, что переправившуюся дивизию Родимцева пришлось бросать в бой побатальонно, как только бойцы сходили с паромов и лодок. В результате свежие части, не успев осмотреться и закрепиться, вступали в жестокие бои... Но даже в этих тяжелых условиях мужество солдат, сражавшихся до последнего патрона, сыграло свою роль в срыве немецкого наступления».

Уроженец села Сибирка Пресногорьковского района Николай Статьев 17 сентября 1942 года попал в самую «горячую» точку города – на Мамаев курган. После ночной переправы, в четыре часа утра, бойцы его пулеметного взвода поддержали огнем автоматчиков, проводивших разведку боем и в рукопашной схватке выбивших фашистов из укреплений на склоне кургана. Половина личного состава взвода погибла в первые часы боя. Николай Кириллович вспоминал (записано автором в 1996 году): «Командир роты, с которым мы даже не успели познакомиться, приказал при появлении красной ракеты прикрыть пулеметным огнем атакующую пехоту и не дать немцам охватить ее с флангов. Через полчаса появилась красная ракета. После короткой артподготовки наши пошли в атаку в полный

рост. Вдруг с левого фланга появились немцы под прикрытием трех танков. Я развернул пулемет и попытался отсечь огнем пехоту от танков, чтобы дать возможность бронбойщикам и огнеметчикам уничтожить танки. Сделать это удалось. Вокруг творилось что-то неопишное – разрывы снарядов, дым, гарь, выстрелы из всех видов оружия. После боя остатки нашей роты окопались возле водонапорной башни. Для самолетов это был хороший ориентир, и бомбили нас беспощадно, земля стояла дыбом, били артиллерия и минометы, все заволочло дымом и пылью. Лязг гусениц, в полный рост идут пьяные немцы в пять-шесть шеренг. Мы их косим, а они по трупам идут, остановили их гранатами, били в упор из ракетниц. Потом пошли в рукопашную, горстка бойцов во главе с комроты. Взяли немцев в штыки били их кто чем – лопатами, прикладами, ножами и голыми руками. О смерти тогда и не думали, одна была мысль – не дать врагу напиться воды из Волги. Когда наступила передышка, увидел страшное - вокруг негде даже присесть, везде убитые, а по земле течет кровь. Так захотелось напиться холодной воды, но до реки далеко – метров триста. Перед закатом немцы вновь пошли в атаку. Из моего расчета все трое были убиты, я был ранен – перебило осколками обе ноги и ушибло руку куском бетона. Санитары потащили меня к реке, но тут снова налет и их накрыло в воронке. Только вечером меня утащили к переправе и в медсанбат. Пробыл я в Сталинграде 22 часа».

Николай провел на излечении в госпитале г.Ярославля 46 суток. После выписки был отправлен на Северо-Восточный фронт в роту разведки 121 лыжной бригады 1-й ударной армии. В селе Балабаново Ленинградской области пришлось брать первого «языка». «Саперы проделали проходы в минном поле, перерезали проволоку и мы поползли в окопы противника, сняли ножом часового, зашли с тыла к штабному блиндажу. В нем захватили двоих фрицев, забили им в рот кляпы, порвали телефонные провода, взяли ящик с документами и удачно вернулись к своим. После

допроса пленных, в новогоднюю ночь 1943 года Балабаново было взято, гарнизон уничтожен. К 12 часам немцы очухались и бросили на нас батальон пехоты и шесть танков, но мы продержались до подхода основных частей».

В феврале 1943 года Николай Статьев был назначен командиром разведгруппы из 12 человек для обучения и ведения разведки в тылу врага. Группа диверсантов была вооружена автоматами, финскими ножами, гранатами. Начались многодневные выходы лыжников далеко в тыл врага из расположения 23-й гвардейской дивизии. Первая разведка была проведена в сильную метель у деревни Залучье – был уничтожен пункт связи, взяты в плен два «языка», давшие на допросе очень ценную информацию. Разведчики Статьева были вызваны в штаб армии, расположенный на берегу реки Ловать, где встретились с командующим генералом Поповым. Командующий представил группу к правительственным наградам. Только в феврале лыжники десять раз выходили на боевые задания, добыли ценные сведения, добыли четырех «языков». Во время таких выходов случалось всякое. Однажды группа вплотную подошла к вражеским траншеям. Вдруг сапер Феоктистов крикнул, что нога его запуталась в проволоке. Он медленно вытянул ногу из валенка и заложил в него мину-сюрприз. Ногу обмотал шарфом. Сапер в разведке отморозил пятку, но пребывал в веселом расположении духа, всем говорил, что фашисты заплатят за нее. Три дня спустя немецкий перебежчик рассказал о валенке, найденном гитлеровцами. Мина сработала. Радостный сапер уговорил начальника разведки бригады, чтобы тот разрешил поговорить с немцем. Взял спирт и напоил им пленного, за что получил трое суток ареста.

Были в группе Статьева и штрафники. Бывший налетчик Александр Головкин долго просился на боевое задание, и Николай решил проверить его в деле. Головкин бесшумно снял часового, надел немецкую каску, забежал в блиндаж с гранатой, прихватил немца за шею. Тут забежали осталь-

ные и помогли ему вытащить «языка» наружу. Разведчики дали несколько очередей по траншее, и ушли на нейтральную полосу вместе с «языками». Только у своих Статьев заметил, что кроме «языка» Головкин «пленил» еще и гармошку. Александр в дальнейшем стал хорошим командиром, после войны проживал в Ленинграде.

Опыт разведчиков пригодился на Западном фронте в августе 1943 года. Южнее Смоленска перед разведгруппой поставили задачу – провести разведку боем, достигнуть передовых позиций противника, уничтожить четыре огневые точки и, по возможности, захватить пленного. В 4.30 утра должна была начаться артподготовка и наступление, поэтому необходимо было спешить, чтобы не попасть под свои снаряды. По-пластунски разведчики преодолели шестьсот метров, забросали блиндаж гранатами, заскочили в траншею, оглушили немца прикладом и поволокли его. До начала артподготовки осталось всего четыре минуты. Группа понесла тяжелые потери – шестеро были ранены и один убит. Началось мощное наступление, в результате которого части 33-й армии к исходу дня 17 августа освободили город Ельню. Вместе с войсками 95-й стрелковой дивизии Николай Статьев дошел до границы с Белоруссией. За три месяца непрерывных боев дивизия была обескровлена и село Ленино брали вместе с Польской дивизией имени Тадеуша Костюшко, под командованием генерала Берлинга.

Николай Кириллович Статьев в составе 1-го Белорусского фронта освобождал Польшу, брал Варшаву, Берлин. Закончил войну на Эльбе, где состоялась памятная встреча с союзными войсками. За свою фронтовую жизнь разведчик лично привел из окопов противника 19 «языков» и был награжден Орденом Боевого Красного Знамени и Отечественной войны, двумя Орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина». После Победы вернулся в

Пресногорьковку, работал механиком в МТС, бригадиром тракторной бригады, мастером доротдела.

Николай Кириллович вел активную общественную работу, занимался патриотическим воспитанием молодежи, был председателем Совета ветеранов. Для меня Николай Кириллович является Человеком с большой буквы – исключительно скромным, выдержанным, честным и мужественным. Таким он остался в памяти односельчан.

Старый дневник о любви и войне

Однажды в моих руках оказалась потрепанная серая книжка с названием «Боевой устав артиллерии РККА». Записи в ней были очень интересны для историка – на сшитых листах день за днем записаны воспоминаниям Николая Михайловича Плеханова, призванного в Советскую армию 7 июня 1942 года Пресногорьковским РВК. Последняя запись в дневнике сделана автором 17 декабря 1944 года в Восточной Пруссии.

Заглянем вместе в записи артиллериста Плеханова (орфография сохранена).

«Радостный день моей жизни, получил повестку в ряды РККА, находясь в командировке в Макарьевке. По прибытии в родное село со своим другом Михаилом нас встретили наши друзья, знакомые девушки. Раздался гудок автомобиля, мы уезжали по улицам, по которым еще вчера гуляли со своими любимыми».

10 июля новобранцев привезли на станцию Лебяжье Курганской области. Шофер обнял Николая на прощание и тот долго смотрел вслед уходящей в родную сторону машине. До 30 февраля 1943 года он постигал артиллерийскую науку в Смоленском артучилище, здесь начал вести дневник.

«1 марта 1943 года я впервые прибыл во фронтовую полосу в город Старая Русса, где только что закончились тя-

желые наступательные бои. Личные составы расчетов были несколочены и малознакомы. Пришлось поработать над этим. При артобстреле приходилось переживать».

18 августа началось наступление. Николай командовал орудием, бившим прямой наводкой. Ночь расчет провел в воронке, «кругом все было объято пламенем, несли раненых».

20 августа во время утреннего наступления «неожиданно пуля пронзила мне грудь, товарищи немедленно стали оказывать первую помощь и вынесли с поля боя, состояние было тяжелым. По болоту бойцы несли меня в медчасть... 25 августа меня вместе с другими ранеными привезли в г. Осташков в госпиталь №1827».

Здесь Николай встретил свою судьбу – девушку, с которой не расставался после войны всю свою жизнь. Он пишет об этой встрече еще не зная об этом.

«1 сентября в кинотеатре встретил девушку. Радостно у нас было на душе от того, что фронт гнал врага. Знакомство с Галиной послужило дальнейшему выздоровлению благодаря ее большой заботе, кроме того, получил вливание ее крови!»

18 октября Николай был выписан из госпиталя и направлен в часть для дальнейшего прохождения службы. Расставание с медсестрой Галиной было грустным – «на вокзальной площади промелькнули слезы, и взмахнул платок, - записал Николай в дневнике.

В декабре 1943 года бойцы 16-й армии 2-го Прибалтийского фронта защищали город Великие Луки. Здесь, на передовой, в густой буря, Николай Плеханов встретил новый 1944 год, а 12 января в семь часов утра после мощной артподготовки «наша пехота быстро продвинулась вперед, и мы сменили огневые позиции, пройдя через непроходимые болота. Целыми сутками не имели ни минуты отдыха. Лишь 7 марта заняли оборону. Противник сильно обстреливал нас из тяжелых орудий. Мы били по врагу». 10 марта вновь началось наступление, в котором расчет Николая

своим огнем прокладывал путь пехоте. «Бойцы чувствуют непомерную усталость от тяжелых боев», - записывает он. 7 июня Николай получил задание нанять наблюдательный пункт на высоте 224,8. Под шквальным огнем противника задача была успешно выполнена и, вечером следующего дня он получил задание двигаться с пехотным полком для корректировки огня артиллерии. С радистом и рацией Николай находился на передовой и успешно направлял огонь. 11 июня бойцы вошли в большое село, «где впервые пришлось освободить группу советских граждан, сколько было ликования, но нам ждать было некогда, нужно преследовать в панике бегущего врага». 14 июля на пути наступающих армий возникло водное препятствие – полноводная Западная Двина. Гитлеровцы попытались взорвать железнодорожный мост через реку, но артиллеристы «попав под огонь пулеметов, приняли боевой порядок и при поддержке двух танков вступили в бой с подрывниками. С криками «ура» мы заскочили на мост и закололи несколько гадов, не ушли и остальные». На трофейной машине бойцы въехали в г.Идрицу и продолжили наступать на Себеж. Здесь фашистам удалось приостановить наступление.

25 июля войска 2-го Прибалтийского фронта перешли границу Латвии. «Бои здесь принимали очень тяжелый характер. Приходилось часто разворачивать орудия и вести огонь по противнику, но дух воинов настойчив, они рвутся вперед» (из дневника).

31 июля артиллеристы переправили орудия через реку Айвексте и приняли бой с превосходящими силами противника. Фашисты шли на батарею в полный рост. «Во время атаки ряд наших лучших офицеров выбыли из строя, - пишет Николай после боя, - окончив работу, бойцы, сидя на станинах орудий, вытирали пот. За хорошую работу командир полка многих наградил правительственными наградами. Я получил орден Красной Звезды». Месяц напряженных боев для Николая и его товарищей был тяжелой работой по освобождению своей Родины от захватчиков.

17 августа Николай заменил на НП убитого командира батареи старшего лейтенанта Жичкина. Он пишет: «К исходу дня я также выбыл из строя, был ранен в руку, пришлось покинуть вновь боевых товарищей». Николая отправляют на лечение в город Торопец, где он пробыл два месяца. В конце концов «наскучила эта жизнь, и я поспешил к товарищам. Не помирившись с доктором, ускорил выписку, не закончив лечение» (из дневника). Николай отправился в Осташков, чтобы увидеть Галину, с которой расстался ровно год назад, но ее госпиталь двигался вслед наступающей армии, и его намерение не исполнилось.

25 октября 1944 года Николай прибыл в штаб 16-й армии и вместе с товарищем старшим лейтенантом Асельбековым принял участие во взятии городка Вегеряй. 8 ноября Николай Плеханов вернулся в родной полк, где его давно ждало письмо от Галины, которому он был несказанно рад. Начались бои за Тылты. «Мы подошли к фашистам на 25 метров, но пулеметы не замолкали, подползли по ровной сырой местности, забросали гранатами блиндажи, взяли десять пленных. Всю ночь заходили в тыл противнику по болоту, по колено в грязи. Утром вышли на сухую опушку леса и напоролись на немцев. Они открыли сильный огонь в упор. Жуткая картина, убитые и стоны раненых и отход по болоту. Здесь покалечило осколками лучшего друга Жорку Домитина. Меня сильно оглушило, бросило в какую-то яму, засыпало землей».

В начале декабря Николая послали в г.Крустпилс для формирования артбатареи. Там, 17 декабря, он, наконец, встретился с Галиной. Прочитаем о встрече в дневнике. «Вот я уже у здания госпиталя. Девушки заметили мою спешку, и повели к Галине. В это мгновение я не чувствовал ног, а сердце так и рвалось». Всего десять минут отвела им судьба на свидание. Прощаясь, молодые люди не знали, увидятся ли вновь. Впереди были полгода тяжелейших боев в Восточной Пруссии и, лишь малый шанс остаться в живых.

На этом записи в дневнике обрываются, но жизнь наших героев продолжилась в мирное время.

Капитан Николай Михайлович Плеханов закончил войну в Восточной Пруссии. Работал в Пресногорьковском райотделе милиции. Скончался в 1980 году.

Галина Тимофеевна родилась в 1921 году в Луганской области. В 1939 году закончила медицинское училище в г.Ворошиловске. На второй день войны была призвана в ряды Советской армии, всю войну проработала хирургической сестрой в госпиталях. Победу встретила в Латвии. Летом 1945 года приняла участие в войне с Японией. В Маньчжурии пробыла до 20 января 1946 года. Награждена Орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией». После демобилизации в 1948 году Галина Тимофеевна приехала в Пресногорьковку и вышла замуж за Николая Михайловича Плеханова. В Пресногорьковке у них родились трое детей. 47 лет Галина Тимофеевна проработала в Пресногорьковской районной больнице медицинской сестрой. Скончалась в 1997 году.

Такую вот историю поведали пожелтевшие страницы старого фронтового дневника.

Солдат из Книги Памяти

Время все дальше отодвигает от нас события Великой Отечественной войны... Но память человеческая живет дольше нас, смертных. Она в памятниках и обелисках, в вечном огне мраморных звезд, в ветхих листках похоронок и писем из померзлых окопов, она кровью бросается в голову, когда в документальной хронике танки Гудериана, лязгая гусеницами, рвутся к Москве...

Открываем Книгу Памяти. Нескончаемые списки погибших, краткие биографические данные, здесь люди раз-

ных национальностей, возрастов, география захоронений – вся Восточная Европа от Волги до Эльбы.

Они были разными, эти ребята, отдавшие жизнь за Родину, но их навеки объединила великая дружба и ненависть к фашизму, жертвенность была особой чертой этого поколения.

Наш долг хранить память о них, воспитывая молодежь на примерах подвигов их дедов и прадедов.

Этот рассказ о боевом пути рядового солдата из Казахстана, одного из Книги Памяти, Зенепрецове Александре Васильевиче. В начале 90-х годов ко мне, учителю истории Пресногорьковской школы, обратился за помощью ветеран войны Иван Васильевич Зенепрецов, внук вахмистра Матвея Авксентьевича Зенепрецова, вручавшего поднос с хлебом-солью цесаревичу Николаю Романову. Просьба его заключалась в том, чтобы помочь найти место захоронения старшего брата Алексея, погибшего на территории Белоруссии в годы войны.

Отправной точкой поиска стало письмо боевого товарища погибшего земляка Ивана Дюндина, присланное им еще в 1975 году на имя председателя Пресногорьковского райисполкома. В нем говорилось, что уроженец Пресногорьковки Алексей Зенепрецов за боевые подвиги в партизанском отряде. Осенью 1942 года был представлен к званию Героя Советского Союза.

Ребята из группы «Поиск» предложили сделать запрос в подмосковный Подольск, в Центральный архив министерства обороны СССР по поводу присвоения звания. Второе письмо мы отправили в Смоленскую область, где проживал Иван Дюндин для уточнения ряда обстоятельств. Через пару месяцев пришел ответ из Подольска за подписью начальника хранилища Обухова. В нем говорилось, что «в книге Героев Советского Союза за 1934 – 1964 гг. Зенепрецов А.В. не значится». Ребята-поисковики были расстроены этим результатом, я же с самого начала не надеялся на положительный ответ – партизаны в 1942 году к наградам

столь высокого уровня командирами представлялись, но практически не награждались. Десятки тысяч партизан оказались в тылу врага после образования гигантских «котлов» то есть были окруженцами, часть из них успела побывать в фашистском плену и по сталинским меркам нуждалась в тщательной проверке. Зато ответ от Ивана Дюндина порадовал поисковиков. Обладая прекрасной памятью, он довольно подробно описал боевой путь нашего земляка, дал адрес И.Воропаева, бывшего партизанского разведчика, проживающего в Шымкенте. Воропаев откликнулся сразу. Он оказался двоюродным братом Сергея Воропаева, выпускника Пресногорьковской школы, дневник которого из лагеря Ламсдорф читал на Нюрнбергском процессе Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко (подробно об это см. статью профессора Н.Кандалина в газете «Ленинский путь» от 21 ноября 1988 года).

В письме на пяти тетрадных листах он описал призыв в армию 1940 года в Пресногорьковке, службу с Алексеем до начала войны в Минске и неожиданную встречу с ним через год в партизанском отряде.

Цель поиска на этом не оборвалась. Через этот ответ мы вышли на начальника штаба партизанского отряда Сергея Ивановича Мальцева и комиссара Иосифа Андреевича Теплинского. К сожалению, командир отряда В.А.Тихомиров скончался в середине 70 годов. С.И.Мальцев, генерал-майор в отставке, председатель Совета ветеранов Белоруссии, был знаком с Алексеем. Он очень удивился тому, что мы мало о нем знаем – оказывается Алексей Васильевич Зенепрецов отмечен в 8 томе Белорусской советской энциклопедии, и является одним из героев его книги «Когда опасность рядом», именем Алексея назван отряд № 756 12-ой кавбригады имени И.Сталина.

Генерал попросил для нового издания книги фотографию Алексея. Мы немедленно выполнили его просьбу.

Каждое новое письмо от ветеранов партизанского движения было для нас откровением - картина всенародного

сопротивления оккупантам, нарисованная живыми свидетелями, была впечатляющей. Воспитательная сила писем для молодежи очевидна.

В конечном итоге из этой мозаики воспоминаний сложился боевой путь нашего земляка с момента призыва в Красную армию до гибели в сентябре 1942 года.

Выпускник Пресногорьковской школы Зенепрецов А.А., 1920 года рождения, был призван в ряды Красной армии в 1940 году Пресногорьковским РВК.

В числе 70 призывников он уехал на Запад с той самой площади, на которой когда-то его дед Матвей Авксентьевич вручал поднос с хлебом-солью императору Николаю Второму. Все земляки попали служить в Минск, в полковую школу. Алексей был определен в пулеметный взвод. Физически крепкому, выносливому, хорошо подготовленному к службе в армии юноше

Легко давались марш-броски и караульная служба. Алексей в совершенстве освоил материальную часть пулемета и стрельбу. Все эти навыки вскорегодились ему в боевых условиях. Попав в окружение в первые дни войны, он в полной мере хлебнул лиха на лесных дорогах Белоруссии. В августе 1941 года на одной из переправ Алексей познакомился с Иваном Дюндиным. Ребята дали друг другу клятву «ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не оставлять друг друга в беде».

В плен попали сонными после тяжелого перехода. Фашисты конвоировали их в лагерь для военнопленных в г.Червень Минской области. Через две недели друзья совершили дерзкий побег - вызвавшись колоть дрова, они убили охранников и с их оружием ушли в лес. Всю осень и зиму Иван и Алексей скитались по Могилевской области, медленно продвигаясь на Восток. Скрывались в лесных хуторах, оба переболели тифом, местные жители помогали им как могли. Ребята мечтали встретить партизан. В деревне Устье Березинского района им удалось стащить у пьяного полицая пулемет и гранаты. Вскоре их отряд вырос до

15 человек, а весной окруженцы повстречали в лесу разведчиков из отряда № 756 партизанской бригады им. Сталина.

Дадим слово бывшему комиссару бригады И.А.Теплинскому:

«В наш отряд Алексей прибыл весной 1942 года. За время пребывания в отряде он принял самое активное участие в десятках боевых операций против фашистских оккупантов, разгроме военных формирований, гарнизонов, уничтожении изменников Родины, диверсиях на коммуникациях противника, засадах на важных магистралях, в боях с карательными отрядами, в защите населения от грабежа и угона в рабство. Он был командиром пулеметного отделения. Под огнем отважного пулеметчика нашли смерть не один десяток головорезов».

Все ветераны партизанского движения в своих письмах вспоминают о страшном бое, в котором погиб Алексей Зенепрецов. Если исключить эмоции можно составить целостную картину события.

26 сентября 1942 года отряд проводил засаду на шоссе Минск – Москва в районе деревни Хутор Червенского района Могилевской области. К месту засады прибыло 6 автомашин с живой силой противника. Первая машина была взорвана заложенным под полотно дороги фугасом, и начался бой. Отряд уничтожил более 60 фашистов, захватил трофеи – пулеметы, автоматы, боеприпасы, военные карты. Из документов и показаний пленных партизаны узнали, что ими разгромлен эсэсовский карательный отряд, направлявшийся в партизанскую зону для грабежа и угона населения в Германию. В конце боя раненый немецкий офицер выстрелом из пистолета убил Алексея Зенепрецова. Его тело Иван Дюндин еще несколько часов тащил на себе по белорусской чапе – нужно было как можно скорее уйти от преследования и хоронить друга не было времени. Алексей был похоронен в березовой роще у деревни Хутор (Карпиловка) Червенского района.

Выяснив обстоятельства гибели нашего земляка, поисковики написали школьникам из д. Хутор. Через полгода пришло письмо с фотографией памятника. Из текста стало ясно, что мы достигли цели – нашли место захоронения нашего солдата из Казахстана.

Вот выдержки из письма: «пионерами нашей школы были опрошены все старожилы окрестных деревень, отыскали бывшего до войны председателя сельского Совета и выяснили, что действительно в начале осени 1942 года на шоссе Минск – Могилев был убит солдат. Он был захоронен у нашей деревни. Фамилии солдата никто не помнит. Тело перезахоронено на территории села, как памятник неизвестному герою. Просим вас рассказать нам о войне из далекого Казахстана, отдавшего жизнь за свободу и независимость нашей Родины». Конечно же, мы выполнили эту просьбу – на памятнике появилось имя солдата. Ветеран войны Иван Васильевич Зенепрецов, к сожалению, не успел побывать на могиле брата...

Эта история боевого пути лишь одного солдата из Книги Памяти. Долг ныне живущих – сделать все, чтобы молодое поколение равнялось на их подвиги. Об этом хорошо сказано у Александра Твардовского:

И жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе,
Их одобренья или их упрека...

О дневнике Воропаева Сергея Николаевича

В 1995 – 96 годах в журнале «Знамя» был опубликован дневник Сергея Воропаева. В 2001 году актеры МХАТа представили премьеру «Дневник военнопленного Воропаева», спектакль был поставлен по инициативе Олега Табакова. В 2005 году «Новое издательство» выпустило книжный вариант дневника. Летом 2008 года радио «Эхо Москвы» представило передачу о Сергее.

Речь идет о нашем земляке, уроженце станицы Пресноредутской Сергее Николаевиче Воропаеве.

9 января 1946 года при осмотре инфекционного блока «А» Ламсдорфского лагеря русских военнопленных (Германия) был найден дневник Сергея Воропаева, который он вел с 29 марта 1944 года по 5 марта 1945 года. Это была записная книжка, записи в ней сделаны карандашом, сохранились следы крови Сергея.

Ранее, 19 мая 1945 года, Пресногорьковский РВК прислал матери Сергея похоронку за № 504, в которой говорилось: «ваш сын Воропаев Сергей Николаевич, находясь в плену у немцев, заболел и умер 23 марта 1945 года в госпитале 5481 после освобождения КА из германского плена. Похоронен с отданием воинских почестей. Адрес и место погребения: Ламсдорф, лагерь военнопленных № 1.

О Сергее (из личного листка по учету кадров) – год рождения: июнь 1941, место рождения: Пресноредуть. Образование 8 классов, Пресногорьковская СШ, окончил в июне 1939 года. Работал в 1940 году зав.отделом кадров Пресногорьковского РК», призван в армию в 1940 году. Служил под Минском, попал в плен в 1942 году.

Последняя запись в дневнике от 5 марта 1945 года:

«Итак, я уже точно в последний раз взялся за карандаш. Последний раз беседую с этими листками. Да. Но я дожил до такого состояния, что смерть меня уже не пугает, а, наоборот, будет чем-то приятным, успокаивающим, тем миром, где всем одинаково хорошо и плохо. Позавчера ночью началось страшное кровотечение. Слава богу, соль была, так солью пришлось остановить. Все уже перемечтал, все малейшие случаи жизни, круг моей родной семьи. Жаль, слишком жаль, что с бедной мамой... Болтают, что в шести километрах от лагеря наши взяли деревню, но ни выстрелов, ничего не слышно, абсолютная тишина. Хотя бы перед смертью услышать орудийные гулы, разрывы снарядов, чтоб земля гудела, черт побери. Обнимаю и целую все мое близкое и милое. Прощайте, мои дорогие, на долгие годы.

Мне скоро час пробьет. Я уже не поднимаюсь с постели. Ваш сын Сергей. Записи передайте Борису Семеновичу Радионову (редактор газеты Пресногорьковского района «Большевицкое знамя» - прим.С.В.).

Выдержки из дневника были зачитаны Генеральным прокурором СССР Р.Руденко на Нюрнбергском процессе против нацистских преступников в 1946 году. Дневник попал к матери Сергея в 1961 году, в настоящее время находится в хранилище Костанайского краеведческого музея.

От автора: Некоторые записи Сергея мне удалось переписать в 1988 году, тогда мне удалось ненадолго заполучить подлинник. Дневник представляет собой блокнот из 79 листов в линейку, размером 11,5 на 17 см. Обложка из грубой черной ткани, пропитанной клейкой массой. Кое-где дневник сшит нитками, скреплен канцелярскими скрепками. На страницах, написанных чернильным карандашом, рыжие пятна – следы кровавого кашля Сергея. На страницах дневника представлена жуткая правда фашистского концлагеря, волосы встают дыбом при чтении описания злодеяний нацистов. Часто Сергей вспоминает об отчем доме, учебе в Пресногорьковской школе, своей первой любви. Дружил он, по словам выпускницы 41-го года, его одноклассницы Татьяны Алексеевны Костыриной (ныне проживает в с. Узунколь, Кустанайской области), с Лидой Бобышкиной, сосланной в детский дом вместе с сестрами в 1937 году из Боготола. Там, в бывшем монастыре, Сергей работал вожатым. Мать Сергея Татьяна умерла в Пресноредути несколько лет назад в том самом доме, в котором всю войну ждала мужа и двух сыновей. Никто не вернулся назад.

Из Германии я получил статью из журнала «Шпигель», в которой публикуются фотографии концлагеря Ламсдорф, его бараки. Здесь же фото коменданта Геборски, которого лишь недавно осудили как нацистского преступника. Под крестом похоронено около 200 тысяч человек, возможно и Сережа Воропаев лежит здесь. По свидетельству

Пресногорьковской казачки, ныне жительницы Германии Инны Баурихтер (Кушнаревой), и сегодня на территории бывшего лагеря не поют птицы и зеленеют лишь редкие деревья. Природа много лет назад оцепенела от происходящего.

Описание барака в дневнике: «барак содержит пять комнат. В комнате помещается человек 50 – 60 больных. Вместо коек стоят складные нары (трехъярусные). На нарах накинаны на мелко перетертую стружку матрасы. Одеж нет. В огромном количестве лезят блохи, клопы и порядочное количество вшей. Полы не моются. Окна выбиты, вместо стекол вставлены фанера или картон, отчего в комнате полумрак».

Вечная память тебе, Сережа Воропаев. Твой дневник – подвиг, постоянное напоминание о злодеяниях фашистов.

Выпуск 1941 года Пресногорьковской средней школы

1. Тарасикова А. (ветеран войны)
2. Тьщенко А.
3. Костьрина Т.
4. Фиронов. А (погиб в 1943г)
5. Головин И.(ветеран войны)
6. Дыгайло Ф. (воевал в польской армии, погиб)
7. Радько В. (ветеран войны, разведчик).
8. Лошак П.(ветеран войны)
9. Пономарев И. (погиб в 1945 году, похоронен в Германии)
10. Иванова М.
11. Орел Д (ветеран войны)
12. Козлов В. (участник войны, полковник, комендант Байконура)
13. Кизин П. (участник Сталинградской битвы, редактор газеты, учитель)

14. Журавлев М. (участник обороны Москвы, работал на Байконуре)
15. Яицкий Ф. (погиб на фронте)
16. Климова Р.
17. Силантьева А.
18. Хобенко В.

Классный руководитель Гольдштейн Тамара Давыдовна.

Уроженка г. Ленинграда. Закончила Ленинградский государственный педагогический институт. Приехала к мужу Абраму Наумовичу Аксельроду, сосланному в Пресногорьковку. Работала учителем физики до отъезда в г. Петропавловск в январе 1951 года. С 1957 по 1975 год – доцент кафедры физики Ленинградского Высшего Военно-морского училища.

Из воспоминаний о ней: всесторонне развитый, образованнейший человек. Не истощимы были ее энергия и фантазия. Мы, девчонки, хотели быть похожими на нее, а мальчишки краснели, когда она разговаривала с ними.

Воспоминания Костыриной Татьяны Алексеевны (род. в 1922 году).

В 1938 году Пресногорьковская семилетняя школа стала средней. Из трех седьмых классов укомплектовали один восьмой. Это были самые лучшие, успевающие учащиеся.. на следующий год из 30 учеников осталось немногим более 20 т.к. ввели плату за обучение ребята из малообеспеченных семей, особенно колхозников, вынуждены были покинуть школу.

Пошли работать Сергей Воропаев, Алексей Андреев, Михаил Татаринцев, Николай Колков, Михаил Донцов, Станислава Грач и другие. В выпускном десятом классе обучалось всего 19 человек. Это был очень дружный, способный ученический коллектив.

В 1941 году состоялся первый выпуск. Помню как сейчас воскресное утро 22 июня. Последние приготовления к

выпускному балу – закуплены сладости, накрыты столы, всюду букеты полевых цветов, приглашены музыканты, гости, еще и еще раз обдумывается, что на прощание сказать родной школе и любимым учителям. После обеда с подружкой Шурой Тарасиковой зашли к Саше Фионову, и вдруг из черного картонного репродуктора раздался тревожный голос Левитана. Война...

Выступил В.М.Молотов с речью о нападении фашистской Германии на СССР.

Большого торжества по случаю вручения аттестатов не получилось. Торжественных речей тоже не произносили. Когда получили документы, секретарь комсомольской организации Иван Головин зачитал общее заявление в военкомат с просьбой направить всех выпускников на фронт.

Бал все-таки состоялся. Решили в этот вечер забыть о случившейся беде, быть веселыми, беспечными, чтобы запомнить друг друга такими счастливыми и влюбленными, чтобы с каждым из нас не случилось. До рассвета танцевали, объяснялись в любви. Взявшись за руки, ходили по улицам родного села, стояли на берегу озера, любуясь восходом солнца. Знать бы тогда, кого уже больше никогда не увидим...

Первые повестки были вручены Ване Пономареву и Федору Яицкому (оба погибли на фронте). Их взяли в летное училище. В течение зимы наши милые мальчишки уходили защищать Родину. Погибли Саша Фионов, Франц Дыгайло, «Вечная память павшим друзьям.»

Летом 1940 года наш класс работал на сеноуборке в Казанке, помогали колхозу. Лето стояло жаркое, сухое. Нашей бригадой руководил учитель географии Иван Яковлевич Вяткин. Сено сволакивали на лошадях верхом, потом вручную сметывали. Вставали до зари. «По холодку надо работать, - говорил Иван Яковлевич. - Не жарко и сено чуть влажное от росы». Когда припекало солнце, мы отдыхали, вечером при луне опять работали. Учитель научил

нас складывать сено «стожком», «скирдой или корчажкой». И так это красиво и ловко потом у нас получалось. Всю жизнь вспоминаю эти уроки.

До войны в Татарском лесу мы решили сделать спорт-комплекс. После работы и в выходные, молодежь трудилась там. Помогали и мы, восьмиклассники. Корчевали пни, ставили качели, карусель, турники, столбы для волейбольной сетки, строили препятствия для бега.

До 1942 года Татарское было любимым местом отдыха и спортивных праздников сельчан.

Против сельского акимата стоит обелиск героям гражданской войны. До революции здесь проводились ярмарки, был базар, после – митинги. На этом месте, на очень твердой земле разбили сад. Взрослые парни и девочки копали ямы, мы сажали деревья. Поливали водой из озера.

Первая аллея у школы была заложена выпускниками 1941 года. Впоследствии это стало традицией, через 15 лет здание школы утопало в зелени и цветах.

Класс наш был дружным. Учился с нами Франц Дыгайло, сосланный из Восточной Польши. Жил он с матерью в Сибирке. Зимой завьюжило, он остался без продуктов. Узнав об этом, мы принесли кто калач, кто булку, потом ребята увели Франца в кино, а девочки унесли на квартиру целый мешок печеного хлеба (Франц воевал в Польской армии, погиб).

Из воспоминаний Степановой Е.Г. о военных годах:

«Вот где закалялась сталь. Удивительные это были годы. Трудная непосильная работа выпала на долю ребят. Терпеливо, без единого упрека или вздоха, почти голодные, дети запрягали быков, коров и тощих лошадей и отправлялись в лес на заготовку дров, или, выстроившись цепочкой, выходили на прополку колхозных полей. А потом принимались за книги. У меня в те годы ушли на фронт трое – муж и двое сыновей. В 1944, 45 и 46 годах выпус-

каты из старших классов было некого, и только в 1947 году состоялся 4-ый выпуск средней школы».

Кизин П.В.

Однокласснице

(посвящается Костыриной Т.А. 1.01.88г).

Ты помнишь, Таня, школу нашу,
Тот новогодний маскарад,
Когда твой друг
Фионов Саша,
В тебя влюбился, я был рад.

Я видел, как он волновался,
Как взгляд его тебя искал,
И как счастливо улыбался
Когда с тобою танцевал.

Не долюбив, ушел товарищ
Под Сталинград, иль под Орел
И где-то там, в дыму пожарищ,
От вражьей пули смерть нашел.

Гляжу, как внуки веселятся,
Играя, спорят меж собой...
Мне образы мальчишек снятся,
Не возвратившихся домой.

Козлов Владимир Гаврилович.

1921г.р. выпускник 1941 года.

Заядлый охотник и рыболов, большой книголюб. Знал на память суворовскую книгу «Наука побеждать». За что получил прозвище «граф Рымникский». До 7 класса не вступал в пионеры, так как отец был верующим. В комсомол вступил в 9 классе. Призван в армию в январе 1942 года, попал в 380 полк 171 стрелковой дивизии вместе с пресногорьковчанами Павлом Коробейниковым, Николаем Парфеновым, Николаем Чутчиковым, Павлом Кизиным,

Павлом Бондаренко, Александром Бобрешовым. Ребята были зачислены в полковую школу младших командиров, в которой в это время учился воспитанник Уфимской школы ФЗО Александр Матросов.

В марте В.Козлов был направлен в Московское гвардейское артиллерийско-минометное училище. Пройдя всю войну. Старшим лейтенантом с орденом «Красной Звезды» и медалями приехал в Пресногорьковку в отпуск летом 1945 года.

В 1946 году В.Г.Козлов назначен руководителем группы обслуживания по испытанию ракет на жидком топливе, позже группу направили на строящийся Байконур. В марте 1961 года ему довелось познакомиться с Ю.А.Гагариным, Г.С.Титовым.

Ранним утром 12 апреля 1961 года Владимир Гаврилович Козлов доложил Главному конструктору Сергею Павловичу Королеву о готовности к запуску ракеты с первым космонавтом на борту.

После первого пуска были запуски Г.С.Титова, А.Г.Николаева, П.Р.Поповича, В.Ф.Быковского, В.В.Терешковой, В.М.Комарова, П.И.Беляева, А.А.Леонова. На заслуженный отдых В.Г.Козлов ушел в звании полковника.

Журавлев Михаил Федорович (выпускник 1941 года)

После окончания Пресногорьковской СШ Михаил Журавлев уходит на фронт. В 1942 году в возрасте 18 лет получает первое ранение на Брянском фронте. За умелые боевые действия на Курской дуге награжден Орденом Красной Звезды. Тяжело ранен при форсировании Днепра. В 1944 году назначен помощником начальника артиллерии стрелковой дивизии по разведке. В боях за Берлин руководил штурмовой группой в боевых порядках пехоты.

В 1956 году Михаил становится военным инженером после окончания Военной артиллерийской академии им. Ф.Э.Дзержинского. Направлен на космодром Байконур, где

назначен заместителем начальника космодрома по научно-испытательной работе.

М.Ф.Журавлев стал участником запуска первых сверхдальних многоступенчатых ракет, искусственных спутников земли, был знаком с первыми космонавтами. В 1959 году ему была присвоена степень кандидата технических наук, стал лауреатом Ленинской премии. В 1966 году в звании полковника М.Ф.Журавлев был уволен в запас по состоянию здоровья. За активную лекционную работу ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Казахской ССР». Умер 16 мая 1979 года. В Камышном, на стене дома, в котором родился М.Ф.Журавлев, установлена мемориальная доска.

Из воспоминаний одноклассника Кизина Павла Васильевича.

«В Пресногорьковку Миша приехал с отцом Федором Леонтьевичем, направленным в наш район уполномоченным Министерства заготовок. Жили они на ул. Ленина, неподалеку от каменного магазина (ныне «Березка») Мишка был старше нас на два года. Высокий, в сажень ростом, мы звали его «кузнец», он с первых дней обратил на себя внимание незаурядными способностями на различные выдумки и прилежание к учебе. Дружил он с Вовкой Козловым – вместе охотились на дичь и зайцев, их прозвали «Пат и Паташон» за разный рост. Мишка очень любил физику и математику. На фронт ушел самым первым из нашего класса».

Родная улица

Она собой ничем не знаменита,
Но я на то не сетую ничуть.
Пока живу, не будет позабыта –
По ней пролег мой изначальный путь
К озерной круче тесно прилегая,

Вся в тополях, в сиреневом цвету,
Зовется с давних пор – Береговая
Раскинувшись на целую версту.

Средь бела дня и самой темной ночью
Найду там сердцу милый уголок,
Откуда путь я начал свой рабочий,
Едва рукой задев за потолок.

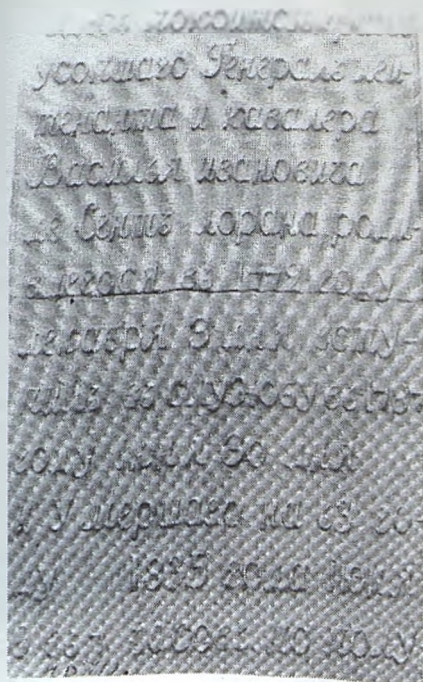
Живет там мать, совсем уже старушка
А под окном черемуха шумит,
Усыпанная ягодой чернушкой
Она о прошлом память берedit.

На ней встречал я вешние рассветы
С горячим поцелуем на губах,
Отдав сыновий долг стране Советов
Вернулся к ней в кирзовых сапогах.

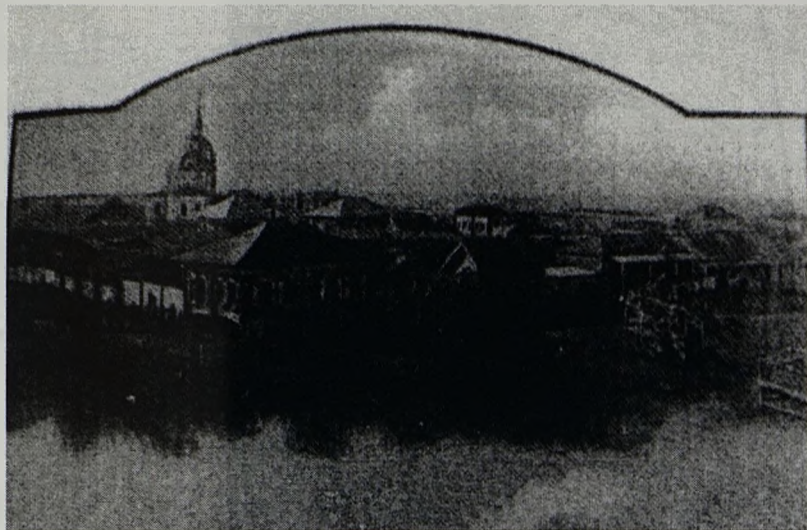
Я в дальних далях от родного дома
Прошел немало улиц и дорог.
Но лучше той, что с детства мне знакома
Нигде поныне отыскать не смог.

The image shows two pages of a handwritten document, likely a list or register. The text is written in Cyrillic script. The left page has several columns, with the first column containing names and the subsequent columns containing various details. The right page has a large table with multiple columns and rows, possibly a list of names and their corresponding information. The handwriting is somewhat faded and the paper appears aged.

**Список казаков-запорожцев
на линии. 1794 год**

**Плита на месте захоро-
нения в 1835 году гене-
рала де Сент-Лорана
(у стен церкви в
ст.Пресногорьковка)**

Пресногорьковская станица в 1891 году.

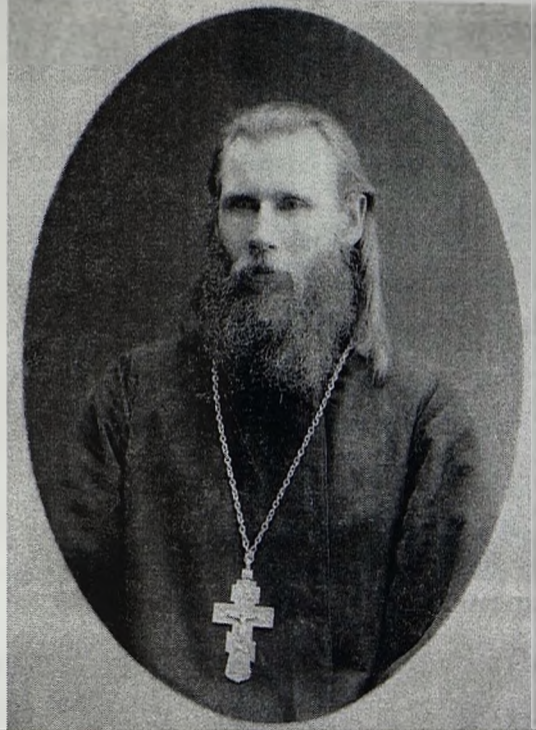
Южная сторона Свято-Никольского храма. Фото Н.Г.Катанаева. 1909 год

Внутренняя часть храма. Фото Н.Г.Катанаева . 1909 год

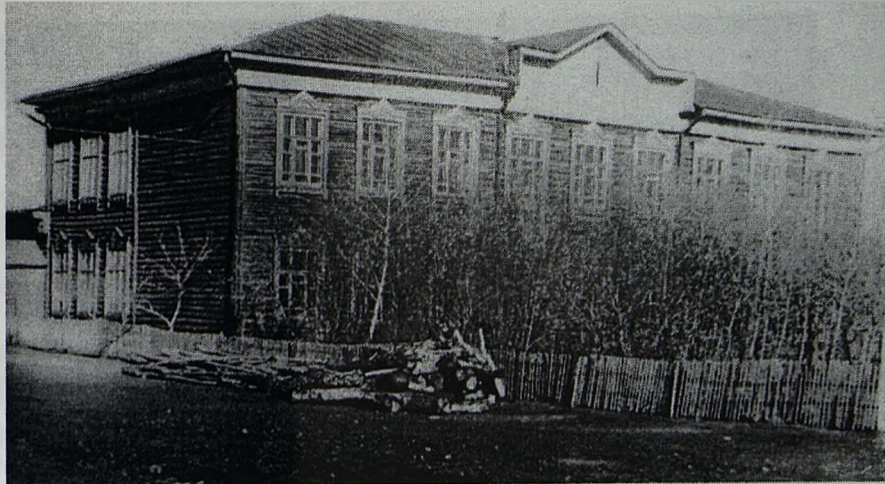
Храм. 2010год

**о.Василий
Преображен-
ский. Расстрелян
в 1921 году**

Пресногорьковское казачье училище, 1891 год

Школа. 1914 год

А.П.Шехтер.1902 год

**М.А.Шехтер учила
Г.Мусрепова в 1920
году.**

Казаци ст.Пресногорьковской. 1909 год

Женщины казачки ст.Пресногорьковской. 1909 год

Новый год в казачьей семье копия

**Есаул Баженов.
Подпись: герой,
павший в бою.
1915 год**

**Игуменья Евпрак-
сия и Мария Боб-
рова. 1917 год**

Казаци на лагерных сборах.

**Афанасий Татаринцев
с семьей, 1916 год**

**Семья казака
Томского, 1905 г.**

**Слева Дмитрий
Угенинов. Расстрелян
в 1921 году**

Угренинов, Пожидаев(расстрелян в 1921 году), Лавринов.

Шешминцев с газетой

**Казак А.П.Канахин,
ушел в Китай**

Ефановы и Островские

Зажиточная семья

Купеческая семья

Кладеновы

Групповое фото

Дом генерала Н.Кубрина. Фото 2009 года

Современное состояние дома А.П.Шехтера

**Дом Кладенова в 2004 году
Дом войскового старшины Казина.**

Построен в 1870 году.

**Стена дома Кладенова,
в нем ночевал Цесаревич Николай в 1891 году.**

**Генерал Ф.Л.Глебов.
Командир Сибирской
казачьей бригады.**

**Генерал
Л.Н.Доможиров.
Командир Парти-
занской группы.**

**Генерал Н.П.Кубрин.
Командир 1-й Сибир-
ской казачьей дивизии
в 1919 году.**

**Командарм-3, генерал
К.В.Сахаров**

**Комбриг-35
К.А.Нейман (22 года)**

**Штаб Ижевского полка с генералом В.М.Молчановым.
Дивизия воевала на территории Половинского района.**

**Д.А.Ковалев,
командир красных
партизан**

**Первые
КОМСОМОЛЬЦЫ**

**Козаки Фомины в
китайском
Трехречье**

Похороны убитого в 1930 году А.Плешакова

Т.Е.Чирков, 70-е годы.

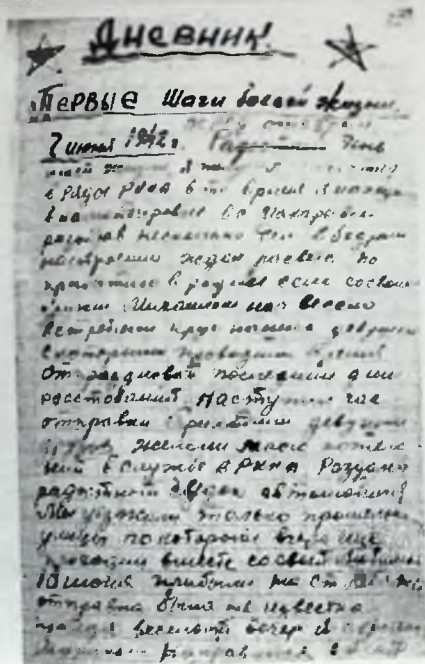
Н.Б.Савельев

Н.К.Статьев

Н.М.Плеханов

Дневник
Н.М.Плеханова, 1942 год

Г.М.Плеханова

А.В.Зенепрецов

С.Н.Воропаев

Баракы Ламсдорфа

Захоронение военнопленных в Ламсдорфе

Главный палач концлагеря Ламсдорф Геборски

**Т.Д.Гольдштейн,
кл. руководитель
выпуска 1941 го-
да. 1951 г.**

Выпуск 1941 г. В центре - директор Черепанов С.С.

Г.М.Мусрепов.
Выпускник школы
1921 года.

М.Ф.Журавлев
Выпускник школы
1941 года.

Выпускник
школы
Н.В.Коляда

Экспонаты музея

Русская изба

Осмотр фузен

Во рву старинного редута. У леса - дорога, по которой в 1891 году проезжал Цесаревич Николай

**255-летие Пресно-
горьковки.
С.Угренинов,
С.Виниченко,
О.Шилов,
Э.Крейтер**

**Пресногорьковские школьники на местах захоронений
гражданской войны**

**Казачий хор ст.Пресновской
в Пресногорьковке. 2009 год**

Книга вышла с их участием

Дедов Александр Иванович,
председатель литературного объединения «Половинские родники», автор идеи издания книги «Пресногорьковская казачья линия» в Половинском районе Курганской области, сбор денежных средств.

Холодков Владимир Петрович,
атаман Югорской станицы, Ханты-мансийский автономный округ, подьесаул, финансировал издание книги.

Абрамова Галина Михайловна,
редактор Половинской районной газеты, член Союза журналистов России, редактор данной книги.

Малахова Елена Варсофьевна,
издатель книги, компьютерная верстка, макет обложки книги.

Виниченко Сергей Николаевич

Пресногорьковская казачья линия

Редактор-корректор: Абрамова Галина Михайловна

Компьютерная верстка,
макет обложки книги: Малахова Елена Варсонофьевна

Тираж 140 экз.

Изготовлено индивидуальным предпринимателем Малаховой
Е. В. св-во 45 № 000819815 ИНН 451700036776,
641780, с.Половинное, ул.Победы, 17-10.

Обложка изготовлена в ГУП «Куртамышская типография»